

Научно-информационный журнал
**КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РОССИИ**

№ 2 (АПРЕЛЬ — ИЮНЬ) 2017

Издается с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Павелко Н. Н.** Этноментальность Кубани в культурологической регионалике: современные подходы к изучению проблемы 3
- Путрик Ю. С.** Об исторических, культурологических и географических предпосылках формирования картографической интерпретации цивилизационных ценностей 9
- Бондарь В. В.** Город в дореволюционной России: к проблеме трактовки понятия 17
- Ивановская И. О.** Полоцкая обитель в иконографических источниках: реконструкция условий сохранения реликвий 25

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

- Петрушко В. И.** Преподобный Сергей Радонежский и возрождение русского монашества в середине XIV — начале XV вв. 31
- Житенёв С. Ю.** Цивилизационное присутствие России в мире: к 135-летию начала деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Российской империи и на Ближнем Востоке 41
- Пархоменко Т. А.** Революция 1917 г. в мировом искусстве и культуре 52

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Еремеева А. Н., Коваленко Т. В.** Провинциальные музеи в условиях революции и Гражданской войны 58
- Акоева Н. Б., Денисов Н. Г.** Музей как пространство социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья 64
- Сиюхова А. М.** Традиционная одежда как объект музейного хранения и экспонирования (культурологический аспект) 69
- Талашкин А. В.** Чингисские колокола: поиски и находки 75

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

- Юренева Т. Ю.** Русская икона в музеях США 84
- Баниже О. Н.** Женская телесность как культурологическая проблема 92

ЭТНОКУЛЬТУРЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

- Ломшина Е. Н.** Понятие любви в традиционной культуре мордовского этноса: аксиологический подход 97

*Мнения авторов статей не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.
В оформлении обложки использована репродукция картины художника
Филиппова Олега Львовича «Лето».*

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. К. Кучмаева — д. филос. н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плесцевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, канд. культурологии, доцент, руководитель отдела Института Наследия;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник культуры России, профессор кафедры гуманитарных наук РГСАИ;

Заместитель главного редактора — **Г. А. Цветкова**, канд. культурологии, доцент;

Художественный редактор — **Ю. А. Бревнова**, канд. культурологии, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А. С. Калашников**, член Союза театральных деятелей России;

Дизайнер — **М. С. Волохов**, член Творческого союза художников России, Международной федерации художников ЮНЕСКО (IFA);

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

А. Л. Доброхотов — д-р филос. наук, профессор, профессор факультета философии НИУ ВШЭ;

Л. Н. Дорогова — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

А. Б. Ефимов — д-р физ.-мат. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, зам. декана миссионерского факультета ПСТГУ;

В. Н. Катасонов — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — д-р социол. наук; V1, SAM Schneider Electric;

О. В. Кучмаева — д-р экон. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Ю. А. Лукин — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

Г. У. Лукина — д-р искусствоведения, зам. директора по научной работе ГИИ;

Е. А. Минаев — д-р искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГИК;

А. В. Огороков — д-р ист. наук, зам. директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

В. В. Патоков — канд. экон. наук, председатель МОО «Русский культурный центр»;

В. Н. Расторгуев — д-р филос. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова;

В. И. Уральская — канд. филос. наук, Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — д-р пед. наук, зав. кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Ю. М. Чурко — д-р искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь).

Учредители: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия); Межрегиональная общественная организация (МОО) «Русский культурный центр».

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR

УДК: 008:130.2

ББК 71.4 +66.3 (0) 5

ЭТНОМЕНТАЛЬНОСТЬ КУБАНИ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕГИОНИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

Павелко Надежда Николаевна,
доктор культурологии, профессор,
проректор Академии маркетинга и социально-информационных технологий — ИМ-
СИТ (г. Краснодар)
Nadin5418@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются методологические подходы к конструированию этноментальности в контексте регионики как феномена культуры в единстве ее онтологических и перцепционных характеристик. Научный анализ этноментальности Кубани как полиэтнического региона позволяет осознать процессы трансляции ценностей национальной и общероссийской культуры, понять уникальность и неотделимость от культурного пространства страны и мира.

Ключевые слова

Этноментальность, регионика, региональная культурология, культурное пространство, региональная идентичность, этнонациональность, этнос, культурография региона.

Обострение глобальных проблем современности, нарастание универсализации информационного общества обуславливает процессы активного развития культурных связей и контактов, а, следовательно, все более возрастает интерес к богатству и своеобразию национальной

культуры, возрастанию роли регионов, их самостоятельного общественного и культурного развития. Возрастающая роль регионального фактора приводит к необходимости изучения региона как самостоятельной социокультурной единицы. Сегодня регион — это часть страны

с единообразными и относительно автономными социальными, экономическими и культурными условиями

В настоящее время Российская Федерация столкнулась с обострением отношений в межэтнической сфере, с высокими темпами аккумуляции в ней конфликтного потенциала и была вынуждена начать поиск оптимальной модели этнокультурного развития на современном этапе. В этот процесс активно включились регионы.

Современные исследователи, отмечая подвижную структуру собственно культурологии, выделяют в ней области знания, приобретающие самостоятельный научный статус. К таковым С. Н. Иконникова относит, в частности, и региональную культурологию¹. Соглашаясь с данной точкой зрения, мы полагаем, что культурологическая регионалика формируется как «синтезирующая» дисциплина, являясь своеобразной «пограничной областью» между фундаментальными науками (философией, историей, социологией, искусствоведением) и вспомогательными научными дисциплинами (археологией, этнографией, исторической географией, топонимикой, фольклористикой, диалектологией и др.). Ярко выраженная интердисциплинарность и тесное взаимодействие с социально-гуманитарными науками определяют методологическую, концептуальную и проблемную области культурологической регионалики.

Понять особенности разных региональных культурных процессов невозможно без анализа культурных явлений территории в динамике, с учетом конкретных исторических ситуаций. Вопросы культуры отдельных территорий являются в настоящее время предметом исследований (как в России, так и за рубежом) во многих областях знаний, в том числе в таких междисциплинарных науках, как культурология, регионоведение. Выстроена теоретическая база изучения общекультурных процессов территорий; ведущие философы, социологи, культурологи обращают внимание на необходимость исследования локальных культур и субкультур России. Одновременно в регионах страны собран богатейший материал по местной истории, этнографии, фольклористике и некоторым другим культурным процессам.

Тем не менее, в науке еще не сложилась концепция культурологической регионалики как целостного социокультурного, философского и историко-культурного феномена, оказавшего значительное влияние на формирование территориальных традиций, на сам процесс развития субъекта государства. Всестороннее и тщательное исследование во многом затрудняется в связи с дискуссионностью общетеоретических подходов к определению самих понятий «культурологическая регионалика» и «региональная культура». Между тем, культурологическая регионалика позволяет анализировать пути становления культуры региона, формирование региональной картины мира, этнического сознания народов, проектировать развитие их менталитета, воспитание межнациональных отношений. Это способствует выбору альтернативы дальнейшего развития, выявлению способов и средств перевода социокультурной ситуации любого конкретного региона из кризисного в стабильное и динамичное состояние. Все обозначенное и обусловило необходимость исследования уникальности этноментальности в контексте культурологической регионалики на материале Кубани в культурологическом измерении.

Природно-климатические, социальные и культурные факторы образуют целостность, которая представляет собой объективную предпосылку и закономерный результат развития данной территории. Географические и социально-исторические условия развития региона образуют пространственно-временной континуум, в рамках которого различные культурные феномены приобретают определенную специфику. Ее важным признаком является осознание населением того, что регион — их родина (родной край). А это значит, что жители данного региона связаны между собой не только экономическим и социокультурными, но и духовными узами.

Поскольку менталитет обусловлен социальными и историческими факторами, его изучение может быть привязано к определенному региону. Своеобразие региональных культурных традиций складывается из географических, экономических и социальных особенностей территории. В культурологической регионалике отражается социально-исторический опыт живущих на данной территории людей, представителей разных социальных групп, национальностей, вероиспо-

1 Иконникова С. Н. История культурологических теорий. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб: Питер, 2005.

веданий. На протяжении многих веков на региональном уровне идет процесс взаимовлияния, взаимообогащения, но не слияния разнообразных субкультур.

Углубленное познание региона как сложного объекта и закономерностей его развития возможно лишь на междисциплинарном уровне. В силу этого внимание многих исследователей различных областей социально-гуманитарного знания сконцентрировано на изучении регионального компонента. В русле данных тенденций обращение к проблемам культурологической регионики представляется наиболее востребованным.

Предметом исследования выступает этноментальность Кубани как объекта культурологической регионики. Цель данной статьи — раскрыть возможности, перспективы и специфику Кубани в значении объекта исследований культурологической регионики. В связи с этим представляется необходимым решение следующих задач: а) раскрыть основные положения этноментальности Кубани в контексте культурологической регионики; б) раскрыть специфику Кубани как региона; в) рассмотреть возможности и перспективы культурологической регионики в отношении Кубани.

Сфера исследований регионики охватывает природно-ландшафтные, социально-исторические, экономические и культурные условия жизни народа в рамках определённой территории. С этой точки зрения, понятие регионики приобретает особую актуальность применительно к Кубани.

Этноментальность — этнонационально окрашенное мироощущение и мировосприятие, посредством которого члены этнической или национальной общности, сохраняя близость, внутреннее родство и, следуя межпоколенной преемственности, вырабатывают собственные, отличные от других народов, психологические установки и духовные предпочтения, ценностные ориентации и модели поведения. Этноментальность означает сопричастность судеб. Она придает жизнедеятельности людей особый колорит и избирательность, межиндивидуальную распознаваемость, опирающуюся на отделение «наших» от «других».

Этноментальность позволяет находить в общем информационно-культурном пространстве родные мотивы и интонации, знаки и символы,

языки и образы. В силу значимости этнического разнообразия для устойчивого развития общества имонентным свойством культуры является этноментальность жизнедеятельности (макроуровень).

В. В. Меншиков отмечает, что отечественная историческая локалистика развивается в рамках исторической регионалистики, так как «одним из важнейших постулатов этого направления является тезис о невозможности редукционистского сведения национальной истории (макроисторический аспект) к совокупности региональных историй (микроисторический аспект)». В подтверждение этого тезиса В. В. Меншиков ссылается на К. И. Зубкова, автора ряда работ в области исторической регионалистики, который пишет: «Принято думать, что регион и классическое национальное государство соотносятся между собой как «часть» и «целое»... Чисто феноменологически это выглядит именно так, но только феноменологически... Поэтому исследования истории государства и истории региона лежат в разных аналитических проекциях и соотносятся с разным бытийным наполнением исторического времени»².

Важное место в современной этноментальности занимает регионика. Известный культуролог В. А. Личковах определяет ее как «комплекс учений о региональных измерениях человеческого бытия»³. По мнению ученого, регионика выступает необходимым условием универсализма, потому как через межкультурный диалог, комплементарность, разнообразие регионального проявляется универсальное. Если универсализм направлен на разрешение противоречий и разрозненности, возникающих между культурами в современном мире, то регионика изучает культуры в их реальном, живом состоянии и призвана раскрыть их самобытность и уникальность на уровне конкретно-уникального, культурно-исторического и геокультурного «хронотопа». В. А. Личковах пишет, что универсализм и регионика представляют собой полярные и взаимодополняющие категории теории цивилизационного

2 Меншиков В. В. Конструирующая роль локального объекта в историческом познании. — сб. Методологические аспекты современного историописания и исторической локалистики. — Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2011. — С.15–21.

3 Личковах В. А. О культурной географии [Электронный ресурс]/В. А. Личковах. — Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/219584/>

развития, исследования этно- и культурогенеза, межнациональных и межцивилизационных отношений. В мировоззренческом плане универсализм признает равные права всех этнокультур, утверждает их равноценность через диалог (полилог) в рамках глобального культурного пространства⁴.

С. Н. Иконникова подчеркивает, что «культурное пространство имеет не только внешние контуры, но и расположено внутри духовного мира личности. Этот пласт особенно важен, ибо определяет мотивацию поведения человека в мире — любовь к родному краю или безразличие, желание обустроить жизнь и внести свой посильный вклад или злобное разрушение того, что было создано трудом многих поколений»⁵.

В культурологическом аспекте регионалика может быть представлена как своеобразная «культурография» региона с его специфической «духовной метафизикой» и «духовной этнографией». Ее становление и развитие предполагает системный подход, при котором регионы репрезентуются не отдельными фактами и интересными событиями⁶, а обобщающими материалами, определенным синтезом исторических, культурных, художественных проблем, свойственных каждому региону. Кубань как регион РФ является уникальным, имеющим свою неповторимую этнокультурную специфику.

В отношении Кубани с ее уникальными природно-ландшафтными, социально-историческими, экономическими и культурными условиями жизни народов культурологическая регионалика приобретает особую актуальность. Кубань издавна была «особенной» территорией на геополитической и культурной карте Евразии. Ни один из регионов Российской Федерации не может похвастаться таким этнокультурным разнообразием, какое наблюдается здесь. Культура Кубани как сложное образование является богатым сплавом множества культур: киммерийской, скифской, сарматской, греческой, византийской, тюркской, иудейской, западноевропейской, славянской и других. Здесь, выражаясь языком М. М. Бах-

тина, на границах этнических культур происходит их встреча и диалог, благодаря которым становится возможным понимание собственной идентичности, преодоление самоограниченности и духовного отчуждения. М. М. Бахтин пишет: «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается — всё кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться...»⁷. Для Бахтина «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и... самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культурой»⁸. Рассматриваемая в аспекте межкультурных взаимодействий Кубань является уникальным местом, в котором диалог (а точнее полилог) культур оказывается существенным фактором влияния на все сферы жизни.

Важную роль в регионализации этнокультурного бытия играют и пограничные связи, отношения с ближайшими соседями. Такие особенности культуры Кубани обуславливают кросс- и транскультурные процессы. Вообще, на Кубани как одной из географических точек активного диалога Запада и Востока, исторически доминирует славяно-тюркский диалог, который в определенной мере является диалогом христианской и мусульманской цивилизаций.

Каждый регион обладает особой, только ему свойственной «метафизикой». В новейшей культурологии говорят, например, о «метафизике Петербурга» (Д. Л. Спивак), подразумевая его культурный ландшафт. Но и на Кубани есть свой «кубанский текст», своя особая «метафизика», связанная с киммерийско-скифо-сарматским наследием, уникальностью кубанских станиц, кубанского диалекта, кубанского быта, народных традиций и пр.. С точки зрения такого обобщающего подхода духовно-культурологического характера, возможно осмысление того, какой духовный потенциал заложен в регионе, какие архетипы прошли через его историю, какое место они занимают в духовной карте Кубани, а через них — и выход на проблемы этноментальности. Можно выделить такие направления исследований, как, например, разработка понятия и выявление ценностных категорий Атамани, музея народной культуры Кубани, которая предостав-

4 Личкова В. А. О культурной географии [Электронный ресурс]/В. А. Личковах. — Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/219584/>

5 Иконникова С. Н. История культурологических теорий. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб: Питер, 2005. — С. 36.

6 Там же.

7 Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского/М. М. Бахтин // Собрание сочинений. — 2003. — Т. 1. — С. 156.

8 Там же.

ляет обширнейшее поле для культурологических исследований.

Быт кубанских казаков, культурные традиции горцев, населяющих горные районы Кубани выявляются через архетипы, хронотопы и сигнатуры. Говоря об изучении этнокультурных хронотопов как взаимосвязи временных и пространственных отношений, мы соглашались с мнением белорусского ученого Ю. В. Чернявской о том, что целесообразно учитывать указание М. М. Бахтина, что хронотоп осваивается культурой неявно и нецелостно. Кроме того, при анализе этнокультурного хронотопа исследователь неизбежно вносит в него собственные интерпретации⁹.

Особенности переживания этнокультурного хронотопа вызываются природными условиями социального бытия. Кубанское мироотношение характеризуется, с одной стороны, горами, с другой — степями и плавнями, с третьей — морем. В этом отношении небезынтесным представляется сравнение славянского мироотношения, определяемого степным бескрайним ландшафтом и кубанского «пространства» души, включающее большее число компонентов.

Понятие «сигнатуры» в современной философии и культурологии также находится в состоянии разработки. В настоящее время под сигнатурой понимается знаково-смысловая система, упорядочивающая культурное пространство этноса. Сигнатура представляет собой знаковый комплекс определенного этноса, края, региона¹⁰. Применительно к Кубани мы можем говорить, например, о сигнатурах адыгов, черкесов, украинцев, армян, греков, сигнатурах христианской и исламской Кубани.

Поскольку культурология работает с ментальной сферой, в рамках изучения региональных измерений человеческого бытия возникает проблема исследования этноментальности (этноменталитета) народов, населяющих Кубань. Этноментальность тесно связана с этнопсихологией. Она опирается на архетипы и универсалии мифологического сознания и закреплена в языке, фольклоре, обрядах, обычаях, тради-

циях. В этой связи мы считаем перспективным изучение архетипических принципов этноментальности народов Кубани (например, для украинцев — софийность и кордоцентризм, связанный с лиризмом, сентиментализмом, ожиданием чуда; идея монотеизма и божественной предопределённости в исламе).

Отдельного рассмотрения заслуживает этническая и кубанская региональная манифестация и интерпретация архетипов («Дом», «Небо», «Земля», и др.). По нашему мнению, для региона, в частности, в связи с его географическим положением и климатическими условиями, интересны этнические интерпретации одного из первичных архетипов — воды. К слову, в тюркской культуре, представителями которой в нашем регионе являются, например, крымские татары, вселенная образно передается как совокупность гор и вод, символизируя принцип вертикальной и горизонтальной организации пространства.

Говоря о этноментальности Кубани как полиэтнического региона, нельзя оставить без внимания культуру повседневности как неотъемлемую часть этнокультуры. Феномены культуры повседневности имеют антропологически универсальный характер. Ей присуща устойчивость, как в контексте межкультурных связей, так и в миграционных процессах. Именно благодаря повседневности этносы сберегают свою аутентичную культуру.

Одним из магистральных направлений разработки проблемы культурологической регионики Кубани и Краснодарского края является изучение основополагающих принципов эстетики в их этнокультурном и региональном измерении. Интересным представляется рассмотрение проблемы использования понятийно-категориального аппарата (тезауруса) в произведениях представителей культуры казачьего региона. Полиэтнический, поликонфессиональный и поликультурный характер Кубани в этом плане задаёт обширное поле для исследований в области этнокультурной регионики.

Таким образом, Кубань представляет собой яркий пример диалога культур в современной культуре России, она может и должна быть рассмотрена как топографическая единица в аспекте культурологической регионики. Это раскрывает горизонты дальнейших оригинальных культурологических исследований.

9 Чернявская Ю. В. «Этническое время» в хронотопе народа/Ю. В. Чернявская // Человек. — 2006. — № 1. — С. 78–88.

10 Пулария Т. В. Архетип: к проблеме дефиниций в культурологии/Т. В. Пулария // Культура народов Причерноморья. — 2009. — № 176. — С. 215–219.

ATOMINTERSOFT THE KUBAN REGION IN CULTURAL REGIONIE: MODERN APPROACHES TO THE STUDY OF PROBLEMS

Pavelko Nadezhda Nikolaevna,
Doctor of Culturology, Professor,
pro-rector of Academy of Marketing and Social and Information Technologies — IMSIT
(Krasnodar)
Nadin5418@mail.ru

Abstract

The article discusses the methodological approaches to the design of atomintersoft in the context regionii as a phenomenon of culture in the unity of its ontological and perceptual characteristics. Scientific analysis of atomintersoft Kuban as a multi-ethnic region allows to understand the processes of translation of national values and national culture, to understand the uniqueness and inseparability from the cultural space of the country and the world.

Keywords

Atomintersoft, regionika, regional cultural studies, cultural space, regional identity, ethnonationalist, ethnicity, kulturgruppe region.

RAR
УДК 911.3
ББК: 79.0

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ФОРМИРОВАНИЯ КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Путрик Юрий Степанович,
доктор исторических наук,
руководитель Центра социокультурных и туристских программ
Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва,
вице-президент Международной Туристской Академии.
129366 Москва, ул. Космонавтов, д.2.
putrik@list.ru

Аннотация

В статье раскрываются методологические подходы к созданию цивилизационной карты Российской Федерации, которая может служить базисом при проведении работы по брендированию регионов Российской Федерации, а также выполнять воспитательную и просветительскую функцию. В качестве важнейших методологических предпосылок создания цивилизационной карты рассматривается цивилизационно-ценностный подход и ранее изданные карты культурно-ландшафтного районирования и религий. Показаны возможности создания гецивилизационной матрицы как контентной основы карты и специального программирования процесса объемного картографирования.

Ключевые слова

Цивилизация, ценностный подход, картографирование, культурная политика, наследие, образ, бренд, продвижение территории, гецивилизационная матрица, программирование.

Цивилизационно-ценностный подход как фактор обеспечения устойчивости социально-экономического развития

Согласно утвержденным в 2014 г. Основам государственной культурной политики в России одной из важнейших целей государственной культурной политики обозначена «задача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения» [1].

Таким образом понятие «российская цивилизация» вошло в государственный нормативно-правовой оборот. Идея, происходящая от почвенничества, зародившегося еще в XIX в., продолженная в трудах Ильина И. А. и Лихачёва Д. С. и получившая в наше время развитие в работах Панарина А. С., Расторгуева В. Н. [9] и др., приобретает совершенно новый смысл и значение в современной интерпретации, когда выходит за границу научно-методологической сферы и ей официально придается статусное место в ка-

честве метода и инструмента государственной культурной политики; и уже с применением цивилизационного подхода начинается определение приоритетов, целей и показателей государственного управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, способов их эффективного достижения и решения не только в сфере культуры, но и в других областях общественной деятельности — образовательной, туристской, экономической. Поэтому продекларированные в опубликованном в 2016 г. Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева проекте «Стратегии сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации на период до 2030 г.» культурные гуманитарные ценности российской цивилизации как «духовно-нравственные, этические ценностные императивы, определяющие цивилизационную идентичность России как уникального социокультурного пространства...», и обусловленные ««особой ролью России в глобальных исторических процессах» [11, с. 6], являясь основой культурной идентичности российской нации, приобретают особую актуальность и практический смысл в современных условиях тотальной информационно-войны за возможность устойчивого и безопасного социально-экономического развития российского государства.

Цивилизационная карта Российской Федерации как форма практической реализации ценностного подхода

К одним из важнейших направлений практической реализации ценностного подхода при решении первостепенных задач сохранения культурно-нравственных ценностей можно, безусловно, отнести активизацию вовлечения культурно-нравственных ценностей в процесс продвижения России в мировое культурное и экономическое пространство. Эффективным инструментом и средством продвижения страны или региона на современном этапе становится все более активно развивающееся брендирование территориальных административных образований. В то же время, известно, что Россия на сегодняшний день так и не имеет сложившегося и официально признанно-

го культурного или туристического бренда. Это же можно сказать и о ситуации для большинства субъектов РФ. Устоявшимся на сегодняшний день можно считать обобщающий политический бренд Российской Федерации — «Кремль». Однако же культурное, экономическое и туристское пространство, восходящее к главному политическому бренду, остается незаполненными в достаточной мере соответствующими брендами России и её отдельных регионов, а получивший широкое хождение в зарубежных странах образ России как «баня, водка, гармонь и лосось» давно уже требует ребрендинга, который может быть успешно проведен при непосредственном государственном участии и в интересах государства. При этом цивилизационный и ценностный подход может быть рассмотрен как основа формирования национальной системы региональных культурных брендов и как часть регулируемого процесса создания привлекательного имиджа России на мировом культурном, туристском и инвестиционном пространстве.

Одной из форм и инструментов создания методологической основы для продвижения культурного образа России в названных направлениях может стать карта, отражающая цивилизационные ценности Российской Федерации, которая окажет, не только цивилизационное, но и организационное воздействие на процесс брендинга обширных территорий нашей страны. Исходя из современных представлений о том, что бренд — это устойчивый, сложившийся в сознании людей образ того или иного региона, важно понимать, что сначала такой образ необходимо сформировать, а затем его постоянно поддерживать путем его продвижения. Только тогда он реально закрепится в сознании людей. Важную роль при формировании образа ряда территорий нашей страны в прежние времена, вплоть до начала XXI в. играли литература и искусство, а в XX в. к этим факторам добавилось еще и кино. Сегодня, во 2-м десятилетии XXI в., на формирование образов регионов все большее воздействие оказывает, безусловно, современная динамичная информационная среда, представленная СМИ и глобальной сетью интернет. Поэтому брендирование становится важной составной частью стратегического планирования комплексного развития адми-

нистративных территорий¹. Таким образом, одну из целей создания цивилизационной карты в прикладном аспекте можно определить подготовку такой карты как средства продвижения культурного образа России на международном и внутреннем культурном и туристском пространстве в рамках государственной культурной политики по сохранению и использованию историко-культурного наследия российской (русской) цивилизации.

Цивилизационные ценности как важный компонент бренда и моделирования образа обширной территории

Наиболее эффективным способом привлечения туристов и инвесторов в регион является брендинг территории, т. е. формирование привлекательного образа территории путем подготовки и реализации комплекса мер по созданию нового, или поддержанию существующего бренда/образа того или иного региона. В современных условиях роль брендинга территории, как привлекательного объекта для туристов, инвесторов и бюджетных субсидий неизмеримо возрастает. В нашем случае, как уже было сказано выше, речь будет идти о брендах территорий субъектов РФ, т. е. о брендах обширных территорий. Скажем сразу, что на теоретическом уровне это направление имеет определённую степень изученности и разработанности. Здесь прежде всего уместно напомнить об исследованиях в области культурного ландшафта Веденина Ю. А., Замятина Д. Н., Калущкого В. Н. и др., посвященных концептуальным проблемам культурно-ландшафтного районирования как основы культурной политики [2], моделированию образов

историко-культурной территории [3], схематизации культурного ландшафта [5]. Однако реальный процесс брендинга к настоящему времени получил определенное практическое воплощение в основном по отношению к конкретным административным центрам и другим большим и малым населенным пунктам, а вот брендинг конкретных регионов (субъектов РФ) в целом не получило достаточного развития и не используется в должной мере для повышения их привлекательности. К настоящему времени созрели объективные предпосылки для придания процессу формирования образа того или иного субъекта Российской Федерации ускоряющего импульса на основе применения цивилизационного и ценностного подхода, при котором в основу бренда той или иной территории может быть положена типология субъектов РФ по доминирующему цивилизационному признаку (этнография, историческое событие, культурная традиция, мифология, природный компонент, выдающаяся личность, особенности культурного ландшафта, религиозные предпочтения населения и др.).

В «Основах государственной культурной политики» культура России определена как «такое же достояние, как и природные богатства. В современном мире культура становится значимым ресурсом социально-экономического развития, позволяющим обеспечить лидирующее положение нашей страны в мире» [1]. В этом смысле, рассуждая, к примеру, о туристском использовании объектов культурного наследия, можно вполне обоснованно выдвигать гипотезу о том, что перспективы активизации взаимодействия культуры и туризма могут быть реализованы на базе новой интеграционной модели культурного-познавательного туризма как транслятора цивилизационных ценностей объектов наследия. Ценностный подход создает методологическую основу для разработки новых форм и методов вовлечения в туристский оборот все большего числа материальных и нематериальных объектов культурного наследия, используя широкий спектр возможностей информационных технологий и культурной сферы. Увеличивающийся туристский поток в регион оживляет и поднимает на новый уровень социально-экономическое положение конкретных регионов. Поэтому туристская привлекательность региона

1 Рассуждая об англоязычном термине «бренд», брендинг мы нередко можем слышать мнение о том, что вместо слова «бренд» можно вполне равнозначно применять русскоязычный термин «образ», «формирование образа» и т. д., что вполне логично и даже патриотично. Однако равнозначное применение двух терминов может быть в определенных случаях осложнено, например, в случае обозначения такого понятия, как «ребрендинг», которому в русском языке аналогичного слова нет, как и англоязычному «маркетингу». Поэтому применение термина «бренд» в данном случае будем считать вполне оправданным и вполне дружно соседствующим и сочетаемым в едином тексте данной статьи с термином «образ».

становится все более значимым фактором социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и эффективное усиление её может произойти только благодаря культурным аттрактивам. Говоря о привлекательности региональных образований надо понимать, что существует не так уж много видов привлекательности региона. Можно выделить два основных вида: туристская привлекательность и инвестиционная привлекательность. В обоих случаях состояние культурного наследия, культурная среда региона играют свою роль в привлечении туристов и инвесторов. Последние вкладывают финансовые средства в различные проекты, часто не связанные напрямую со сферой культуры, однако при этом надо понимать, что социокультурная составляющая бизнес-среды приобретает роль значимого фактора при принятии решений об инвестировании в тот или иной регион. Ну, а говоря о туристской привлекательности, роль культурного наследия выступает, по преимуществу, в роли ключевого фактора. Не будем забывать и о том, что туристы привлекаются и приезжают в регион не только из других регионов и стран, но и жители конкретного региона сами могут совершать и совершают поездки по своему субъекту Российской Федерации с познавательными, оздоровительными, образовательными, религиозными и другими целями. Для кого ещё может быть привлекателен тот или иной регион? Скорее всего для мигрантов. Однако здесь роль культурной составляющей хотя и будет, конечно же, играть определенную роль, но далеко не решающую. На первое место выходят факторы социально-экономического характера (как, например, в случае с «дальневосточным гектаром», который привлекает россиян из других регионов широкими возможностями развития своего бизнеса, связанного, в т. ч. с туризмом и культурой).

Об имеющемся опыте картографической интерпретации цивилизационных ценностей

Цивилизационно-ценностные предпосылки создания цивилизационной карты предполагают учет и анализ соотношения и веса определенного массива измеряемых факторов и показа-

телей цивилизационно-ценностного характера в рамках формирования многомерной цивилизационной матрицы с последующим агрегированием показателей и их объемной картографической интерпретацией в географической сетке обозначенных границ субъектов Российской Федерации. В дальнейшем такая матрица послужит основанием для формирования соответствующего программного обеспечения как платформы для перманентного обновления и совершенствования карты по мере появления новых находок и открытий на «чердаке истории» российской цивилизации, а также использования технологии «дополненной реальности», получающей все более широкое распространение в музейной деятельности [8]. Говоря об измеримости цивилизационных показателей следует понимать, что на первом этапе речь идет о достаточно большой степени формализации и, конечно же, условности процесса составления перечня таких показателей, их группировки по типам и видам. Поэтому предлагаемый ниже подход к сбору и систематизации массива показателей и созданную в дальнейшем на этой основе карту следует рассматривать как первое приближение к разработке такого картографического произведения. Важно отметить, что географические карты с использованием цивилизационного подхода уже разрабатывались и они, безусловно, являются весьма значимой предпосылкой целенаправленной разработки картографических произведений цивилизационного характера. Поэтому их с полным основанием можно отнести к значимому этапу цивилизационного картографирования. Здесь уместно обратиться к карте «Культурно-ландшафтное районирование территории России», опубликованной в составе 4-го тома Национального атласа России и в которой отражены цивилизационные ценности. В сопроводительном тексте указывается, что ««основу культурно-ландшафтного районирования территории Российской Федерации положено этноконфессиональное разнообразие России, история формирования хозяйственно-расселенческой структуры страны, природные и историко-культурные особенности, характер распределения культурного наследия» [6, с. 226–227]. На карте выделено 8 культурно-ландшафтных областей и 38 районов. Показаны наиболее крупные культурно-ландшафтные области России — Русская Европа и Русская Азия,

а также другие, гораздо меньшие по размеру культурно-ландшафтные области как характерные ареалы компактного расселения нерусских, коренных для данных мест, народов. Среди них выделяются многонациональные Поволжско-Уральская и Северо-Кавказская области, а также области Евразия и Южная Сибирь (См. там же).

В Предисловии к 4 тому Национального Атласа России его создатели в разделе «Российская цивилизация. Справочные сведения», особо отмечая цивилизационный подход, который был применен при формировании 4-го тома атласа, выделяют основные черты Российской цивилизации, которая определена как «устойчивая социальная общность, сформировавшаяся на колоссальных пространствах Восточной Европы и Северной Азии на полиэтнической основе, в результате интеграции больших и малых народов вокруг ствола великорусского народа» [6, с. 18], отмечая исключительную роль государства и особую роль Православной Церкви в истории, формировании и развитии российской цивилизации.

Включение понятия «Российская цивилизация» в официальный нормативно-правовой оборот потребовала более конкретного и структурированного формулирования понятия «российская цивилизация» как «этнополитического союза, государства-цивилизации, скрепленных русским народом, русским языком и русской культурой, уникальной системой ценностей и связанных с ними социальных норм и институтов», которое на текущий момент представлено в опубликованном в 2016 г. Институтом Наследия проекте документа стратегического планирования «Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации» [11, с. 7]. Последняя фраза приведенной выше дефиниции как раз и открывает путь к применению на основе системы и неповторимой структуры ценностей российской цивилизации ценностного подхода при определении стратегических направлений деятельности государства в сфере культуры и сопредельных сферах. Однако важно понимать, что задачи по практической реализации этих подходов, как справедливо замечает А. С. Мионов, «не будут выполнены, если при этом не будут предложены конкретные механизмы выявления и продвижения ценностного содержания культурных проектов» [7, с. 131].

Цивилизационная карта как практический аспект применения ценностного подхода

В контексте темы о создании цивилизационной карты России заметим, что продекларированные в проекте Стратегии сохранения культуры основополагающие ценности вряд ли можно проецировать в пространство и отобразить картографическими средствами, за исключением, пожалуй, православия, которое имеет конфигурацию распространения по территории страны (как доминирующая религия в конкретных субъектах РФ) и, наряду с другими религиями и конфессиями, вполне подлежит картографированию, что убедительно подтверждено изданием в 2004 г. настенной карты «Религии России» в масштабе 1:9000 000 (94 x 54 см) [10]. Другие же ценности и ценностные категории, такие, как, например, совесть, семья, свобода духа, патриотизм, милосердие, солидарность, взаимопомощь не имеют четких хронологических и хронологических характеристик, которые позволили бы их отображать во времени и пространстве и, соответственно, картографированию не поддаются. Поэтому будем исходить из того, что их пространственные проявления, осязаемые и улавливаемые через восприятие окружающей среды накапливаются в пространстве прежде всего в виде объектов материальной и нематериальной культуры, аккумулируются в исторической памяти народа в привязке к конкретным культурным и природным объектам, достопримечательным местам, которые уже имеют четкое пространственное распределение, формируя, в сочетании с природными условиями, культурные ландшафты того или иного региона и получившие отражение на уже упоминавшийся карте культурно-ландшафтного районирования.

Работа по созданию цивилизационной карты, отвечающей интересам конкретных субъектов Российской Федерации в практической плоскости как основы формирования информационно-методологической платформы для последующего формирования образа региона путем брендинга, приводит к необходимости, как уже упоминалось выше, проведения системного анализа совокупности цивилизационных показателей в сетке конкретного административного двухуровневого деления территории Российской Федерации на федеральные округа и далее — на субъекты РФ.

Цивилизационная карта Российской Федерации, как своеобразный катализатор, призванный придать не только ускоряющий импульс, но и цивилизационный вектор процессу брендинга обширных территорий на основе применения ценностного подхода, должна отражать также множественность и «многослойность» образа территории и, соответственно, культурологическую сущность разрабатываемых показателей и их ценностных характеристик, подлежащих, прямо или косвенно, картографированию. Кроме того такая карта может стать значимым иллюстративным дополнением как учебно-методических материалов, так и научных монографий, посвященных проблемам использования наследия для целей патриотического воспитания. [4]

Поэтому на первом этапе создания цивилизационной карты необходимо осуществить предварительный выбор типов объектов и явлений, подлежащих анализу соответствующих материальных и нематериальных носителей цивилизационных смыслов, провести их предварительный отбор по каждому субъекту Российской Федерации и сформировать таким образом определенный информационный массив, подлежащий дальнейшей обработке и анализу.

Важную роль в таком анализе могут сыграть геральдические знаки и символы: гербы, флаги, гимны, которые к настоящему времени имеются, за редким исключением в части гимнов, во всех субъектах РФ. Далее сбор исходного материала может пойти по пути выявления ключевых цивилизационных символов, характерных или присущих исторически для каждого конкретного региона. Свою роль могут сыграть также геральдические сведения о центре (столице) административной территории и отдельных пунктов, вписывающихся в контекст исследования. Предварительный анализ современного состояния брендинга показывает, что фактически бренды регионов РФ существуют и применяются, однако они никак не признаны, в подавляющем большинстве случаев, региональными властями, которые, тем не менее, время от времени предпринимают попытки разработать и официально утвердить бренд своего субъекта РФ. Однако такие попытки, как правило, не получают своё логическое завершение (официально поддержаны региональными властями бренды в Архангельской, Нижегородской

и некоторых других регионах). Поэтому представляется целесообразным проведение анализа современного состояния брендинга территорий субъектов РФ, что также позволит лучше представить формируемый образ того или иного региона. Например, для Тульской области имеются сложившийся уже добрый десяток брендов и символов: «Тульский пряник», «Тульский самовар», «Тульское оружие», «Белевская пастила», «Ясная Поляна», «Бежин луг», «Куликово поле» и т. д., а в других регионах, например, в Белгородской области, четко сформированного бренда нет. Для многих же территорий такие бренды специально даже и не разрабатывались вовсе. Далее переходим к наиболее ответственному этапу работы — выявлению ключевых ценностных/цивилизационных символов (КЦС) путем экспертного составления списков КЦС по каждому субъекту РФ с последующим их сведением в единую матрицу для целей дальнейшего анализа и синтеза. Критерием выделения КЦС по каждой территории может стать, допустим, то, чем известен данный регион (чем он славится и гордится), какой вклад его представители внесли в развитие российской и мировой цивилизации в тот или иной исторический период времени, т. е. то, что является главным содержанием коллективной исторической памяти в данном регионе, включая Объекты Всемирного культурного и природного наследия из Списка ЮНЕСКО. Например, для Смоленской области ключевым цивилизационным символом может быть выбран Юрий Гагарин (дом-музей Гагарина в г. Гагарин, ранее — Гжатск) — XX век. Для Архангельской области — народное деревянное зодчество — XV–XVIII вв, поморы (поморская культура) — XVI–XIX вв., космодром «Плесецк» (XX век) и т. д. Для Брянской области — брянские партизаны (памятник партизанам периода Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг.), Тютчев Ф. И. (усадьба «Овстуг» — XIX в.). Для Нижегородской области — Козьма Минин (XVII в.), Валерий Чкалов (XX в.), Хохлома (XVII в.) и др. Возможно внесение в список пока малоизвестных, но перспективных объектов явлений, характерных для данного региона, которые могут отнесены к разным группам по тем или иным признакам: религиозным/сакральным, историко-культурным, этнонациональным, современным (в т. ч. научно-техническим), природным. При этом важно понимать,

что КЦС не обязательно должны быть связаны с коллективной исторической памятью, КЦС могут быть обращены в будущее как на базе захватывающих фантастических литературных произведений или кинофильмов, так и на базе реальных сегодняшних научно-технических, биотехнических или технологических прорывов, с учетом того, что наша планета и так превращается в своеобразный музей цивилизаций, что, кстати, еще и в планетарном аспекте подчеркивает актуальность сохранения культурного и природного наследия.

Заключение

Цивилизационно-ценностный подход как метод, средство и инструмент государственной культурной политики на современном этапе

открывает новые возможности для системного картографического отображения цивилизационных ценностей Российской Федерации, моделирования и формирования на этой основе образов обширных территорий субъектов Российской Федерации, что окажет, несомненно, свое стимулирующее воздействие на темпы и качество процесса брендинга обширных территорий страны. При этом актуализируется необходимость разработки соответствующего программного обеспечения для обеспечения динамики процесса формирования и перманентного информационного обогащения содержания карты и расширения её интерактивной функции. Кроме того, карта цивилизационных ценностей (её настенный и электронный варианты) может найти свое широкое применение в учебном процессе школы и вуза в качестве эффективного средства просвещения и воспитания.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». См официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации: <http://mkrf.ru/info/foundations-state-cultural-policy/> (дата обращения 22.04.2017).
2. Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтное районирование России — ориентир культурной политики. В сб. Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск №2 Минкультуры РФ. Главный информационно-вычислительный центр. М., 1997.
3. Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю., Митин И. И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы/Отв. ред. Д. Н. Замятин. — М.: Институт Наследия, 2008. — 760 с. ISBN 978-5-86443-133-7.
4. Житенёв С. Ю., Новиков В. С., Путрик Ю. С., Пшеничникова Л. Л., Соловьёв А. П., Царьков П. Е., Шапинская Е. Н. Использование объектов культурного и природного наследия народов России в целях патриотического и нравственного воспитания молодёжи. Монография. Москва МТА: ИПСИ, 2015. — 214 с.
5. Калущков В. Н., Иванова А. А., Давыдова Ю. А., Фадеева Л. В., Родионов Е. А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье/Семинар «Культурный ландшафт»: первый тематический выпуск докладов. М.: Изд-во ФМБК, 1998. — 136 с.
6. Национальный Атлас России, том 4 «История. Культура». Министерство экономического развития РФ, Федеральное агентство геодезии и картографии. М., 2008.
7. Миронов А. С. Экология культуры и приоритет гуманитарных ценностей как основание культурной политики государства. В кн. Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации. Проект./Колл. авторов: Бахревский Е. В., Беспалова Т. В., Закунов О. А., Миронов А. С./Приложения. М. Институт Наследия, 2016. С. 129–131.
8. Приложение дополненной реальности artefact заработало в российских музеях. См. Портал культуры.рф: <https://www.culture.ru/news/188157/prilozhenie-dopolnennoy-realnosti-artefact-zarabotalo-v-rossiyskih-muzeyah> (дата обращения 11.06.2017).
9. Расторгуев В. Н. Цивилизационный и идеологический подходы в сфере государственной культурной политики. В кн. Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия наро-

дов Российской Федерации. Проект./Колл. авторов: Бахревский Е. В., Беспалова Т. В., Закунов О. А., Миронов А. С./ . Приложения. М. Институт Наследия, 2016. С 104–113.

10. Религии Российской Федерации. Карта. Масштаб 1:9000000. Авторы П. И. Пучков, Л. С. Винокурова, В. Ю. Зорин, О. Е. О. Е. Казьмина. М.: ФГУП ПКО «Картография», 2004.

11. Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации на период до 2030 г. Проект./Колл. авторов: Бахревский Е. В., Беспалова Т. В., Закунов О. А., Миронов А. С./М. Институт Наследия, 2016. 136 с.

ABOUT HISTORICAL, CULTURAL AND GEOGRAPHIC PRECONDITIONS FOR FORMING THE CARTOGRAPHIC INTELLIGENCE OF CIVILIZATIONAL VALUES

Putrik Yuri Stepanovich,

doctor of Historical Sciences,

Head of the Department of Socio-Cultural and
tourist programs of the Russian research institute
for cultural and natural heritage named after Dmitry Likhachev,
vice president of the International Academy of Tourism.

Bild 2, str. Cosmonauts, Moscow, 129366, Russia.

putrik@list.ru

Abstract

The article reveals the methodological approaches to the creation of the civilizational map of the Russian Federation, which in the future can fulfill not only the educational function, but also serve as an impulse and basis for the work on branding the vast territories of the federal districts and subjects of the Russian Federation. As the most important methodological preconditions for the creation of a civilizational map, the civilization-value approach and previously published maps of cultural-landscape zoning and religions are considered. The possibilities of creating a geocivilization matrix as the basis of a geocivilization map and special programming of the process of volumetric mapping are shown.

Key words

Civilization, value approach, heritage, cartography, cultural policy, image, brand, promotion of territory, geocivilization matrix, programming.

RAR
УДК 930.2
ББК 63.0

ГОРОД В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: К ПРОБЛЕМЕ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ

Бондарь Виталий Вячеславович,

кандидат исторических наук,
начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
ул. Красная, 28, оф. 24, Краснодар, Россия, 350063,
bonvita@yandex.ru

Аннотация

По результатам анализа критериев отнесения поселений к числу городских в законодательных актах и административной статистике и на основании достигнутого наукой уровня осмысления феномена российского города предложено конкретизированное определение понятия «город» применительно к исследованиям российской исторической действительности дореволюционного периода.

Ключевые слова

Город, российский город, городское поселение, городская община, историческая урбанистика, конкретно-историческое исследование, понятие, определение.

В современную эпоху глобализации, затронувшей не только хозяйственно-экономическую сферу общественной жизни, но и интеллектуальную, выделение национальных или региональных особенностей какой-либо отрасли научного знания выглядит достаточно спорным. Применительно же к урбанистике, трактуемой довольно широко и нашедшей воплощение в архитектурно-градостроительном, историко-культурном, экономическом, географическом, экологическом и прочих аспектах, попытки территориальной конкретизации теории и методологии представляют собой подобие научного манифеста. Но именно такой путь — вычленение в рамках устоявшегося предметного пространства конкретного поля для ретроспективных исследований российских городов и процессов урбанизации, в полной мере отразивших особые чер-

ты российской локальной цивилизации — представляется наиболее продуктивным.

Если рассматривать историческую урбанистику как отрасль исторической науки, изучающую прошлое городов, то есть реконструирующую обстоятельства «биографий» городских территорий и населявших их сообществ, то можно с уверенностью констатировать достаточно давнюю историографическую традицию. Начиная с И. Е. Забелина, давшего «Историей Москвы» образец тотальной истории города, и до дня сегодняшнего написаны истории сотен российских городов и их территориальных групп, опубликованы результаты сотен исследований по различным аспектам городской истории. При этом, однако, как точно заметил полтора десятилетия назад Г. М. Лаппо, «в российском обществе ни сущность города, ни его роль должным об-

разом не осознаны»¹. Это суждение, имеющее очевидно широкий смысл и выходящее за рамки городской истории, вполне соответствует современному положению дел в научном осмыслении обстоятельств возникновения и эволюции городских поселений страны, распространения городского образа жизни и связанной с ними трансформации системы расселения.

Обозначенное несоответствие порождено различием в понимании научной функции исторической урбанистики, обусловленной взглядом на объект исследований: «город» или же «город в контексте урбанизации». Очевидно, что историческая урбанистика как отрасль науки, имеющая широкое предметное поле, изучающая историю городов, как сложных территориально-социальных систем, в контексте истории регионов и всей страны, а процессы урбанизации — как универсальное явление исторического процесса, находится в России в состоянии становления и поиска своего места в системе социогуманитарного знания. Источниками же формирования отрасли выступают, наряду с научными плодами западной «урбан-истории», недолго существовавшего отечественного «городоведения» и отдельных конкретно-исторических исследований, достижения социологии, географии, культурологии и прочих смежных дисциплин.

Ключевая теоретико-методологическая проблема исторической урбанистики, обусловленная предметно-объектной и функциональной определенностью отрасли — формирование адекватного понятийно-терминологического аппарата. В идеале этот аппарат должен дать исследователям возможность оперировать универсальными с хронологической и географической точек зрения, конкретизированными для отрасли и одновременно не противоречащими общепринятому смысловому наполнению понятиями, включая базовые, поднимающиеся в рамках отрасли до уровня категорий. К базовым, на наш взгляд, стоит относить два понятия: «город» и «урбанизация». А. С. Сенявский к категориям исторической урбанистики относит, помимо названных, понятие «урбанистический переход»². Не оспаривая важности этого понятия, заметим, что урбанизационный переход — явление, характер-

ное лишь для конкретного этапа российской истории — стадии индустриальной модернизации, и представляющее собой, как справедливо указал сам А. С. Сенявский, «высшую стадию» урбанизационного процесса, характеризующуюся «помимо его универсальных признаков, дополнительными, новыми качественными признаками...»³.

Оговоримся, что мы не рассматриваем здесь трактовки сущности российского города с позиций общефилософских, социологических, культурологических и прочих, концентрируясь на определении этого феномена исключительно в интересах конкретных исследований, направленных на реконструкцию исторической действительности.

Проблема содержания понятия «город» в его исторической ретроспективе обозначилась достаточно давно и обусловлена, несомненно, разнообразием форм поселений городского типа и отражением этого разнообразия в общественном сознании, административной практике и демографической статистике, откуда, собственно и привнесена была в сферу науки.

Еще Екатерина II в «Наказе» 1767 года писала: «Есть города разного существа, более или менее важные по своему положению... Сколько ни есть разных положений городам, только в том они все вообще сходствуют, что им всем нужно иметь одинакий закон, который бы определил: что есть город, кто в оном почитается жителем, и кто составляет общество того города, и кому пользоваться выгодами по свойству естественного положения того места, и как сделаться городским жителем можно»⁴.

Однако, несмотря на то, что начало «новому городскому устройству» было положено еще Петром Великим (реформы городского управления 1699 и 1720–1724 гг. резко «разграничили» городские и сельские поселения), ни в елизаветинское время, когда петровское законодательство о городах было частично трансформировано, ни в екатерининскую эпоху, когда «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» 1785 года был установлен сословный характер «градского общества» и введена выборная городская Дума, понятие «город» зако-

1 Лапко Г. М. Особенности российской урбанизации // Известия РАН. Сер. географ. 2000. № 5. С. 54.

2 Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 35–37.

3 Там же. С. 35.

4 Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1830. Т. XVIII. № 12949. Гл. XVII. Ст. 386–393.

нодательно не было определено. Ничего в этом смысле не принесли и законодательные акты о городском устройстве (включая «Городовые положения» 1846, 1862, 1870 и 1892 годов) всех последовавших русских императоров.

О трудностях в определении численности городов и городского населения именно по причине отсутствия критериев отнесения поселений к числу городов, писал еще в 1819 г. К. Ф. Герман, впервые в отечественной истории изучивший и систематизировавший данные демографической статистики в масштабах государства и предложивший сложный и почти не получивший распространения принцип разделения поселений на городские и негородские, основанный на классификации их «по хозяйственным видам», «видам управления» и по числу жителей.⁵

Почти столетие спустя, в 1913 году, Центральный статический комитет, признавая, что в вопросе разделения населенных мест империи «ни официальная статистика, ни наука не установила таких оснований, которые можно было бы считать общепринятыми», разъяснял: «В России до настоящего времени под городами также разумеются такие поселения, которыми, кроме наименования города, законом присвоено и особое административное устройство и управление»⁶. В те же годы проблема определения города косвенно, в русле типологии поселений вообще, рассматривалась В. П. Семеновым-Тянь-Шанским, предложившим по результатам своих исследований определять город по двум признакам: «людности» населенного пункта и доле населения, занимающегося торгово-промышленной деятельностью, выводя некий коэффициент «бойкости... торгово-промышленного оборота на одного его (поселения — В. Б.) жителя»⁷. Очевидно, что оба определения были ориентированы на характеристику современного им города и по этой причине вряд ли могут считаться историографическими фактами применительно к нашей теме.

5 Герман К. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819. Ч. I. О народонаселении. С. 229–231, 262.

6 Юбилейный сборник Центрального статического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С. 20–21.

7 Семенов-Тянь-Шанский В. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910. С. 55–56, 74.

Историки же, судя по отсутствию специальных работ, на тот момент не были озабочены решением вопроса определения понятия «город» применительно к исторической ретроспективе: о мнении С. М. Соловьева, Н. Д. Чечулина, К. А. Неволина и даже автора «Городовой теории» происхождения русского государства В. О. Ключевского и др. представителей «государственной школы», считавших городами лишь те поселения, что именовались таковыми в источниках, можно судить лишь опосредованно, по их обобщающим трудам⁸. Лишь И. И. Дитятин обозначил свою позицию в рамках исследования по истории общественно-городского управления в России⁹.

В известном труде Н. А. Рожкова «Город и деревня в Русской истории. Краткий очерк экономической истории России»¹⁰, нашедшем воплощение с начала XX столетия в нескольких изданиях, автором было предложено считать полноценными городами исключительно торгово-промышленные поселения. Эта точка зрения, получившая развитие преимущественно в изучении раннефеодального этапа отечественной истории, в советское время была поддержана Б. Д. Грековым¹¹, С. В. Бахрушиным¹² и др.

Основание третьей точки зрения на существование российского города как поселения, имевшего назначение военно-административного центра округа, либо торгово-промышленного пункта, либо сочетающего обе функции, ярко обозначил П. Н. Милюков: «Раньше, чем город стал нужен населению, он понадобился правительству. Это был военный оборонительный пункт. Городское население приходилось создавать насильно»¹³. На этой же позиции стояли Ю. Р. Клокман, считавший существование городов, наделенных исключительно функцией военно-административных центров, показателем

8 Водарский Я. Е. Проблемы сущности, времени и места основания русских городов // Его же. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 6–7.

9 Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875.

10 Рожков Н. А. Город и деревня в Русской истории. Краткий очерк экономической истории России. СПб., 1902.

11 Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М.-Л., 1946. С. 553–555.

12 Бахрушин С. В. Научные труды. В 4-х т. Т. 1. М., 1952. С. 122.

13 Милюков П. Н. Очерки по истории рус. культуры. Ч. 1. СПб., 1909. С. 241.

«незавершившегося... процесса отделения города от деревни»¹⁴, и В. В. Карлов¹⁵.

Не вдаваясь в доказательства уязвимости приведенных трактовок сущности русского (российского) города в плане хронологической и географической универсальности понятия, подробно обозначенных Я. Е. Водарским¹⁶, отметим наличие четвертого направления в стремлении найти идеальную формулировку сущности русского города в его исторической ретроспективе. Эту позицию, состоящую в признании городом торгово-промышленного поселения с обязательной городской сословной общиной, занимали, применительно к разным периодам отечественной истории, Н. И. Костомаров¹⁷, М. Н. Тихомиров¹⁸, А. М. Сахаров¹⁹, Л. В. Черепнин²⁰, П. Г. Рындзюнский²¹.

Я. Е. Водарский и В. М. Кабузан конкретизировали приведенную точку зрения, обоснованно разделив понимание городской сословной общины 1775–1785 годами (то есть началом екатерининской административной реформы и изданием Жалованной грамоты российским городам): применительно к первому периоду к городам были отнесены поселения, являвшиеся торгово-промышленными центрами своих округов и имевшие посадскую общину, а для второго периода городами предлагалось считать поселения,

которые также были торгово-промышленными центрами и имели официальный статус города.²²

Приведенные мнения были обозначены их сторонниками в рамках конкретно-исторических исследований и ни в одном из случаев не были оформлены как законченное определение феномена российского города в историческом его смысле. Исключением из этого ряда является Я. Е. Водарский, резюмировавший свои изыскания по обозначенной проблеме таким образом: «[Российский] город был одновременно экономической и юридической категорией, а процесс горообразованием состоял в постепенном изменении экономической функции деревни, сопровождавшимся еще более замедленным изменением ее (деревни) юридического статуса. Город становился городом в научном понимании этого термина после того, как его экономическое состояние получало юридическое оформление, т. е. после того, как его ремесленники и торговцы объединялись в наделенную правительством правами и обязанностями посадскую общину (до 1775 г.), а позднее получал от правительства статус города. Этот процесс в разные периоды имел различные особенности»²³.

На наш взгляд, такая точка зрения, претендующая на всеохватность и во многом отвечающая потребностям выработки оптимального определения российского города в конкретно-историческом смысле, имеет, тем не менее, уязвимое место: не все города Российской империи конца XVIII — начала XX столетий, наделенные официальным статусом города (и даже городским гербом), имели сословную городскую общину. К таковым относились, например, войсковые города, то есть находившиеся на землях казачьих, войск, где правом постоянного жи-

14 Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 33.

15 Карлов В. В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город: Проблемы горообразования. Вып. 3. М., 1980. С. 81.

16 Водарский Я. Е. Проблемы сущности, времени и места основания русских городов // Его же. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 5–49.

17 Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. XIX: Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887. С. 5.

18 Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 44, 51, 435.

19 Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959. С. 11, 23, 180.

20 Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 329–330.

21 Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 13.

22 Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Население городов России в XVI — начале XVIII вв. (К вопросу о методике изучения численности и состава) // Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI–XX вв.). Таллинн, 1979. С. 141; Водарский Я. Е. Проблемы сущности, времени и места основания русских городов // Его же. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 8; Его же. Русский город в эпоху феодализма (к проблеме горообразования) // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвященных памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 1987. С. 308–314.

23 Водарский Я. Е. Проблемы сущности, времени и места основания русских городов // Его же. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 9.

тельства и владения недвижимостью обладали лишь лица «войскового сословия», причем конкретного казачьего войска²⁴.

П. Г. Рындзюнский в монографии «Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века» сформулировал следующий принцип: «Имеется основание признать, что обособленное рассмотрение населенных пунктов, официально признававшихся городами, имеет свой смысл и значение. В этих поселениях существовали особые административные порядки, свойственные городам, в них обосновывались свои сословные корпорации, особая организация городской жизни, имелся специфический городской состав населения. При достаточно широком подходе к общественным явлениям и должном внимании не только к производственной деятельности людей, но и ко всем существенным сторонам их общественной жизни рассмотрение городов в том их составе, каким он был официально признан, получает свое оправдание и представляется единственно возможным»²⁵. Если учесть, что официальная статистика, являющаяся одним из основных источников суждений о городском устройстве России, была напрямую связана с городом как официально конституированной административно-территориальной единицей, то аргументация П. Г. Рындзюнского выглядит вполне убедительной.

Еще более универсальной представляется точка зрения М. Г. Рабиновича, полагавшего, что «отсутствие сколько-нибудь полных данных (в особенности для ранних периодов) не позволяет выработать в этом отношении точные критерии и приводит в ряде случаев к субъективным определениям... вопрос не в том, являлся ли тот или иной указанный источниками город «настоящим», а в том, что представляло собой городское поселение в данную эпоху в данной стране, почему современники считали его городом, каковы были его основные функции, особенности разделения труда, степень разви-

тия ремесел и торговли, соотношение основных и подсобных занятий, планировка и застройка, городское хозяйство, тип жилища и одежды его жителей, каков был городской образ жизни» и предложившего определение: «Русские города были центрами развития ремесла и торговли, центрами военными и административными, центрами культурными и религиозными. Эти функции были в большей или меньшей степени свойственны всякому городу. Но не всякий город обязательно сочетал их все... И достаточно было одного из этих многообразных значений, чтобы поселение стало городом...»²⁶. В отношении же критериев отнесения тех или иных поселений к городам исследователь высказался следующим образом: «самое старое мнение — городами являются те поселения, которые признавали городами современники — не устарело и сейчас»²⁷.

Точку зрения М. Г. Рабиновича поддержал и убедительно развил Б. Н. Миронов: «Идти на поводу у источников, точнее, у современников, — как будто ненадежный путь ввиду отсутствия твердых и постоянных критериев для разделения поселений на городские и сельские. Однако идти против источников и мнения современников еще более опасно: это чревато осовременниванием прошлого, утратой исследователем исторической перспективы. Было бы парадоксом, например, не считать в противоречие с источником жителей некоторых городов горожанами на том основании, что их город являлся преимущественно административным, а не торгово-промышленным центром... Может быть, целесообразно признать, что мы имеем дело с городом всякий раз, когда его жители полагали, что они обитали в городе? Ведь только таким образом мы можем понять, что представляло собой городское поселение в ту или иную эпоху, почему современники считали его городом, каковы были его основные функции, городское хозяйство, каков был городской образ жизни»²⁸.

24 Бондарь В. В. Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Краснодар, 2000; Его же. Феномен войсковых городов // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4. С. 54–55.

25 Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. С. 127.

26 Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 16–17, 20–21.

27 Рабинович М. Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. 1983. № 3. С. 24.

28 Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 15–16.

Б. Н. Миронов, обращая внимание на необходимость учета полифункционального характера русского позднефеодального города (то есть в хронологических рамках своего конкретного исследования), предлагает его определение как «поселения многофункционального назначения со значительным (по крайней мере в несколько сотен человек) населением (его торгово-промышленная часть составляет посадскую общину), которое живет в условиях специфического уклада общественной жизни, своей деятельностью организует во всех отношениях (в хозяйственном, политико-административном, культурном) тяготеющую к нему сельскую округу и объединяет ее в единый государственно-хозяйственный механизм». При этом, как отмечает автор, «основное содержание городского развития в XVIII — первой половине XIX в. можно свести к концентрации экономической, политической и культурной власти в немногочисленных центрах и образованию из них иерархической системы городов»²⁹.

Принимая во внимание факт хронологической ограниченности приведенной точки зрения, отметим ее полноту в отношении характеристик позднефеодального города и очевидные возможности для расширения смыслового наполнения определения с целью учета основных черт русского города до обозначенного периода и после него.

Попытку преодолеть трудности учета множества аспектов городской истории в России предпринял в своем труде «Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе» А. С. Сеньявский, который предложил развернутое определение города без конкретизации его применительно к российской «почве» (несмотря на конкретно-историческую направленность его исследования): «Город — это исторически определенная форма социально-территориальной организации общества, а также форма поселения, элемент территориально-поселенческой структуры, социально-экономическая сущность которого обусловлена природой существующих в обществе отношений... Как тип поселения, отличный от деревни, город основан на концентрации материального несельскохозяйственного и духовного производства»³⁰. Такая емкая фор-

мулировка в полной мере сообразуется с потребностями определения феномена города в общем социогуманитарном значении, но оставляет открытым вопрос о сущности российского города в его историческом смысле, поскольку не учитывает разнообразие изменявшихся во времени форм городской жизни в стране.

На сегодняшний день историография проблемы определения основных черт русского (российского) города, с целью выделения его из общей массы населенных мест, практически исчерпывается приведенными точками зрения и попытками дать определение феномена. С полной уверенностью можно констатировать как отсутствие единства во взглядах на решение проблемы, так и отсутствие какого-либо специализированного исследования по этой теме.

Отмечаем и тот факт, что в составе приведенных характеристик российского города отсутствует констатация очевидной, на наш взгляд специфики его пространственной организации (планировочной структуры, композиции, плотности и характера застройки) по сравнению с прочими формами селитебных территорий.

Осознавая недостаточность изученности эмпирического материала для учета всего массива обстоятельств исторического бытования российских городов, начиная со времени их возникновения и заканчивая современностью, и не претендуя на смысловую всеохватность формулировки, предлагаем, исходя из достигнутого отечественной исторической наукой уровня научного осмысления феномена российского города, следующее его определение.

Городами в России следует считать поселения с преимущественно несельскохозяйственными занятиями населения, выполняющие функции административного и (или) хозяйственного центра тяготеющей к ним территории, являющиеся структурным звеном в системе расселения государства и соответствующие понятию «город» в сознании современников, отраженном в источниках, и имеющие специфический городской характер пространственной организации. Применительно к периоду до 1775–1785 гг. (начало екатерининской административной реформы и издание «Жалованной грамоты городам Российской империи») неотъемлемой чертой русского (российского) города было наличие посадской общины, к периоду с 1785–1870 гг. (до издания в рамках проведения буржуазных реформ «Го-

29 Там же. С. 39.

30 Сеньявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 33.

родового положения») — наличие многословной или, в отдельных случаях, однословной городской общины.

Подводя итог нашему небольшому исследованию сущности российского города в конкретно-историческом смысле, констатируем необхо-

димость, в интересах становления исторической урбанистики России, усилий научного сообщества в выработке обобщающих определений таких понятий как «урбанизация», «горообразование», «урбогенез» и установления смысловых связей и пересечений между ними.

Список литературы

1. Бахрушин С. В. Научные труды. В 4-х т. Т. 1. М., 1952.
2. Бондарь В. В. Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Краснодар, 2000.
3. Бондарь В. В. Феномен войсковых городов // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4.
4. Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Население городов России в XVI — начале XVIII вв. (К вопросу о методике изучения численности и состава) // Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI–XX вв.). Таллинн, 1979.
5. Водарский Я. Е. Проблемы сущности, времени и места основания русских городов // Его же. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006.
6. Водарский Я. Е. Русский город в эпоху феодализма (к проблеме горообразования) // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвященных памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 1987.
7. Герман К. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819. Ч. I. О народонаселении.
8. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М.-Л., 1946.
9. Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875.
10. Карлов В. В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город: Проблемы горообразования. Вып. 3. М., 1980.
11. Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967.
12. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. XIX: Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887.
13. Лаппо Г. М. Особенности российской урбанизации // Известия РАН. Сер. географ. 2000. № 5.
14. Милюков П. Н. Очерки по истории рус. Культуры. Ч.1. СПб., 1909.
15. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
16. ПСЗ (I). СПб., 1830. Т. XVIII. № 12949. Гл. XVII.
17. Рабинович М. Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. 1983. № 3.
18. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.
19. Рожков Н. А. Город и деревня в Русской истории. Краткий очерк экономической истории России. СПб., 1902.
20. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
21. Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983.
22. Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959.
23. Семенов-Тянь-Шанский В. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910.
24. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.
25. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
26. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.
27. Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913.

A TOWN IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE CONCEPT

Bondar, Vitaliy Vyacheslavovich,
candidate of historical Sciences,
head of Department exploring the cultural heritage and expert activities
The southern branch of Russian Institute cultural and natural heritage. D. S. Likhachev
Krasnaya street 28, of. 24, Krasnodar, Russia, 350063,
bonvita@yandex.ru

Abstract

According to the analysis of criteria of reference of settlements to the number of urban in legislative and administrative statistics and based on the achieved science level understanding of the phenomenon Russian city proposed specific definition of «city» in relation to the studies of the Russian historical reality of the pre-revolutionary period.

Keywords

Town, Russian town, urban settlement, urban community, historical urban studies, specifically historical study, concept, definition.

RAR
УДК 7.04
ББК 79–85

ПОЛОЦКАЯ ОБИТЕЛЬ В ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ: РЕКОНСТРУКЦИЯ УСЛОВИЙ СОХРАНЕНИЯ РЕЛИКВИЙ

Ивановская Ирина Олеговна,
Аспирантка Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Лихачева Д. С.,
Берсеневская набережная 20, Москва, Россия, 119072,
vit.irina@bk.ru

Аннотация

В статье дано описание условий хранения некоторых историко-культурных объектов в условиях действующего собора. Анализируется микроклимат и состояние архитектуры Спасо-Преображенского храма XII в. на основании иконографических источников. Выделены отдельные факторы, которые оказали влияние на движимые культурные ценности.

Ключевые слова

Полоцкий женский монастырь, Спасо-Преображенский храм, серебряная рака, деревянная рака, церковный текстиль, литографии И. П. Трутнева.

Почти семь веков в Феодосиевых пещерах Киево-Печерской лавры хранились мощи преподобной Евфросинии, игуменьи и княжны Полоцкой. В 1910 году святыня была перенесена в специально подготовленном деревянном гробике из Киева на историческую родину. Мощи святой поместили в серебряную раку, установленную в маленьком храме XII в. на территории основанного княжной-монахиней Евфросинией, женского монастыря.

Согласно монастырской летописи за 1912 г., «серебряная рака располагалась на солее перед царскими вратами храма. Кипарисовая, облицовка серебром 84-й пробы, весом 320 фунтов чистого серебра. Представляет подобие древнего саркофага, на углах которого размещаются колонны с золочеными капителями.

Каждая из сторон раки украшена барельефами: в центре лицевой стороны — перенесение св.

Серебряная рака преподобной Евфросинии Полоцкой. Фотография 1910 г.

Мощей преподобной Евфросинии из Иерусалима в Киев. На противоположной стороне — барельеф, представляющий момент закладки преподобной Евфросинией храма Спаса. По бокам барельефов помещены эмалированные изображения Византийских крестов. В изголовье и в ногах изображен по золотому полю крест преподобной. Верхний край раки украшен золотым чеканным орнаментом и покрыт разноцветной эмалью, в нижней части помещен золотой орнамент. На крышке раки размещена икона преподобной Евфросинии в рост, вокруг которой идет золоченая чеканная эмалированная рама. На откосах крышки с 4-х сторон выгравированы золотые надписи из акафиста преподобной Евфросинии. Внутри крышка обита темно-красным бархатом, и на ней помещен Нерукотворный Спас»¹.

Из летописи обители узнаем, что через некоторое время «рака была устроена под сенью на 4-х колоннах, украшенных рисунком с изображением виноградных гроздьев и листьев, позолоченной резьбой. На колоннах располагались 4 арки с надписью: «Честна пред Господом смерть преподобных» и «Дивен Бог во святых своих». Вверху арок с 4-х сторон размещались медальоны с изображением св. Александра Невского, равноапостольного князя Владимира, мучеников князей Бориса и Глеба. Сень была увенчана сферическим византийским куполом»².

В связи с планируемыми торжествами 1910 года по случаю перенесения мощей, перед церковным и светским обществом ставилась более широкая задача, которая была озвучена в периодической печати. Согласно Полоцким Епархиальным ведомостям за декабрь 1909 года, требовалось «приготовить дорогой нашей гостье приличную раку, украсить ее святым храмом, ныне запущенный и нерасписанный»³.

Посредством иконографических источников, опубликованных в юбилейном издании «Полоцкое Радование», посвященном столетию перенесения мощей святой игумении Полоцкой обите-

Литография Н. П. Трутнева 1866 г.
На хорах Спасо-Преображенского храма

ли Евфросинии из Киева в Полоцк, попробуем понять условия, микроклимат, конструктивное и эксплуатационное стояния храма и примыкающей к нему территории накануне торжеств по поводу перенесения святыни.

На литографиях Н. П. Трутнева за 1866 год⁴ заметно, что праздничные богослужения в древнем храме, особенно в весенне-летний период, проходили при большом стечении народа. Все желающие не имели возможности разместиться в Спасо-Преображенской церкви. Погода в эти дни могла быть солнечной, но небо, изображенное на автолитографии, ассоциируется с повышенной облачностью, что может указывать на высокое влагосодержание воздуха вне храма. Западный дверной проем во время богослужения изображен без дверей, что может свидетельствовать о попытках осуществлять сквозное проветривание. Вероятно, наблюдалось повышение влажности и температуры в помещении от сгорания свечей и от многолюдства. К 1866 году в основном объеме храма уже было выполнено одно из известных поновлений древней фресковой стенописи маслом. На монохромной литографии обращает на себя внимание тот факт, что на хорах часть стены от уровня деревянного настила пола покрыта темной масляной краской.

1 Летопись Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря за 1912 г. // НИАБ, ф. 2563, оп. 1, д. 6, л. 40–40 об. (Архив Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря).

2 Летопись Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря за 1914 г. // НИАБ, ф. 2694, оп. 1, д. 662, л. 50 (Архив Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря).

3 Преддверие великого торжества // Полоцкие Епархиальные ведомости. — 1909. — №№ 51–52. — С. 974.

4 Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года. — Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2010. — С. 84–85.

Отчетливо видно, что местами штукатурка и красочный слой отсутствуют, открывая кладку, выявляются трещины. Можно предположить, что эти деструкции связаны с комплексом факторов: наличием лишней влаги в ограждающих конструкциях, механическим воздействием на поверхность, конструктивными деформациями. Этот же иконографический источник дает понятие о дощатом поле, вероятно, неокрашенном, т. к. видна фактура дерева. Такой настил требовал дополнительной основательной влажной уборки, что подразумевает временное повышение эксплуатационной влаги в помещении храма.

На цветной акварели с изображением южной кельи Спасо-Преображенской церкви⁵ находим, что стены с древней живописью оштукатурены и окрашены. Для освещения внутреннего пространства маленького помещения, помимо дневного света, использовалось минимальное искусственное освещение: лампада у чугунной двери при входе, две лампы для освещения ограниченного пространства самой капеллы, лампадка перед иконой. В этом случае мы можем говорить, что копоть от лампад и свечей оседала на поверхности окрашенных стен, при этом, не проникая в древнюю фресковую живопись. На акварели видны два подсвечника с одной большой свечой на каждом. Малых гнезд для небольших свечей заметно по три на подсвечнике. Паломники, видимо, ставили свечи в другой части храма, что в какой-то мере способствовало уменьшению количества сажи, копоти, влаги и тепла в келье. Вероятность проветривания данного крестообразного помещения могла существовать, поскольку есть окно. Но использовалась ли эта возможность? Точно можно утверждать, что наличие чугунной двери в западной части рукава креста южной капеллы предполагает некоторое нормирование числа желающих зайти в келью.

Если рассматривать литографию с видом западного фасада древнего храма⁶, то можно увидеть, что штукатурка на фасадах местами отсутствует, чем обеспечивается интенсивный доступ атмосферной влаги к ограждающим конструкциям

Спасо-Преображенский храм в г. Полоцке.
Фотография 1896 г.

и аутентичным материалам. Заметим, что река Полота с трех сторон омывает монастырь. Столетие назад она была более полноводной, в результате чего можно предположить достаточно частое присутствие повышенной влажности вокруг собора.

Дорожка к храму — уплотненный песок с землей, по двум сторонам от нее — трава. Дёрн по периметру церкви примыкает вплотную к стене. Нет какого-либо специального мощения. Склон с северной стороны храма более покатый. Виден значительный уклон грунта на этом участке. Отведение воды от стен с северной стороны более интенсивное, но следов специально организованного дренажа нет.

На фотографии за 1896 год видно, что четыре водосточных трубы по углам здания упорядочивают отвод воды с кровли.

Конструктивная особенность нижней части трубы, вероятно, обеспечивала усиленный отброс воды от стен. Кровельный скат в центре восточной части алтарной апсиды снабжен водосборником и трубой. Предполагаем, что намокание основания стен было минимизировано за счет подобной организации оттока воды. Тем не менее около 1896 года было устроено захоронение, примыкавшее к северной части алтарной апсиды. На более ранней фотографии⁷ погребение

5 Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года. — Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2010. — С. 88.

6 Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года. — Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2010. — С. 86.

7 Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года. — Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2010. — С. 25.

Интерьер Спасо-Преображенского храма.
Фотография конца XIX в.

с оградой плотно граничит с южной частью западного фасада, что могло нарушить отмостку на этих участках. Повреждение отмостки чаще всего приводит к увлажнению нижних частей стен и повышению влажности внутри здания.

На основании фотографии конца XIX века очевидно, что основной объем храма освещался небольшим паникадиллом со множеством свечей, несколькими напольными подсвечниками и, вероятно, лампадами, что является причиной появления копоти на стенах и оседания сажи на иконах, ковчехах, церковном текстиле.

На одной из фотографий⁸ различимо, что к торжествам стены помыли и живопись подновили. Из «Формулярной Ведомости о Полоцком Спасо-Евфросиниевском Первоклассном женском монастыре за 1912 год» узнаем, что к празднествам была «исправлена по местам штукатурка, которая заново покрашена масляною красною краскою», а «для установки сени и раки устроена солея»⁹. Известно, что солея была выполнена к торжествам 1910 года. Ее фрагменты обнаружены при смене деревянного настила пола в 2015 году и частично демонтированы.

К концу XIX века на территории монастыря был построен каменный Евфросиниевский

храм и закончилось строительство большого Кресто-Воздвиженского собора, что уменьшало богослужебную нагрузку на древнюю церковь. В дни торжественного перенесения мощей преподобной Евфросинии серебряную раку поставили в подготовленном Спасо-Преображенском храме. На фотографии¹⁰ различимо, что, помимо сооружения сени над святыней, в соборе был сделан поручень для подъема на солею и, соответственно, удобства подхода к святым мощам.

Прошло время, в стране начала разворачиваться кампания по изъятию церковных ценностей. В 1922 г. в Спасо-Евфросиниевском монастыре была реквизирована серебряная рака¹¹. Она считается утраченной. Деревянный кипарисовый гробик, в котором переносилась святыня из Киева в Полоцк, был вскрыт и мощи изъяты. Только в 1943 году реликвия была возвращена в Полоцкую обитель.

В постсоветское время монастырская жизнь на данной территории стала возобновляться. Уже в 1989 году было получено официальное разрешение на возрождение Спасо-Евфросиниевского женского монастыря. Первоначально мощи были помещены в кипарисовый гробик 1910 г. и положены в новую дубовую резную раку в Спасо-Преображенском храме. Со слов насельниц монастыря, ходатайствовал о создании дубовой раки владыка Димитрий (Дроздов) с участием архимандрита Виктора (Мамонтова).

Она была изготовлена в Литве приблизительно в 1986 году. Представляет собой саркофаг на четырех столбиках с винтовыми колоннами и сенью. Сень украшена четырьмя крестами на подоснове в виде луковичных куполов. Пятый большой крест венчает центр передней стороны сени. Крест закреплен на небольшом постаменте, имитирующем церковь. Передний щит сени украшен резьбой: в медальонах изображены виноградные ветви, лилии, птицы с виноградной лозой в клюве, крест. На столбиках-опорах воспроизведена виноградная лоза с плодами. Щит лицевой, передней стороны раки, украшен барельефом с изображением павлинов, пьющих из чаши, над которой воздвигнут четырехконечный крест. В свою очередь из сосуда произрастает виноградная лоза, распадающаяся на две

8 Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года. — Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2010. — С. 267.

9 Там же. С. 316.

10 Там же. С. 336.

11 Канфесіі на Беларусі (к. XVIII — ст.)/В.В. Грыгор'ева [і інш.]. — Мінск: Экаперспектыва, 1998. — С. 160.

Дубовая рака (конец XX в.)
Фотография 2017 г.

пересеченные ветви с плодами. Вся композиция обрамлена сверху двумя поясками орнамента: плетеным и стилизованным. Внизу щита — узкий поясок с растительным орнаментом. Противоположная сторона раки простая, из досок. Боковые стороны частично закрыты фигурными щитами, обрамляющими сквозной лаз под ракой. Крышка подъемная, выполнена из досок с планками по бокам и фиксируется четырьмя завесами к стационарной части крышки. Внутренняя поверхность саркофага обита тонким зеленым бархатом. На тыльной стороне крышки закреплен образ преподобной Евфросинии, вышитый на зеленом уплотненном бархате. Срезы бархатного полотна подогнуты и обрамлены узкой декоративной лентой. Образ преподобной

Евфросинии вышит гладью, одежды окаймляет тонкая двужильная тесьма золотистого цвета. Нимб расшит металлизированной толстой нитью по формованной объемной основе и украшен бисером по контуру. Надписи вышиты золотой нитью. Схимнический крест на одеждах и свиток в руках выполнены с использованием жемчуга. Крест в правой руке святой изготовлен из металлических пластин, окрашенных под золото с камнями (стекло, стразы). Рака запирается на ключ посредством встроенного замка.

В последние годы XX века был поставлен вопрос о начале реставрационных работ во всех храмах монастыря. Постепенно стала актуальной тема стабилизации микроклимата древнего храма. Немалое беспокойство было вызвано необходимостью сохранения имеющихся и возрождающихся культурных ценностей и святынь, создания комфортных условий для паломников и посетителей. Начался поиск квалифицированных специалистов.

Вследствие выше описанных фактов, характерных для данной территории исторических событий (войн, смен собственника, последствий революции и прочее) видится, что храм длительное время бытовал в достаточно агрессивных условиях, к которым частично адаптировался. Следовательно, и движимые памятники времени от времени содержались в не соответствующих условиях для сохранения. Это происходило в том числе из-за некомпетентности в данных вопросах и утрате в сознании людей понимания, что святыни и памятники — это еще и культурное наследие общества. Таким образом, движимые и недвижимые памятники культуры, в том числе в условиях действующих храмов, требуют разумного постоянного профессионального внимания и ухода.

Список литературы

1. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII — ст.)/В. В. Грыгор'ева [і інш.]. — Мінск: Экаперспектыва, 1998. — С.159–162
2. Летопись Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря за 1912 г. // НИАБ, ф. 2563, оп. 1, д. 6, л. 40–40 об. (Архив Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря).
3. Летопись Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря за 1914 г. // НИАБ, ф. 2694, оп. 1, д. 662, л. 50 (Архив Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря).
4. Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года. — Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2010. — 440 с.: ил.
5. Преддверие великого торжества // Полоцкие Епархиальные ведомости. — 1909. — №№ 51–52. — С. 974.

THE POLOTSK MONASTERY IN THE ICONOGRAPHIC SOURCES: RECONSTRUCTION OF CONDITIONS PRESERVATION OF VALUES

Ivanovskaya Irina Olegovna,

Graduate student of the Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev,
Bersenevskaya naberezhnaya, 20, Moscow, Russia, 119072,
e-mail: vit.irina@bk.ru

Abstract

The article describes some historical and cultural objects of the (functioning) church. The analysis of the microclimate and the condition of the Savior-Transfiguration church of the XII century is based on the iconographic sources. Some historical facts are highlighted because they have influenced movable cultural values.

Keywords

Polotsk women's monastery, Savior-Transfiguration Church, silver reliquary, wooden reliquary, church textiles, lithographs of I. P. Trutnev.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

RAR
УДК 281.93
ББК 86.372

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОГО МОНАШЕСТВА В СЕРЕДИНЕ XIV — НАЧАЛЕ XV ВВ.

Петрушко Владислав Игоревич,
доктор церковной истории,
кандидат исторических наук, профессор
кафедры русской и общей церковной истории и канонического права
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
ул. Новокузнецкая 23Б, Москва, Россия, 115184,
vp@sedmitza.ru

Аннотация

В статье рассматривается процесс возрождения русской монашества в середине XIV — начале XV вв. после продолжительного кризиса в духовной жизни, обусловленного последствиями монгольского нашествия на Русь и установлением ордынского ига. Показана роль преподобного Сергия Радонежского и общежительной уставной традиции в этом процессе.

Ключевые слова

Древняя Русь, Русская Церковь, монашество, монастырь, общежительный устав, преподобный Сергий Радонежский, митрополит Алексий.

После Батыева нашествия русское монашество наряду со всем народом понесло тяжелейшие потери. Большинство монастырей Киевской Руси располагались в крупных городах или неподалеку от них, что сделало их легкой добычей захватчиков и стало причиной их разгрома и разорения, повсеместно сопровождавшегося почти полным истреблением насельников. Однако наиболее дра-

матически на дальнейшем состоянии монашеской жизни сказалась не столько сама по себе гибель тысяч русских иноков, как то, что по этой причине оказалась прерванной внутренняя связь поколений, были нарушены традиции монашеской жизни.

Как ни в какой иной сфере духовной жизни в монашестве важно преемство, передача живого опыта подвижничества от старцев, прошедших

долгий путь монашеского делания, новоначальным инокам. Разорение большинства русских монастырей монголами и истребление их иноков привело не только к тому, что на долгие годы (а иногда и навсегда) запустело множество существовавших в домонгольский период древнейших обителей Руси, но и все русское монашество в целом оказалось на долгие годы погружено в состояние глубокого кризиса. Почти на целое столетие были потеряны не только важнейшие навыки аскетической и молитвенной практики иноков, но и преданы забвению сами принципы, лежащие в основе монашества как особого феномена духовной жизни. На монашеское пострижение чаще всего смотрели как на «второе крещение», освобождающее человека от ранее совершенных им грехов. По этой причине широкое распространение, особенно среди княжеско-боярской элиты общества, получила практика предсмертного пострижения в монашество.

Помимо того, что оказалась утраченной традиция монашеского делания, сама эпоха мало располагала к монашеской жизни. Трудно было предаваться созерцанию в условиях, когда большинство монастырей лежали в развалинах, и требовались огромные усилия для их возрождения, но главное — в любой момент можно было ожидать очередного набега ордынцев, и как следствие, нового разорения обители, гибели или угона в ордынское рабство ее насельников. Жизнь русских людей (и монахов в том числе) сводилась в ту пору главным образом к восстановлению разрушенного монголами и элементарному выживанию. Упадок русского монашества во 2-й половине XIII — 1-й половине XIV вв. хорошо заметен по православному Месяцеслову — в нем очень мало имен преподобных этой эпохи по сравнению с другими периодами русской церковной истории¹.

Сведений о русских монастырях и монашестве 2-й половины XIII — 1-й половины XIV вв. сохранилось ничтожно мало. Тем не менее, можно утверждать, что в это время на Руси

почти исчезли общежительные монастыри, которые всегда являлись основой подвижнической жизни — школой, где новоначальный инок получал базовые понятия о монашестве, формировал основные навыки молитвенно-аскетической практики. В первое столетие после монгольского нашествия на Руси преобладали особножительные обители. Поскольку большинство из них были городскими или пригородными и к тому же являлись ктиторскими по своему характеру (княжескими или боярскими), обстановка в них мало способствовала аскетическим подвигам. Такие монастыри в большей степени рассматривались как родовые некрополи и места, где богатые постриженники могли тихо и мирно провести старость, встретить кончину и в дальнейшем получить место постоянной заупокойной молитвы. Для поступления во многие такие обители необходимо было внести немалый вклад — земельный, денежный или же дорогими вещами.

Как пример обители, чья братия плохо помнила о своем аскетическом призвании, можно привести Снетогорский монастырь Рождества Богородицы — крупнейший и богатейший среди обителей Пскова. Этот монастырь, известный с конца XIII в., печально прославился как своего рода «богадельня» для богатых псковичей, которые и после своего пострижения продолжали здесь вкусно и обильно питаться, носить богатые одежды. Об этой обители говорили, что игумена здесь избирали из числа самых бедных иноков, чтобы он во всем зависел от богатых постриженников, келарем² же, напротив, назначали самого богатого монаха, чтобы он обеспечивал братии комфортное существование. В конце XIV в. пытался навести порядок в этой буйной обители и хоть как-то приучить иноков-сибаритов к самым элементарным требованиям общежительного устава Суздальский архиепископ Дионисий, прибывший в Псков по благословению Константинопольского патриарха. Сохранилась датированная 1387 г. грамота Дионисия братии Снетогорского монастыря, призывавшая к соблюдению правил иноческого общежития³.

Вообще, псковские и новгородские обители (в отличие от расположенных в центральной

1 Даже о тех святых иноках того времени, имена которых сохранились, неизвестно практически ничего. Например, это касается Киево-Печерских подвижников той поры — об их жизни нет почти никаких сведений. Скорее всего, большинство из них — мученики, пострадавшие от монгольских завоевателей. По сути, можно констатировать лишь тот факт, что монашеская жизнь в Киево-Печерском монастыре после Батыева погрома на определенном этапе возродилась и поддерживалась.

2 Монах, отвечавший в монастыре за снабжение братии съестными припасами.

3 Древнерусские иноческие уставы/Сост. Суздальцева Т. В. М., 2001. С. 215–218; Русский феодальный архив. М., 2008. № 132. С. 479–481.

и северной Руси) в значительной мере оставались в стороне от процесса духовного возрождения русского иночества, начало которому положил преподобный Сергей Радонежский. Лишь после окончательного присоединения Великого Новгорода и Пскова к Москве на рубеже XV–XVI вв. в расположенных там монастырях стал вводиться общежительный устав.

Помимо ктиторских монастырей в рассматриваемую эпоху на Руси также существовали небольшие особножительные обители, которые возникали вокруг приходских храмов, когда рядом с ними строили свои кельи отдельные иноки. При этом близ церкви могли селиться как монахи, так и монахини — как правило, из числа небогатых горожан и крестьян. Со временем такая стихийно возникшая община все более упорядочивала свою деятельность, начинала принимать черты монастыря. Такая обитель могла быть «оптиной» — т. е. общим для насельников-мужчин и монахинь-женщин монастырем⁴. «Оптины» монастыри, могли возникать и иным образом: когда братия разоренного мужского монастыря находила приют в женской обители или наоборот, инокини перебирались в уцелевший мужской монастырь. В трудные годы ордынского ига приходилось мириться с таким явлением, которое прежде, в домонгольские времена, едва ли было возможно. Но в условиях всеобщей разрухи это подчас была единственная возможность сохранить ту или иную монашескую общину при гибели монастыря⁵.

4 Судя по названию, именно к такому типу монастырей первоначально принадлежала Оптиная пустынь близ Козельска, ставшая впоследствии знаменитой благодаря своим старцам. К такого же рода монастырям относился на заре своего существования и Покровский Хотьков монастырь, в котором в 1330-е гг. незадолго до своей кончины приняли монашеский постриг и впоследствии были погребены родители преподобного Сергея Радонежского — преподобные Кирилл и Мария. В этой же обители начинал свой монашеский путь и овдовевший старший брат Сергея — Стефан.

5 То же самое повторилось и в XX в.: во время гонений на Церковь в условиях массового закрытия монастырей мужским и женским общинам нередко приходилось существовать в одних стенах. Например, такие двух-общинные монастыри в XX в. появились в Жировицкой обители в Белоруссии и Свято-Духовой в Вильнюсе. В обоих случаях в помещения действующих древних мужских монастырей были вынуждены перебраться монахини из упраздненных женских обителей.

Но несмотря на все указанные проблемы со времен Киевской Руси монашество было для Русской Церкви стержнем церковной жизни. Представление о том, что «иноки — свет миру» во многом формировало религиозное сознание жителей средневековой Руси. И даже несмотря на ставший результатом монгольского разгрома Руси упадок монашества, понимание того, сколь велико значение монастырей и иноков в духовной жизни народа, продолжало сохраняться. Но было необходимо значительное время для того, чтобы возродить утраченную традицию монашеской жизни во всей ее полноте и глубине. На это ушло почти столетие: лишь в середине — 2-й половине XIV в. начинается стремительное и масштабное возрождение русского монашества, которое стало возможным, прежде всего, благодаря активной и целенаправленной деятельности митрополита Киевского и всея Руси Алексия и исключительно по своей силе и глубине молитвенно-аскетическому подвигу преподобного Сергея Радонежского.

Преподобный Сергей Радонежский — личность уникальная: он не имел какого-либо непосредственного учителя в своей монашеской жизни, которую строил на основании собственного осмысления монашеского подвига и проникновения в суть православной аскетической традиции. Полученный им богатейший личный опыт иноческого жития благодаря множеству учеников и сподвижников стал достоянием всего русского монашества, для которого Сергей воистину стал «игуменом всея Руси». Поражает, что этот не оставивший после себя ни единой написанной строки монах стал для всего русского народа неким духовным камертоном, с которым сверял свои помыслы и поступки каждый — от великого князя до простого крестьянина⁶.

Начало монашеской жизни Сергея пришлось на период митрополичьего служения святителя

6 Подробнее о преподобном Сергии Радонежском и Троице-Сергиевом монастыре см.: Аверьянов К. А. Сергий Радонежский: личность и эпоха. М., 2006; Борисов Н. Сергий Радонежский. М., 2006; Голубинский Е. Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Сергиев Посад, 1892 (2-е изд. — М., 1909); Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998; Кучкин В. А. Сергий Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10; Эйнгорн В. О. О значении преподобного Сергия Радонежского и основанной им обители в русской истории. М., 1899.

Феогноста⁷. Стремление к аскезе Варфоломей⁸, юный сын Ростовского боярина, перебравшегося на жительство в Радонеж, проявил уже в молодые годы, но лишь после кончины родителей оставил мир и стал отшельником. Его старший брат Стефан, к этому времени овдовевший и принявший постриг в Покровском Хотькове монастыре, решил разделить с Варфоломеем тяготы отшельнической жизни. Братья избрали местом своего иноческого подвига гору Маковец в лесах близ Радонежа. Начало этого подвига было необычно для русской монашеской традиции: считалось, что отшельничество и затвор — удел опытных иноков, уже прошедших первоначальный искус в общежительных обителях. Для новоназначенных такой путь полагали не просто трудным, но и опасным из-за высокой степени риска впасть в духовную прелесть. Однако время было таким, что найти на Руси опытного наставника, чтобы под его началом пройти первые шаги на поприще монашеской жизни, братья просто не могли: ни учителей-старцев, ни общежительных монастырей вокруг не было. Приходилось постигать науку монашеского делания самостоятельно, и Сергей смог в одиночку, без поводыря пройти этот путь, ни разу не оступившись.

Варфоломей и Стефан первоначально вместе жили на горе Маковец в срубленной ими своими руками келье-хижине. Место, избранное ими для подвигов аскезы и молитвы, было далеким от селений и уединенным. Молодые подвижники проводили время в молитве и тяжелых трудах, чем и добывали себе пропитание. Вскоре после начала своей жизни в Радонежских лесах братья построили на Маковце маленькую деревянную церковь. Освящена она была по благословию митрополита Феогноста во имя Пресвятой Тро-

ицы. Житие преподобного Сергия⁹, сообщает, что замысел освятить храм во имя Троицы был внушен отшельникам свыше: «Не наше же се замышление, но Божие изволение, и прознаменование, и избрание, Богу тако изволшу»¹⁰.

Освящение храма во имя Троицы было в то время довольно необычным для Руси. Несмотря на то, что Троицкий догмат был сформулирован Церковью еще в IV в. на I и II Вселенских Соборах, а христиане с древнейших времен отмечали день Пятидесятницы как праздник Сошествия Святого Духа на апостолов, последний первоначально не воспринимался как праздник Троицы. Как следствие, ни Византия, ни Русь до XIV в. почти не имели храмов, освященных во имя Троицы¹¹. Позднее христианами было более четко осознано, что в день Пятидесятницы человечеству в полноте было явлено откровение Бога-Троицы. На Руси утверждение такого понимания праздника Пятидесятницы-Троицы всецело связано с преподобным Сергием Радонежским, который именно в учении о едином в Трех Лицах Боге, Который есть Любовь, основывал свою проповедь любви и единства, обращенную к русскому народу в ту судьбоносную эпоху, когда в борьбе с ордынским игом созидалось единое и свободное Русское государство.

«Преподобный Сергей, основав свою монашескую общину, «поставил храм Троицы, как зеркало для собранных им в единожитие, дабы взиранием на Святую Троицу побеждался страх перед ненавистной раздельностью мира». Св. Сергей здесь вдохновлялся молитвой Христа и Его учеников «да будет едино яко же и мы». Его идеалом было преобразование вселенной по образу и подобию Св. Троицы, то есть внутреннее объединение всех существ в Боге», —

7 Выходец из семьи знатного, но обедневшего ростовского боярина Сергей родился близ Ростова Великого. Относительно даты его рождения исследователи до сих пор не пришли к единому мнению, можно лишь утверждать, что она лежит в промежутке от 1314 до 1322 г. Позднее семья будущего преподобного переехала в город Радонеж в пределах Московского княжества.

8 Мирское имя Сергия.

9 Первоначальная редакция Жития преп. Сергия Радонежского была написана его учеником преп. Епифанием Премудрым около 1417–1418 гг. на основе ранее собранных им свидетельств о жизни Троицкого игумена. Текст Епифания был использован в середине XV в. прибывшим на Русь с Афона Пахомием Сербом (Пахомием Логофетом) для создания нового Сергиева жития, которое, в свою очередь, дошло до наших дней в четырех редакциях. Подробнее см.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

10 Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 307.

11 На Руси едва ли не единственным Троицким храмом, построенным в домонгольскую эпоху, был собор, возведенный в Пскове.

писал русский философ Сергей Трубецкой об основном содержании учения Сергия Радонежского¹².

В сущности, ничего нового в богословии Авва Сергий не предлагал — он просто акцентировал внимание именно на Троическом понимании Бога и учил своих учеников, а вслед за ними — и весь русский народ, видеть в учении о Боге-Троице не просто отвлеченный догмат (хотя и главнейший в христианском вероучении), но ту духовно-нравственную основу, на которой должна строиться жизнь человека, — единство, создаваемое любовью. Проповедуя Троицу Живоначальную и Нераздельную, преподобный Сергий тем самым благословлял соборность Руси и отвергал братоубийственную рознь и усобицы¹³.

Стефан недолго оставался на горе Маковец — не выдержав трудностей отшельнической жизни, он покинул брата и ушел в московский Богоявленский монастырь, в более комфортные условия городской обители, к тому же близкой ко двору великого князя: «Стефан же съвршивъ церковь и свѣщаваъ ю, и немного поживе въ пустыни с братом си, и видя труд пустынный, житие скръбно, житие жестко, отвсюду теснота, отвсюду недостатки, ни имущим ниоткуда ни яства, ни пития, ни прочих, яже на потребу. Не бе бо ни прохода, ни приноса ниоткуда же; не бе бо окрестъ пустыня тоя близ тогда ни сель, ни дворовъ, ни людей, живущих в них; ни пути людскаго ниоткуда же, и не бе мимоходящаго, ни посещающаго, но округъ места того съ все страны все лесъ, все пустыня. Онъ же видя сиа и стужив си, оставляет пустыню, купно же и брата своего приснаго, преподобнаго пустынолюбца и пустыножителя, и оттуду изиде на Москву»¹⁴.

Варфоломей остался один, и переносимые им тяготы стали еще большими. Юный подвижник выдержал множество искушений. Житие Сергия Радонежского сообщает: «И поне же младу ему суцу и крепку плотию, — бяше бо силенъ бывъ телом, могый за два человека, — диаволь же похотными стрелами хотя уязвити его. Преподобный же, очютивъ брань вражю, удръжа си тело и поработи е, обуздавъ постом; и тако благодатию Божию избавленъ бысть. Научи бо ся на бесовския брани въоружатися: яко же бесове греховною стрелою устрелити хотяху, противу техъ преподобный чистотными стрелами стреляше, стреляющих на мраце правыа сердцемъ»¹⁵. Но, преодолев все, молодой отшельник достиг высот духовной жизни. Житие содержит описание множества совершенных им чудес и явления ему Богородицы.

Испытав себя, боярский сын решил принять монашеский постриг¹⁶. Житие сообщает, что он был пострижен неким игуменом Митрофаном¹⁷ и наречен Сергием¹⁸. После принятия монашества более двух лет Сергий продолжал жить в полном одиночестве. Но слава о молодом подвижнике все более распространялась, и постепенно к нему стали стекаться ищущие безмолвного созерцательного жития. Рядом с кельей Сергия появились жилища других иноков, которые в то время жили особножительно — каждый сам изыскивал себе пропитание и заботился о своем быте. Согласно Житию, Сергий своими руками срубил кельи для некоторых пришедших к нему иноков: «Келиамъ же зиждемым и тыном ограженным, не зело пространнейшим, но и вратаря сущих ту у врат пристави, от них же сам Сергий трие или четыре келии сам своима рукама създа»¹⁹.

12 Трубецкой С. Умозрение в красках/Три очерка о русской иконе. Париж, 1965. С. 20.

13 Учение преподобного Сергия Радонежского о Троице впоследствии нашло свое наиболее яркое зримое воплощение в иконе «Троица», написанной величайшим древнерусским иконописцем преподобным Андреем (Рублевым) для Троицкого собора основанной Сергием обители. Икона была написана в память и похвалу Сергию по благословию его любимого ученика и преемника на игуменстве в Троицком монастыре — преподобного Никона Радонежского. На протяжении столетий она стояла у раки с мощами Сергия и только после революции 1917 г. была изъята из обители и поступила в собрание Государственной Третьяковской галереи, где находится и в настоящее время.

14 Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 308.

15 Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 320.

16 Это произошло в 1336 или 1342 г.

17 О его личности ничего не известно. Возможно, это был игумен Покровского Хотькова монастыря, или же настоятель какого-то иного из окрестных монастырей или приходских храмов.

18 В честь мученика Сергия, пострадавшего за Христа вместе со своим другом и соратником Вакхом около 300–305 г. при римском императоре Максимиане Геркулии.

19 Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 321.

Однако если в своем быту иноки были независимы друга от друга, то в духовной жизни они ориентировались на Сергия: «И създаша себе кыйждо свою келию и живяху о Бозе, смотряще житиа преподобнаго Сергия и тому по силе равнообразующеся. Преподобный же Сергий, живый съ братиами, многы труды претръпеваше, и великы подвиги и поты посьтничьскаго житиа творяше»²⁰.

Не несмотря на свой огромный авторитет среди других монахов, очевидное лидерство в новообразованной общине и первенство в избрании Маковца как места монашеского подвига, будущий преподобный долгое время не желал принимать игуменства над монастырем и сопряженного с настоятельской должностью священного сана: «Сам Сергий испрѣва не хотяше поставления презвитерьска или игуменства приати многого ради и конечнаго смирения»²¹. «Ради смирения Сергий не хотяше поставления поповьства или игуменства възяти: глаголаше бо присно, яко зачало и корень есть санолюбиа еже хотети игуменства»,²² — говорится в Житии.

Возможно, Сергий медлил с принятием игуменского посоха еще и потому, что стремился создать из стихийно собравшихся вокруг него на горе Маковец иноков общежительный монастырь и тем самым возродить эту угасшую иноческую традицию. Но он понимал, что сделать это сразу будет очень сложно: на Руси уже успели основательно отвыкнуть от общежительного устава, и его возобновление могло обернуться конфликтами.

Тем не менее, Радонежский подвижник уже на заре существования своей Троицкой обители стал понемногу приучать иноков к общему житию, вводя в обиход его отдельные элементы. В частности, в монастыре изначально была обязательной общая молитва иноков, собираемых Сергием в Троицком храме: «Сице живый съ братиами, аще и не поставленъ бысть въ прозвитеры, но велми с ними пристоаше церкви Божию. И по вся дни пояше съ братиями въ церкви и полунощницу, и заутренюю, и часове, и третий, и шестый, и девятый, и вечерню, и нефимонъ...». Поскольку ни Сергий, ни кто-либо

из других монахов не имели священного сана, Литургию и другие богослужения в Троицком храме приглашали совершить священника или игумена из какого-либо иного храма или монастыря: «На обедню призываше некоего чюжаго, попа суца саном или игумена сътарца, и того принимаше и повелеваше ему творити святую литургию»²³.

Как элемент общежительного уклада можно рассматривать и хозяйственную деятельность монахов Троицкой обители, которую они осуществляли общими усилиями. Иноки совместно трудились на монастырском огороде, рубили дрова, носили воду и т. д. Сергий при этом подавал прочим монахам пример смирения и трудолюбия: «Без лености братиамъ яко купленный рабъ служаше; и дрова на всех, яко же речеся, сечаше; и тлъкущи жито, въ жръновех меляше, и хлебы печаше, и вариво варяше, и прочее брашно яже братиамъ на потребу устрааше; обувь же и порты краяше и шиаше; и от источника, суцаго ту, воду въ двою водоносу почръпаа на своем си раме на гору възношаше и комуждо у келий поставляше»²⁴. Такое поведение Сергия, очевидно, также должно было постепенно приучать монахов к общежительной традиции. Как видно, с этой же целью Сергий начал устраивать в обители совместные трапезы, для которых сам приготавливал угощение братии.

Когда монашеская жизнь на Маковце обрела более организованные и устоявшиеся формы, стало очевидно, что Троицкому монастырю необходим игумен, способный руководить образовавшейся братией и регулярно совершать в монастырском храме богослужения. Иноки упрашивали Сергия стать во главе общины, однако, сам он по-прежнему считал себя недостойным игуменства. В 1354 г. вместе с двумя другими монахами он пришел пешком из своего монастыря в Переяславль-Залесский, где тогда находился Владимиро-Волынский епископ Афанасий, исполнявший обязанности местоблюстителя митрополичьего престола после кончины митрополита Феоноста и отъезда святителя Алексия в Константинополь на поставление на митрополию. Сергий просил епископа Афанасия дать Троицкой обители игумена. Архиерей же, наслышанный о духовных подвигах основателя

20 Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 320.

21 Там же.

22 Там же. С. 321.

23 Там же. С. 320.

24 Там же. С. 321.

обители настаивал на том, чтобы он сам принял священнический сан и игуменский посох. Житие Сергия сообщает, что он уступил настоянию архиерея только из послушания²⁵.

Став игуменом Троицкой обители, Сергей несколько не изменил своего прежнего смиренного образа жизни, продолжая оставаться для братии примером в труде и молитве: «Мала же некаа словесы глаголаше, наказаа братию, множайшаа же паче делесы сам образ бываше братии»²⁶. После того, как Сергей стал игуменом, в обители поначалу сохранялся прежний уклад монашеской жизни, в котором присутствовали лишь отдельные элементы общежительного устава. Но теперь Сергей был облечен игуменской властью и мог более решительно заняться усилением общежительного начала²⁷ в жизни Троицкой братии, численность которой на тот момент составляла 12 иноков: «беаше братиа числом два на десяте мних кроме самого игумена, третиаго на десяте»²⁸.

После принятия священного сана Сергей также ежедневно совершал Литургию, приготавливая своими руками все необходимое для богослужения: «Отнеле же поставленъ бысть въ игуменьство, по вся дни святаа литоргия бываше, просфиры же сам печаше: преже бо пшеницу тльчаше и меляше, и муку сеаше, и тесто мясяше и квасяше. Ти тако испекши просфиры, служаше Богу от своих праведных трудовъ, иному не дааше никому, аще и зело хотяху мнози от братиа печи просфиры. Но преподобный тщасяся быти учитель и делатель: и кутию сам варяше, и свечи скаше, и каноны творяше»²⁹.

В отношении преподобного Сергия к новоначальным инокам также видна тенденция к следованию общежительной традиции. Игумен принимал в Троицкий монастырь всех желающих монашеской жизни: «Еже всякому приходящему

к нему и хотящему быти мниху, и желающему острищися, не отреваше убо никого же, ни стара, ни уна, ни богата, ни убога; но всех приимаше съ усръдиемъ и с радостию»³⁰. Но при этом всякого новичка ожидало длительное испытание, которое предшествовало пострижению. Оно было призвано проверить серьезность намерения принять монашество: «Но не ту абие постризаше его, но преже повелеваше ему облещися въ свиту длъгу еже от сукна черна и в ней преходити съ братиами время доволно, дондеже извыкнеше весь устрой монастырьскы. Таче по сих облачяшет и въ мнишескую одежду, акы въ всех службах искушена; и остриг облачит и в манатию и клобукъ. А егда будяше съвръшенъ чрънецъ, житиемъ чистымъ искусенъ сый, и таковаго сподобляет приати святую схиму»³¹.

Игумен Сергей решительно порывает с обычаями особенножительных монастырей и в вопросе обеспечения монахов всем необходимым для жизни в обители. Несмотря на крайнюю скудость Троицкого монастыря на начальном этапе его существования, его первый настоятель категорически запрещал монахам выходить за пределы обители в поисках милостыни. Это правило должно было неукоснительно исполняться даже в случае самого бедственного положения братии, которая временами попросту голодала. «Преподобный же Сергей всяку нужю ону, и тесноту, и всяку скудость, и недостатки тръпяше съ благодарениемъ, ожидаа от Бога богатыа милости»³², — отмечается в Житии. Со временем в окрестностях монастыря поселились крестьяне, которые «начаша посещати и учащати в монастырь, приносяще многообразнаа и многообразнаа потребования»³³. Только такие добро-

25 Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 324–326.

26 Там же. С. 327.

27 Житие сообщает, что при этом Сергей ориентировался на традиции древних подвижников: «Помышляше въ уме жития великих светилъ, иже въ плоти живущей на земли аггельскы пожиша, реку Антониа Великаго, и Великаго Еуфимиа, Саву Освященнаго, Пахомиа аггеловиднаго, Феодосиа общежителя и прочихъ» (Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 327).

28 Там же. С. 328.

29 Там же. С. 330.

30 Там же.

31 Там же.

32 Там же.

33 Там же.

вольные приношения игумен Сергей разрешал принимать на нужды обители³⁴.

Время, когда в Троицком монастыре был введен общежительный устав, точно не известно. В Житии Сергия говорится: «Въ един же убо от днии придоша гръкы от Констандина града и поклонишяся святому, глаголюще: «патриарх Вселенский архиепископъ Коньстандина града кир Филофей благословляет тя». Въкупе же и поминки от патриарха давшѣ ему — крестъ и парамандъ и схиму, давшѣ же ему и грамоту патриаршу»³⁵. Получив благословение патриарха Филофея, Сергей известил братию, что «патриарх Константина града и повелевает нам обще житие жити, тако же и митрополит Алексие»³⁶. Игумен спросил братию: «Вы же что съвещаете о том?» И монахи, уже подготовленные предшествующими годами постепенного привыкания к основам общего жития, ответили Сергию согласиём на введение общежительного устава.

Относительно датировки указанных событий, можно привести следующие соображения. Поскольку святитель Алексий стал митрополитом в 1354 г. и к моменту поставления Сергия на игуменство еще находился в Византии, благословение Константинопольского патриарха вряд ли могло быть получено Троицким игуменом в период первого патриаршества Филофея (в 1353–1354 гг.). Более вероятно, что это произошло уже после того, как Филофей вторично стал патриархом, в 1364–1376 гг. Показательна хронологическая близость к этой дате еще одного события, важного для дальнейшего развития монашеской жизни на Руси: в 1365 г. митрополит Алексий основал в Московском Кремле Чудов монастырь, который также стал общежительным³⁷. Б. М. Клосс считает это событие началом

монастырской реформы, направленной на возрождение общежительного устава в русских обителях, а ее инициативу всецело связывает с митрополитом Алексием. В подтверждение своей точки зрения исследователь приводит тот факт, что все монастыри, в которых ранее других было введено общее житие, находились на территории митрополичьей области. Помимо Троице-Сергиева и Чудова, это также Спасо-Андроников³⁸, Симонов³⁹ и Высоко-Петровский⁴⁰ монастыри в Москве, Владычный Введенский⁴¹ и Высоцкий Зачатьевский⁴² монастыри в Серпухове, Константино-Еленинский во Владимире, Никольский на Болоте в Переяславле-Залесском⁴³, нижегородские⁴⁴ монастыри: Зачатьевский⁴⁵, Благовещенский⁴⁶, Вознесенский Печерский, а также Троицкий Стефанов Махрищский и Благовещенский Киржачский⁴⁷. Движение за возобновление общежительного устава охватило и женские обители. Так, в 1367 (или 1377 г.) митрополит Алексий основал женский Алексеевский монастырь в Москве. Ставшая в нем игуменией сестра митрополита Иулиания⁴⁸ в летописи именуется: «общему житью женскому начальница»⁴⁹.

(Продолжение следует в № 3, 2017).

34 Обращает на себя внимание, что категорический запрет нищенства и попрошайничества, предписанный преподобным Сергием Радонежским своим инокам-ученикам, резко контрастирует с принципами существования т. н. нищенствующих монашеских орденов в Католической Церкви — францисканцев, доминиканцев, кармелитов и августинцев, которые возникли на Западе немногим ранее, в XIII в. В этих монашеских сообществах, напротив, материальной основой их существования, закрепленной в орденских уставах, являлся сбор милостыни, осуществлявшийся монахами среди мирян.

35 Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 362.

36 Там же. С. 363.

37 ПСРЛ. Т. 25. М.-Л., 1949. С. 182.

38 Основан учеником преподобного Сергия Радонежского преподобным Андроником Московским в начале 1360-х гг.

39 Основан в 1370-е гг. учеником и племянником преподобного Сергия св. Феодором (впоследствии — архиепископ Ростовский и Ярославский).

40 Получил общежительный устав при митрополите Алексии.

41 Основан в 1362 г.

42 Основан в 1374 г. преподобным Сергием Радонежским и его учеником преподобным Афанасием Высоцким.

43 Упоминается как общежительный в 1377 г.

44 Нижний Новгород вошел в состав митрополичьей области при митрополите Алексии.

45 Основан в 1367 г.

46 Основан в 1370 г. во время пребывания митрополита Алексия в Нижнем Новгороде.

47 Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002. С. 60.

48 Иначе Ульяна, скончалась в 1393 г.

49 Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 442.

Список литературы

1. Аверьянов К. А. Сергей Радонежский: личность и эпоха. М., 2006
2. Андроник (Трубачев), игумен. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. Издательский Совет Русской Православной Церкви. М., 2008.
3. Анишина А. П. Димитриев Прилуцкий в честь Всемилоостивого Спаса, Происхождения Честных Древ Креста Господня мужской монастырь // ПЭ. Т. 14. М., 2007. С. 712–719.
4. Борисов Н. Сергей Радонежский. М., 2006.
5. Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Сергиев Посад, 1892 (2-е изд. — М., 1909).
6. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
7. Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли./Сост., вступ. Ст. и примеч. В. А. Александрова. М.: Правда, 1991.
8. Кузьмин А. В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV — первой половине XVI века // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Сборник статей: в 2 тт. Т. 2. История, этнография, искусствоведение/Под ред. А. Н. Наумова. Тула, 2002. С. 5–29.
9. Кузьмин А. В., Романенко Е. В., Виноградова Е. А. Григорий и Кассиан // ПЭ. Т. 12. М., 2006. С. 721–724.
10. Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы/Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990.
11. Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 75–92.
12. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995; Кн. 4. Ч. 2. М., 1995.
13. Прохоров Г. М. Кирилл Белозерский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. С. 1. С. 475–479.
14. Семячко С. А., Печников М. В., Петрова Т. Г. Дионисий Глушицкий преп. // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 249–256.
15. Семячко С. А., Анишина А. П. Димитрий Прилуцкий, Вологодский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 30–39.
16. Трубецкой С. Три очерка о русской иконе. Париж, 1965.
17. Флоря Б. Н., Печников М. В., Преображенский А. С. Дионисий, свт., архиеп. Суздальский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 241–246.
18. Эйнгорн В. О. О значении преподобного Сергия Радонежского и основанной им обители в русской истории. М., 1899.

ST. SERGIUS OF RADONEZH AND THE RENASCENCE OF RUSSIAN MONASTICISM IN THE MIDDLE OF XIV — EARLY XV CENTURY

Petrushko Vladislav Igorevich,

DSc in Church history,

Phd in history,

Professor of the Department

of the Russian and Common Church History and the Canon Law

Saint Tikhon's Orthodox Humanities University,

Novokuznetskaya St. 23B, Moscow, Russia, 115184,

vp@sedmitza.ru

Abstract

The article is devoted to the process of the renaissance of the Russian monasticism in the middle of XIV — early XV century after the prolonged crisis in the spiritual life caused by the Mongol invasion to Russia and establishment of the Horde yoke. The role of St. Sergius of Radonezh and cenobitic tradition in this process is shown.

Keywords

Ancient Rus, Russian Church, monkhood, monastery, cenobitic charter, St. Sergius of Radonezh, Metropolitan Alexy.

REV
УДК 930.85
ББК 6.3

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРИСУТСТВИЕ РОССИИ В МИРЕ: К 135-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ*

Житенёв Сергей Юрьевич,
советник директора Института Наследия,
член Совета МОО ИППО,
кандидат культурологии,
ул. Космонавтов 2, Москва, Россия, 129366,
zhitenev@bk.ru

Аннотация

Автор статьи представляет краткую историю Императорского Православного Палестинского Общества как первый цивилизационный зарубежный проект России, который успешно развивается 135 лет. Автор считает, что главные основания успеха ИППО являются: деятельность по развитию православного паломничества, поддержка христиан на Ближнем Востоке и уникальные научные исследования. Просветительская, образовательная и благотворительная деятельность Общества в странах Библейского региона снизила Россию благодарностью и доброе отношение местного населения.

Ключевые слова

Россия, Ближний Восток, Святая Земля, Палестина, Афон, паломничество, Императорское Православное Палестинское Общество, благотворительность, просветительская деятельность.

* Продолжение. Начало в № 1, 2017 г.

Совет Министров СССР 25 сентября 1950 г. издал распоряжение о возобновлении деятельности Палестинского Общества и утверждении штатов его представительства в государстве Израиль. После Великой Отечественной войны из дореволюционного состава Общества практически никого не осталось, поэтому руководство Академия наук приняло решение о срочном воссоздании РПО, в состав которого вошли вид-

ные деятели науки, представители общественных организаций и РПЦ. Первое собрание возобновленного состава Общества в Москве состоялось 16 января 1951 г. Председательствовал главный ученый секретарь Академии наук академик А. В. Топчиев. Во вступительном слове он сказал: «В силу целого ряда обстоятельств деятельность Российского Палестинского Общества фактически прервалась в начале 30-х гг. Учитывая уси-

лившийся в последнее время интерес советских ученых, и прежде всего востоковедов, к странам Ближнего Востока, а также возросшие возможности советской науки, Президиум Академии наук СССР признал необходимым активизировать деятельность Общества как организации, помогающей советским ученым заниматься изучением этих стран»¹. Председателем РПО был избран известный историк-востоковед С. П. Толстов², член-корреспондент АН СССР. В состав Совета вошли академики В. В. Струве, А. В. Топчиев, доктор исторических наук Н. В. Пигулевская, ученый секретарь Р. П. Дадыкин. В марте 1951 г. в Иерусалим прибыл официальный представитель РПО М. П. Калугин, разместившийся в иерусалимской штаб-квартире Общества, в Сергиевском подворье.

В 1954 г. вышел очередной выпуск возобновленного «Палестинского сборника». Ответственным редактором этого и последующих томов была Н. В. Пигулевская, которая была избрана в 1952 г. заместителем председателя Общества. Не являясь периодическим изданием, «Палестинский сборник» выходил с удивительной регулярностью: с 1954 по 2007 гг. вышло 42 выпуска. Вокруг него собрались ученые-востоковеды того поколения: А. В. Банк, И. Н. Винников, Е. Э. Гранстрем, А. А. Губер³, Б. М. Данциг, И. М. Дьяконов, Н. Н. Лисовой, А. Г. Лундин, Е. Н. Мещерская, А. В. Пайкова, Б. Б. Пиотровский, К. Б. Старкова. К московской секции РПО «Литературные связи Востока и Запада» принадлежали А. Е. Бертельс, В. Г. Брюсова, Г. К. Вагнер, Л. П. Жуковская, О. А. Князевская, Н. Н. Лисовой, О. И. Подобедова, Р. А. Симонов,

Б. Л. Фонкич, Я. Н. Шапов⁴. Ленинградское отделение возглавлял академик Б. Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа.

В 1964 г. большая часть принадлежавших ИППО недвижимостей в Палестине по решению советского Правительства, которое в то время возглавлял Н. С. Хрущев, была продана Израилю за ничтожную сумму (4,5 млн. долл. США) Это позорная акция в исторической литературе получила название «Апельсиновая сделка». После Шестидневной войны (июнь 1967 г.) и разрыва отношений СССР с Израилем, советские дипломаты, в том числе представитель РПО, покинули страну. Для Общества это имело печальный результат: оставленное помещение представительства Общества в Сергиевском подворье было законсервировано, большая часть комплекса занята израильскими государственными и общественными организациями. В 70–80 гг. XX в. Общество возглавляли известный учёный-востоковед А. А. Губер, дипломат и историк С. Л. Тихвинский⁵, византист СССР З. В. Удальцова⁶, африканист В. Г. Солодовников⁷, востоковеды — А. П. Новосельцев⁸ и Р. Т. Ахрамович⁹.

1 Юзбашян К. Н. Палестинское общество. Страницы истории. // Исторический вестник. № 2 (6), 2000. С. 144.

2 Толстов Сергей Павлович (1907-1976), известный советский историк, этнограф, археолог, востоковед, член-корреспондент АН СССР, директор Института этнографии АН СССР, председатель РПО при АН СССР в 1951–1970 гг.

3 Губер Александр Андреевич (1902-1971), известный советский историк, востоковед, академик АН СССР, директор Института востоковедения АН СССР, председатель РПО при АН СССР в 1970–1971 гг.

4 Шапов Ярослав Николаевич (1928-2011), выдающийся ученый и общественный деятель, член-корреспондент РАН, историк государства Российского и Русской Православной Церкви, византийского и древнерусского светского и церковного права, книжности и культуры, археограф и источниковед. Шапов Я. Н. Председатель Императорского Православного Палестинского Общества в 2003–2007 гг., член совета ИППО в 2003–2011 гг., паломник.

5 Тихвинский Сергей Леонидович (род. 1918), известный советский и русский историк и дипломат, академик АН СССР, чрезвычайный и полномочный посол СССР, востоковед, председатель РПО при АН СССР в 1971–1975 гг.

6 Удальцова Зинаида Владимировна (1918-1987), известный историк-византолог, председатель РПО при АН СССР в 1975–1980 гг., член-корреспондент АН СССР.

7 Солодовников Василий Григорьевич (род. 1918), известный советский и русский дипломат, африканист, член-корреспондент РАН, основатель и директор Института Африки АН СССР в 1964–1976 гг., председатель Российского Палестинского Общества при АН СССР в 1981–1985 гг., чрезвычайный и полномочный посол СССР.

8 Новосельцев Анатолий Петрович (1933-1995), известный советский и русский востоковед, историк-медиевист, председатель РПО при АН СССР в 1985–1988 гг., член-корреспондент АН СССР, директор института Истории СССР АН СССР в 1988–1993 гг.

9 Ахрамович Роман Тимофеевич (1923-1989), известный российский востоковед и историк, председатель РПО при АН СССР в 1988–1989 гг., директор ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Новый этап в деятельности Общества на рубеже 1980–1990-х гг. был связан с восстановлением дипломатических отношений СССР с государством Израиль и изменением традиционной для советского периода внешнеполитической концепции. В 1989 г. в Общество пришли новый председатель, ректор Дипломатической академии МИД СССР, профессор О. Г. Пересыпкин¹⁰ и ученый секретарь В. А. Савушкин. Осенью 1990 г. члены Общества впервые за весь послереволюционный период смогли осуществить паломническую поездку в Святую Землю — для участия в «Иерусалимском форуме: представители трех религий за мир на Ближнем Востоке». Именно в этот период произошли ключевые для РПО события: Общество получило самостоятельность, т. е. вышло из-под опеки Академии наук в 1991 г., вернуло свое историческое название, стало работать по новому, максимально приближенному к первоначальному, уставу, восстановило одно из своих основных функций — содействия православному паломничеству. В этом месте надо заметить, что часть старых членов Общества не согласилась с возвращением исторического названия и вышли из его состава по идейным соображениям.

Президиум Верховного Совета Российской Федерации 25 мая 1992 г. принял постановление, которое восстанавливало историческое имя Императорского Православного Палестинского Общества и рекомендовало Правительству РФ принять необходимые меры по практическому возвращению ИППО его имущества и прав. Председатель Совета Министров — Правительства Российской Федерации В. С. Черномырдин 14 мая 1993 г. подписал следующее распоряжение: «Поручить МИД России провести с участием Госкомимущества России переговоры с израильской стороной о восстановлении права собственности Российской Федерации на здание Сергиевского подворья (г. Иерусалим) и соответствующий земельный участок. По достижении договоренности оформить указанные здание и земельный участок как государственную собственность Российской Федерации, передав в соответствии с рекомендацией Прези-

диума Верховного Совета Российской Федерации квартиру в здании Сергиевского подворья в бессрочное пользование Императорскому Православному Палестинскому Обществу»¹¹.

Большое значение для укрепления авторитета Общества имела воссозданная в 1990-е гг. связь с Русской Православной Церковью. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II принял Палестинское Общество под своё непосредственное покровительство и возглавил Комитет почётных членов ИППО. Почётными членами Общества стали митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, Великая Княгиня Мария Владимировна, глава Дома Романовых, Я. Н. Шапов, В. А. Садовничий и другие видные деятели России. В 90-е гг. XX в. Святую Землю посетили более двух десятков паломнических групп, организованных ИППО. В 2001 г. ИППО возглавил А. Ф. Чистяков¹², Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации, который смог привлечь в Общество новых энергичных сотрудников и активизировать его деятельность.

В ноябре 2003 г. председателем Общества был избран выдающийся российский историк, член-корреспондент РАН Я. Н. Шапов.

На заседании Совета ИППО 11 марта 2004 г. были утверждены руководители секций: по международной деятельности — начальник Отдела ближневосточного урегулирования МИД России О. Б. Озеров, по паломнической деятельности — генеральный директор Паломнического центра Московского Патриархата С. Ю. Житенёв, по научно-издательской деятельности — ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН А. В. Назаренко.

Активизировали свою деятельность региональные отделения Общества в Санкт-Петербурге (председатель, член-корреспондент РАН, директор Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровский, учёный секретарь, доктор исторических наук Е. Н. Мещерская), Нижнем Новгороде (председатель, декан факультета международных отношений Нижегородского

10 Пересыпкин Олег Герасимович (род. 1935), российский дипломат и общественный деятель, писатель и паломник, председатель ИППО в 1989–2001 гг., ректор Дипломатической академии в 1986–1993 гг., чрезвычайный и полномочный посол РФ.

11 Совет министров — Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 14 мая 1993 г. № 832-р г. Москва. // Архив ИППО (Москва).

12 Чистяков Алексей Фёдорович (род. 1946), российский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации, председатель Императорского Православного Палестинского Общества в 2001–2003 гг., член совета ИППО с 2001–2007 гг., почётный член Общества с 2007 г. по н/в.

*Я. П. Щанов, председатель ИППО
в 2003–2007 гг.*

*Епископ Порфирий (Успенский).
Фотография второй половины XIX в.*

государственного университета, доктор исторических наук, академик РАЕН О. А. Колобов, ученый секретарь, доктор исторических наук А. А. Корнилов). Новые региональные отделения ИППО были созданы: в Орле (председатель, начальник информационно-аналитического управления Администрации Орловской области, доктор исторических наук С. В. Фефелов, ученый секретарь, доктор исторических наук В. А. Ливцов). Среди наиболее значимых научных мероприятий ИППО 90-х годов XX в. следует назвать большой Международный научный симпозиум «Россия и Палестина: культурно-религиозные связи и контакты в прошлом, настоящем и будущем» (1990), в котором приняли участие ученые из арабских стран, Израиля, Англии, США, ФРГ и Канады, конференции, посвященные 100-летию со дня кончины архимандрита Антонина (Капустина) в 1994 г. и 150-летию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме — в Москве (Россия), Баламанде (Ливан), Назарете (Израиль) — в 1997 г.

Уже в новом тысячелетии состоялись конференции, посвященные 100-летию со дня кончины основателя ИППО В. Н. Хитрово (2003), 200-летию со дня рождения основателя Русской Духовной Миссии в Иерусалиме епископа Порфирия (Успенского) (2004), 100-летию со дня тра-

гической гибели первого председателя ИППО Великого Князя Сергея Александровича (2005).

Особое значение, с точки зрения сотрудничества с учеными-византистами, имели проведенные Обществом в Паломническом центре Московского Патриархата конференции «Православная Византия и латинский Запад. (К 950-летию разделения Церквей и 800-летию захвата Константинополя крестоносцами)» (2004), «Русское, византийское, вселенское», посвященная 850-летию перенесения чудотворной Владимирской иконы Пресвятой Богородицы во Владимир (2005) и «Почитание святого Великомученика и Целителя Пантелеимона и русско-афонские связи (к 1700-летию блаженной кончины)» (2005).

Активная научная жизнь Общества продолжалась в 2006–2007 гг. «Историк Православного Востока и Русской Палестины» — так называлась церковно-научная конференция, состоявшаяся 23 марта 2006 г. и посвященная 150-летию со дня рождения секретаря ИППО А. А. Дмитриевского (1856–1929). Выступившие на конференции богословы, учёные, преподаватели церковных и светских ВУЗов, архивисты отмечали многогранность деятельности А. А. Дмитриевского на посту секретаря ИППО. О том же свидетельствовала экспозиция изданных в разные годы трудов Алексея Афанасьевича, подготовленная к открытию конференции сотрудниками Госу-

дарственной публичной исторической библиотеки и Архива внешней политики Российской империи. Участники конференции получили возможность увидеть ставшие библиографической редкостью книги и монографии учёного, рукописи и документы, написанные его рукой. Заупокойной литией в храме святой равноапостольной княгини Ольги Паломнического центра Московского Патриархата и оглашением приветствия Святейшего Патриарха Алексия II 15 мая 2006 г. начала свою работу научно-общественная конференция «Рыцарь Гроба Господня», приуроченная к 200-летию со дня рождения выдающегося русского церковного и общественного деятеля, поэта, писателя, паломника А. Н. Муравьева (1806–1874).

В развитие традиционной византологической проблематики ИППО, 22 декабря 2006 г. открылась церковно-научная конференция «Империя, Церковь, культура: 17 веков с Константином». Русская Православная Церковь, МИД России и научная общественность высоко оценили инициативу ИППО почтить научными слушаниями 1700-летие восшествия на престол святого равноапостольного императора Константина Великого. Возглавил конференцию председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, ныне Патриарх Московский и всея Руси.

29–30 марта 2007 г. состоялась Международная церковно-научная конференция «Дабы не в забыть было то, что показал мне Бог», посвящённая 900-летию хождения игумена Даниила в Святую Землю. В научном форуме приняли участие известные ученые — историки, филологи, богословы России, Украины, Германии, Греции, Италии, Польши; профессора университетов и Духовных Академий. Обращение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к участникам Конференции, которое огласил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, ныне Патриарх Московский и всея Руси. В целом, за два дня работы конференции было заслушано 25 докладов, в которых рассматривалось историческое значение хождения игумена Даниила для русской культуры, обсуждались вопросы многовековой традиции русского православного богомолья, книжной и художественной культуры Древней Руси, исторические связи России и Святой Земли. Конференция показала расту-

щий интерес научной общественности к мало исследованной проблематике русского паломничества, которое является одной из жизненно важных сторон народного благочестия и напрямую связано с задачами русского православного присутствия на Ближнем Востоке и в мире. В тот же день в Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева состоялось открытие выставки «И то всё видел своими очами...», посвящённая также 900-летию хождения игумена Даниила в Святую Землю. Выставка была организована ИППО, музеем и Паломническим центром Московского Патриархата. Экспозиция, включившая наряду с древними иконами, рукописями и картами, подлинные реликвии Святой Земли, принесённые в разные века богомольцами на Русь, наглядно продемонстрировала, как воспринимали наши предки святые места. Таким образом, Палестинское Общество достойно продолжала в тот период научные и духовные традиции, заложенные его великими основателями.

Развитие и планирование международной деятельности ИППО напрямую связано с общей концепцией русского присутствия на Ближнем Востоке и в мире. Вот уже 135 лет Общество работает в тесном взаимодействии с Министерством иностранных дел России, отстаивая государственные интересы в Святой Земле и других странах Библейского региона. На современном этапе целью Общества стало полномасштабное восстановление его юридического и фактического присутствия в традиционном пространстве деятельности — в России и за рубежом. Решение как паломнических, так и научных задач невозможно без воссоздания во многом утраченной сегодня системы исторических связей и гуманитарного сотрудничества с народами Ближнего Востока, без решения вопросов зарубежной собственности ИППО с учётом государственных, церковных и научно-общественных приоритетов.

Сразу после перерегистрации Общества Минюстом Российской Федерации в качестве международной общественной организации в 2003 г., Советом Общества был поставлен вопрос о приёме ИППО в Экономико-социальный совет ООН (ЭКОСОС). Благодаря предпринятым усилиям членов Совета ИППО и сотрудников МИД России в июне 2005 г. Общество получило статус члена-наблюдателя при ЭКОСОС, что, безусловно, расширило возможности его научной, гу-

манитарной и миротворческой деятельности на Ближнем Востоке. Год спустя представитель ИППО впервые участвовал в работе Генеральной Ассамблеи ЭКОСОС в Женеве.

С 2004 г. активизировались усилия, связанные с возвращением России зарубежной собственности ИППО. С 28 ноября по 9 декабря 2004 г. состоялась поездка делегации Общества во главе с Председателем ИППО Я. Н. Щаповым по ряду стран Библейского региона (Греция, Израиль, Палестина, Египет). В Иерусалиме члены делегации впервые за 15 лет посетили и осмотрели Сергиевское подворье ИППО в целях определения его технического состояния и дальнейшей работы по возвращению его в российскую собственность.

В марте 2005 г. Н. Н. Лисовой и С. Ю. Житенёв посетили Иерусалим с целью продолжения работы по возвращению Сергиевского подворья России. В ведомство Генерального Опекуна Министерства юстиции Израиля были переданы Акт о состоянии помещений Общества в Сергиевском подворье, а также список документов, подтверждающих права ИППО. Полный комплект необходимых документов был передан в Минюст Израиля чуть позже, в мае того же года, на кануне визита в страну Президента России В. В. Путина. Таким образом, переговорный процесс по возвращению в российскую собственность Сергиевского подворья в Иерусалиме впервые был поставлен на юридическую основу. Тогда же были продолжены, начатые в декабре 2004 г., переговоры в Министерстве внутренних дел Израиля о порядке посещения русскими православными паломниками храма Воскресения Господня в Великую Субботу, для участия в богослужении Благодатного Огня, а также об ускорении оформления групповых паломнических виз. Впервые было достигнуто соглашение, чтобы Русская Православная Церковь имела свою квоту для прохождения паломников на Святой Огонь.

В 2005 г. на базе Вифлеемского отделения Общества открылись курсы русского языка для арабской молодёжи. В том же году около тридцати человек с палестинских территорий были приняты по рекомендации ИППО на учебу в российские ВУЗы. В Министерстве иностранных дел России 6 июня 2005 г. состоялась плановая встреча руководства Общества с министром С. В. Лавровым. Обсуждались итоги ви-

зита Президента России В. В. Путина в Израиль и ПНА. Министр проинформировал участников встречи, что во время своего визита В. В. Путин заявил руководству Израиля о необходимости возвращения Сергиевского подворья в Иерусалиме в российскую собственность.

В ноябре 2005 г. в Иерусалиме на базе Еврейского университета на горе Скопус была организована Международная научно-общественная конференция «Иерусалим в русской духовной традиции» — самая масштабная зарубежная научная акция Общества за всё время его существования. Со стороны российской делегации с научными докладами выступили: О. А. Глушкова, С. В. Гнутова, С. Ю. Житенёв, Н. Н. Лисовой, О. В. Лосева, А. В. Назаренко, М. В. Рождественская, И. С. Чичуров и др. Еврейский университет был представлен докладами И. Бен-Арье, Рут Карк, В. Левина, Ш. Нехуштая, Е. Румановской и др. Были заслушаны также выступления арабских ученых Омара Махамида, Фуада Фараха и др. По завершении работы конференции, её участников принял для беседы и благословения Патриарх Иерусалимский и всея Палестины Феофил III. В Иерусалиме 3 ноября 2005 г. в одном из помещений Сергиевского подворья состоялось учредительное собрание Иерусалимского отделения, которое по поручению Совета Общества открыл и провёл С. Ю. Житенёв, руководитель Паломнической секции ИППО. В Вифлееме при участии мэра Виктора Батарсеха 5 ноября 2005 г. состоялось учредительное собрание Вифлеемского отделения, которое также по поручению Совета Общества открыл и провёл О. Б. Озеров, руководитель Международной секции ИППО.

В связи с особым вниманием, которое уделяют МИД России работе с неправительственными организациями Российской Федерации, стремясь активнее включать их во внешнеполитический процесс и в международные связи, руководители МОО ИППО неоднократно участвовали во встречах и брифингах, проводимых Министерством для НПО. Деятельность ИППО как православной, неправительственной, самоуправляемой организации постепенно и органично включается в общий контекст государственных и общественных мероприятий, с акцентом на продолжение традиционных направлений и форм гуманитарной и просветительной работы с местным населением. Для укрепления благо-

приятного имиджа России на Ближнем Востоке эффективным средством может стать создание с помощью Палестинского Общества активных центров российского научного присутствия — восстановление Русского Археологического института в Константинополе и организация Русского научного института в Иерусалиме, продвижение и финансирование русских археологических раскопок в регионе. Не менее важным является развитие творческих связей ИППО с научными и культурными учреждениями Израиля, Палестины и других стран на Ближнем Востоке.

Новый импульс был придан Палестинскому Обществу тесным сотрудничеством с Паломническим центром Московского Патриархата. В 2003–2010 гг. по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Паломническом центре при активном участии Палестинского Общества ежегодно проводились общецерковные конференции «Православное паломничество: традиции и современность». Первая из них состоялась 27 октября 2004 г., ее труды напечатаны отдельным изданием. Священный Синод Русской Православной Церкви впервые принял специальное Определение, в котором дал высокую оценку Конференции и предложил архиереям проводить работу по реализации принятых на ней решений по развитию православного паломничества. Результатом многолетней целеустремлённой работы Паломнического центра стала значительная активизация паломнической деятельности в большинстве епархиях Русской Православной Церкви.

Паломническая секция ИППО в тот период проводила большую церковно-историческую и богословскую работу по осмыслению практически не исследованного ни церковными, ни светскими учеными феномена православного паломничества. Так, 12 февраля 2007 г. в конференц-зале Паломнического центра состоялась научно-методическая конференция «Сотериологический смысл паломничества». С основным докладом «Богословский смысл паломничества» выступил учёный секретарь Общества С. Ю. Житенёв. Были также заслушаны доклады И. К. Кучмаевой, М. Н. Громова, Н. Н. Лисового, В. Н. Расторгуева и др. В Паломническом центре были организованы в тот период курсы повышения квалификации сотрудников паломнических служб, в которых члены ИППО принимали активное участие — читали лекции, проводили семинары

и беседы. Палестинское Общество и его авторы были широко представлены также на страницах журнала «Православный паломник», которые издаёт Паломнический центр.

Большое место в популяризации истории и наследия Общества занимает церковное почитание преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, занимавшей пост Председателя ИППО в 1905–1917 гг. По инициативе И. К. Кучмаевой на протяжении несколько лет Паломническая секция Общества совместно с Государственной академией славянской культуры ежегодно проводила в Москве Свято-Елизаветинские чтения. Активным организатором и неизменным председателем чтений был архиепископ Егорьевский Марк, заместитель Председателя ИППО (ныне митрополит Рязанский и Михайловский).

Общество в 2003–2011 гг. являлось постоянным участником самой крупной в России церковно-общественной выставки-форума «Православная Русь». Православная выставка объединяла всех, чья деятельность связана с издательским, просветительским, миссионерским и социальным служением. Участие ИППО неоднократно отмечено дипломами и медалями Оргкомитета выставки.

На Общем собрании ИППО, посвящённом 125-летию Общества, 14 июня 2007 г., С. В. Степашин¹³, председатель Счётной палаты Российской Федерации, был избран Председателем Общества.

Это позволило придать наиболее динамичный за последние сто лет характер деятельности ИППО на различных направлениях в России и за рубежом. Благодаря активной совместной работе руководства Международной общественной организации «Императорского Православного Палестинского Общества» и Министерства иностранных дел России, в 2008 г. был введен безвизовый режим с Израилем, что позволило значительно увеличить поток российских паломников и туристов в Святую Землю. С. В. Степашину принадлежит большой личный вклад в размо-
раживание процесса восстановления прав Российской Федерации на объекты собственности

13 Степашин Сергей Вадимович (род. 1952), известный российский государственный и политический деятель, председатель ИППО с 2007 г. по н/в, государственный советник юстиции Российской Федерации, генерал-полковник, председатель Счётной палаты РФ с 2000–2013 гг.

*С. В. Степашин, председатель ИППО
с 2007 г. и по настоящее время*

ИППО в Святой Земле. Он несколько раз в год посещает Ближний Восток, постоянно встречается с лидерами стран Библейского региона по вопросам, связанным с восстановлением русского политического, духовного и гуманитарного присутствия в Святой Земле. Его прямое участие в переговорах с правительствами Израиля и Палестины, чёткая и последовательная позиция в отстаивании национальных интересов активно способствовали возвращению российской собственности в Святой Земле. В 2008 г. было завершено юридическое оформление в собственность Российской Федерации и ИППО трёх участков в Иерихоне (два из них были переданы Русской Православной Церкви), одного участка в Вифлееме и здания Сергиевского подворья в Иерусалиме. Решения о возвращении Российской Федерации собственности, принадлежащей ранее ИППО, были приняты на самом высоком уровне — государственными руководителями Палестины и Израиля.

Участок в Иерихоне был передан Правительству России, которое построило на участке Музейно-парковый комплекс. В него вошли археологический музей, ландшафтный парк, культурный центр. В центре представлена экспозиция, посвященная истории Императорского Православного Палестинского Общества. В парковой зоне растет древнее дерево, почитаемое христианами

нами как место встречи мытаря Закхей и Иисуса Христа. Рабочая группа ИППО в 2010 г. провела комплекс мероприятий по оздоровлению библейской смоковницы. Это позволило увеличить срок жизни священного дерева в условиях современной урбанизированной среды. В октябре 2010 г. российская делегация во главе со С. В. Степашиным приняла участие в праздновании 10-тысячелетия Иерихона, во время которого посетила Музейно-парковый комплекс, построенный Россией на историческом участке ИППО и находящийся под патронатом Общества.

На участке в Вифлееме был построен Культурно-образовательный центр ИППО, который открыли Президент России Владимир Путин и президент Государства Палестина Махмуд Аббас. В нём размещен информационно-культурный центр, библиотека, конференц-зал, кинотеатр, выставочный зал, кабинеты для занятий с детьми, компьютерные классы, офис Вифлеемского отделения ИППО. В настоящее время при центре работают курсы русского языка.

В Сергиевском подворье в Иерусалиме заканчивается масштабная реставрация и ремонт. ИППО предполагает возродить на подворье библиотеку и архив Общества, создать информационный центр и научный институт, проводить просветительские мероприятия, чтения и экскурсии для российских паломников и туристов.

За последние десять лет существенно расширилась сеть российских региональных и зарубежных отделений Общества. Возрождение региональных отделений Общества в Москве, Калуге, Пскове, Великом Новгороде, Владимире, Перми, Иванове, Ростове-на-Дону и других древних городах России отражает возрождающийся массовый народный интерес к познанию древней библейской истории и стремлению понять современную жизнь народов, проживающих на Ближнем Востоке. На территории Российской Федерации сейчас работают 43 региональных отделения Общества. В настоящее время зарубежные отделения и представительства Общества осуществляют свою деятельность в 21 стране, в том числе: в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете, Дамаске, Салониках, Стамбуле, Варне, Ларнаке, Бари, Ереване, Киеве, Штутгарте и других.

Особое внимание руководство ИППО уделяет развитию отношений с зарубежным Палестинским Обществом. С. В. Степашин и другие руководители Общества регулярно проводят

встречи и переговоры с его Председателем, архиепископом Берлинским и Германским Марком. ИППО заключило с зарубежным Палестинским Обществом Соглашение о сотрудничестве и совместной деятельности.

В ноябре 2011 г. Общество при поддержке Российского государственного научного фонда провело Международную научную конференцию «Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность в Святой Земле. К 130-летию со дня основания». На которой руководители, учёные и общественные деятели ИППО проанализировали деятельность Общества за всю его историю, особенно выделив современную работу по возвращению российского наследия в Святой Земле. В июне 2012 г. ИППО провело масштабную Международную юбилейную выставку «Россия в Святой Земле: к 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока». В выставке приняли участие следующие ближневосточные государства: Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Палестина и Сирия, которые на своих стендах представляли деятельность по развитию двухсторонних общественных, туристских, научных и культурных связей с Россией. В мероприятиях, которые проводились в рамках выставки, участвовали делегации из этих стран, в состав которых входили государственные и общественные деятели, дипломаты, учёные, писатели, артисты и представители молодёжных организаций.

Гуманитарная деятельность ИППО продолжает славные традиции милосердия и благотворительности, связанные со светлым образом Великой Княгини Елизаветы Федоровны, второго Председателя Общества. ИППО уже не первый год успешно ведёт работу по организации благотворительной деятельности в Российской Федерации, странах Ближнего Востока, Средиземноморского региона, а также в странах СНГ и ближнего Зарубежья. Эта работа направлена, прежде всего, на поддержку христиан-арабов и наших соотечественников, подвергающихся гонениям в некоторых странах. ИППО уже несколько лет осуществляет сбор и поставку гуманитарной помощи в Сирию и Палестину. Благотворительная работа ИППО осуществляется в тесной координации с Русской Православной Церковью.

В сентябре 2016 года в рамках торжеств, приуроченных к празднованию 1000-летия присут-

ствия русских монахов на Афоне, прошла Международная научная конференция «Русь — Святая Гора Афон: тысяча лет духовного и культурного единства», в которой приняли участие члены ИППО М. В. Бибииков, К. А. Вах, С. Ю. Житенёв, Д. В. Зубов, Н. В. Квливидзе, М. И. Якушев.

В преддверии 135-летнего юбилея МОО ИППО 19–20 октября 2016 года в Санкт-Петербурге в Государственном музее истории религии состоялась Всероссийская научная конференция «Палестиноведение в России и за рубежом». В научной дискуссии о путях развития научного палестиноведения на конференции приняли участие члены Санкт-Петербургского, Московского и Курганского отделений ИППО.

В декабре 2016 г. на телевизионном канале «Культура» прошёл премьерный показ документального фильма «Сирия: здесь был рай», снятый членом ИППО, кинорежиссёром И. И. Калядиным, при поддержке Общества. В работе по созданию фильма приняли участие: генеральный директор управления музеев и достопримечательностей Сирии доктор Мамон Абдуль-Карим, исполняющий обязанности директора музея Пальмиры Халиль Аль-Харири, члены ИППО: Михаил Пиотровский, Николай Лисовой, Дмитрий Микульский, Константин Панченко и другие. Фильм был восторженно принят российскими зрителями.

В последние годы велась большая и тщательная подготовка по открытию в Москве, в Центре ИППО Научной библиотеки Общества, основу которой составила личная библиотека Я. Н. Щапова, Председателя ИППО в 2003–2007 гг., которую он завещал Палестинскому Обществу. Научная библиотека Общества была официально открыта в 2016 г. В составе Научной библиотеки также книги находятся уникальные издания, которые передали Обществу С. В. Степашин, Н. Н. Лисовой и многие другие члены ИППО за последние двадцать пять лет.

Главный итог 135-летней работы Императорского Православного Палестинского Общества на Ближнем Востоке — создание, сохранение и развитие Русской Палестины. Результат уникален: выстроена целая инфраструктура храмов, монастырей, подворий и обустроены земельные участки, многие из которых и до настоящего времени принадлежат России. Создана своеобразная действующая модель русского присутствия в мире. Быть может, ещё важнее тот, не учитываемый никакими цифрами и отчётами, духов-

Современное здание центра ИППО в Москве на улице Забелина

ный вклад, который связан с хождением в Святую Землю десятков и сотен тысяч русских паломников. Православное паломничество было и остаётся одним из влиятельных культурообразующих и созидательных факторов. Историки и культурологи донныне дивятся этому небывалому в истории по массовости и интенсивности опыту «диалога культур» и «народной дипломатии». А с организацией паломничества связано важное для Общества дело — поддержка Православия и в целом христианства в странах Библейского региона.

Другой, не менее важный итог — культурно-просветительная деятельность ИППО среди арабского населения. Многие представители, формировавшейся в начале XX в., арабской интеллигенции — и не только палестинской, но и ливанской, сирийской, иорданской, египетской, лучшие учителя, инженеры, писатели и журналисты, которые потом составили славу арабской культуры, вышли из стен русских школ и учительских семинарий Палестинского Общества.

Таким образом, 135-летний международный гуманитарный проект России прошёл проверку временем и в настоящее время продолжает свою деятельность на Ближнем Востоке и в других странах мира. Палестинское Общество вновь, как и сто с лишним лет тому назад, становится востребованным инструментом и проводником русского влияния и присутствия на Ближнем Востоке, органично дополняя официальные межправительственные и межгосударственные связи Российской Федерации. Члены Палестинского Общества уверены, что российское руководство и отечественная дипломатия сумеют эффективно использовать исторический и нравственный потенциал, наработанный ИППО за 135 лет своей деятельности в странах Библейского региона. Необходимым условием для этого являются правильное понимание исторически сложившейся специфики деятельности Императорского Православного Палестинского Общества как традиционной, апробированной и уважаемой зарубежными партнёрами формы российского присутствия в Ближневосточном регионе.

CIVILIZATIONAL PRESENCE OF RUSSIA IN THE WORLD: THE 135TH ANNIVERSARY OF THE BEGINNING OF THE ACTIVITIES OF THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINIAN SOCIETY IN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE MIDDLE EAST

Zhitenev Sergey,

Advisor to the Director of the Heritage Institute,
member of the Board MOO IOPS,
candidate of Culturology,
street of Cosmonauts 2, Moscow, Russia, 129366,
zhitenev@bk.ru

Abstract:

the author presents a brief history of the Imperial Orthodox Palestine Society and civilization as the first international project of Russia, which successfully developed 135 years. The author believes that the main grounds of the success of IOPS are: working towards the development of Orthodox pilgrimages, support for Christians in the Middle East and unique research. Educational and charitable activities of the Society in the countries of the Biblical region of Russia earned the gratitude and kindness of the local population.

Key words:

Russia, Middle East, Holy Land, Palestine, Athos, pilgrimage, Imperial Orthodox Palestine Society, charity, educational activities.

RAR
УДК 93/94
ББК 63; 79

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. В МИРОВОМ ИСКУССТВЕ И КУЛЬТУРЕ

Пархоменко Татьяна Александровна,

доктор исторических наук; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва; руководитель Центра культурного взаимодействия государства, религии и общества
Берсеневская набережная 20, Москва, Россия, 119072,
ParchomenkoT@yandex.ru

Аннотация

Статья раскрывает процесс мемориализации революции 1917 г. в мире, охвативший литературу, живопись, скульптуру, кино, декоративно-прикладное искусство, и анализирует его результаты, определяет значение и место революционного искусства в культурном наследии человечества.

Ключевые слова

История, культура, Россия, мир, революция, культурное наследие.

Сохранение и передача памяти о русской революции 1917 г. началось практически сразу же после ее победы и прихода к власти большевиков. Неуверенные в силе своего господства, они хотели с помощью мемориализации внедрить в массовое сознание основные идеи и смыслы революции, превратить ее в главное и универсальное событие не только русской, но и мировой истории. Отринув Бога и вековые традиции, большевики обожествили революционную современность, придали ей мессианский характер и нетерпеливо устремились в будущее. Они утвердили революцию как непрерывный процесс без начала и конца. Если во все предыдущие времена мемориализация велась исключительно в отношении прошлого ради связи времен и поколений, то в начале XX в. русские революционеры, отказавшись от наследия «царского прошлого», взялись за увековечивание настоящего, той революционной современности, которую они хотели закрепить на века и на всем земном шаре.

Их порыв был активно поддержан представителями международного освободительного движения. Как вспоминала, например, Айседора Дункан, «в день, когда стало известно о русской революции, все поклонники свободы были охвачены радостной надеждой, и в тот вечер я танцевала «Марсельезу» в том настоящем первоначальном революционном духе, в каком она была написана. Вслед за ней я исполнила «Славянский марш»...», поскольку «верила, что идеальное государство, каким оно представлялось Платону, Карлу Марксу и Ленину, чудом осуществилось на земле», что возник «мир равенства, в котором осуществилась мечта, родившаяся в голове Будды, мечта, прозвучавшая в словах Христа, мечта, являвшаяся конечной целью всех великих художников, мечта, которую Ленин великим чудом воплотил в действительность»¹.

1 Дункан А. Моя исповедь. Рига: Книга для всех, 1928. С. 246, 259.

В апреле 1918 г. в РСФСР вышел декрет «О памятниках Республики», положивший начало монументальной пропаганде «великих дней Российской Социалистической Революции» в стране и мире², в 1919 г. был объявлен конкурс на портреты русских революционеров, а в 1920 г. возник Истпарт — Комиссия по истории Октябрьской революции РКП (б), занимавшаяся сбором и изучением материалов о событиях 1917 г. К десятилетию Октября Истпарт имел уже 60 тыс. документов, 30 тыс. печатных изданий и большую коллекцию изобразительного материала, что позволило создать сеть музеев революции и ее деятелей³.

В культуре возникло целое направление — мемориализация русской революции, эстетизировавшее и героизировавшее ее прошлое и настоящее, превращавшее в красивый идеологический миф, наделявшее сакральным смыслом ее участников и вождей. Центральное место в мемориализации заняла фигура В. И. Ленина, которая по всеобщему признанию «придала революции экзистенциальное, практическое и мифологическое единство»⁴. В 1924–1925 гг., после смерти Ленина, была осуществлена канонизация ленинской иконографии по ряду декретов и постановлений: «О сооружении памятников В. И. Ленину», «Об издании сочинений В. И. Ленина», «О сооружении склепа для помещения праха В. И. Ленина» (26.01.1924), «Об институте В. И. Ленина» (15.02.1924), «О переименовании комиссии по организации похорон В. И. Ленина в комиссию по увековечению памяти В. И. Ленина» (28.03.1924), «О порядке воспроизведения и распространения бюстов, барельефов, картин и т. п. с изображениями В. И. Ленина» (27.06.1924)⁵. Эти декреты легли в основу ленинианы, разрабатывавшейся живописцами, скульпторами, музыкантами, деятелями театра и кино, учеными, писателями и поэтами. Они придали русской революции романтические, эмоци-

онально-возвышенные черты, завораживавшие не только советских граждан, но и жителей других государств.

В России еще царил хаос, а многие иностранцы уже спешили увидеть русскую революцию, приветствуя ее как надежду на освобождение. Одним из первых был американский журналист и социалист Джон Рид, прибывший в Петроград в августе 1917 г. Он стал непосредственным свидетелем Октябрьской революции, участником Коминтерна и автором книги «Десять дней, которые потрясли мир», всецело одобренной Лениным. В 1919 г. в Россию приехал Анри Гильбо, французский журналист, театральный критик и глава поэтического течения «Динамизм», начавший активно сотрудничать с Коминтерном и Союзом советских работников науки, искусства и литературы, а также с ВЧК⁶. В 1920 г. советскую Россию посетил Герберт Уэллс, говоривший европейцам: «В Ленине я видел подтверждение того, что коммунизм может... обрести огромную созидательную силу»⁷. За Уэллсом потянулись другие писатели: Р. Роллан, С. Цвейг, Л. Арагон, А. Жид, Л. Фейхтвангер. Неоднократно бывавший в СССР Анри Барбюс оставил, например, в своей книге «Свет из бездны» такой автограф: «Ленину, который первый написал не написанные великие законы, горячее уважение»⁸. В 1925 году в Москве было создано Международное бюро революционной литературы, преобразованное пять лет спустя в Международное объединение революционных писателей с журналом «Литература мировой революции», в котором участвовали И. Бехер, Б. Брехт, Т. Драйзер и другие.

Одновременно за рубежом стали создаваться различные организации по поддержке русской революции и молодого советского государства. Так, в США в мае 1919 г. было образовано «Общество технической помощи Советской России», один из членов которого, ученый Чарлз П. Штейнмец, говоря Ленину о своем «вос-

2 Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1922. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2009. С. 44.

3 Истпарт // Российская музейная энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М.: Прогресс; «Рипол Классик», 2001. — С. 242.

4 Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М.: AdMarginet, 1998. С. 154.

5 Культура в нормативных актах Советской власти. 1923–1927. М.: ЗАО «Юридический Дом Юстицинформ», 2010. С. 156–158, 162, 171, 202.

6 См. подробнее: Слуцкая Л. В. Театральное искусство Советской России в работах Анри Гильбо // Россия и франкоязычный мир в диалоге искусств: литература, живопись, театр, кинематограф. Королев: Моск. обл. гос. науч. б-ка им. Н. К. Крупской, 2013. С. 99–105.

7 Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М.: AdMarginet, 1998. С. 573.

8 Ленин В. И. Группе «Clarte». Примечание к письму // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы, 1982. С. 580.

хищении удивительной работой по социальному и промышленному возрождению, которую Россия выполняет при таких тяжелых условиях», отмечал: «Если в технических вопросах и особенно в вопросах электростроительства я могу помочь России тем или иным способом, советом, предложением и указанием, я всегда буду очень рад сделать все, что в моих силах. Братски Ваш Ч. Штейнмец»⁹. А в августе 1921 г. в Нью-Йорке возникло «Общество друзей Советской России», насчитывавшее 20 тыс. членов, «признававших Правительство Народных Комиссаров и соглашавшихся посвятить свои знания и труд устройству России на коммунистических началах»¹⁰. Немало подобных организаций было и в Европе: немецкие «общества друзей новой России», создававшиеся с 1923 г. в Германии, к которым пять лет спустя добавился «Союз друзей Советского Союза»; «Английское общество культурной связи с СССР», возникшее в 1924 г., «Ассоциация революционных писателей и художников Франции» и так далее.

Участники многих подобных организаций не просто сочувствовали революции, а стремились перенести ее в искусство и сделать неотъемлемой частью мировой культуры. Из восьми художников, писавших и лепивших Ленина с натуры в Кремле, трое было иностранцами: американец Оскар Цезаре, француз по гражданству, одессит по рождению Элиаш (Илья) Гринмани, англичанка Клэр Шеридан, которая писала: «Ленин, гений величайшей революции в истории человечества... Мне он представлялся живым воплощением мыслителя...»¹¹. При этом одними изображениями Ленина иностранные мастера культуры не ограничивались: К. Шеридан вылепила также скульптурные бюсты Дзержинского, Троцкого, Красина, Каменева, Зиновьева, О. Цезаре писал Буденного, Воровского, Зиновьева, Калинина, Крупскую, Литвинова, Троцкого, Чичерина, а Э. Гринман создал портреты Д. Бедного, М. Горького, Г. Зиновьева. За натурными портретами большевиков шло тиражирование

их образов в мировом искусстве, книжной графике, художественной литературе, средствах массовой информации, и как следствие — популяризация и мемориализация русской революции за рубежом.

В 1921 г. в центре Женевы на стене башни Молар был установлен барельеф «Женева — город изгнанников», на котором образ изгнанника олицетворял Ленин, в период 1895–1917 гг. пять раз останавливавшийся в столице Швейцарии, а в 1904–1905 гг. даже прописанный в ней в доме 91/93 по улице Каруж (ruede Carouge). В 1922 г. газета «The New York Times» в номере за 24 декабря опубликовала статью Оскара Цезаре «Lenin and His Moscow» («Ленин и его Москва»), рассказывавшую о работе в Кремле и приводившую иллюстрации зарисовок Ленина и Буденного. В 1924 г. на острове Куба в Гаване был установлен ленинский барельеф. В 1925 г. во Франции скульптор Н. Аронсон, эмигрировавший еще из царской России и лично знавший Ленина по Парижу начала XX в., изваял мраморный памятник вождя революции, а затем и копии с него.

Свой вклад в лениниану внес и «русский американец» Д. Д. Бурлюк. Под девизом «Легенду мы вытвердим в явь» он в 1927–1928 гг. создал в США несколько ярких образов Ленина — художественных и литературных. В работах «Красный Октябрь и предчувствия его в русской поэзии» и «Апофеоз Октября. Поэма к десятилетию Республики Советов» Бурлюк говорил своим читателям, что революция 1917 г. является «центральной событием нашей эпохи», вне которого «нет самоутверждения, да и определить себя можно только через Октябрь и для Октября»¹². И как бы подтверждая эти слова, в 1928 г. в Турции, обретшей пять лет назад независимость, власти Стамбула возвели монумент «Республика» со скульптурами не только турецких маршалов и главного из них — М. К. Ататюрка, но и фигурами русских большевиков К. Ворошилова и С. Аралова, которые от имени советской власти активно помогали установлению в Турции республиканской формы правления.

Однако больше всего советских памятников за рубежом было возведено после победы СССР во Второй мировой войне. Это были не только воинские мемориалы, но и монументы Ленину и Сталину. Символизируя правоту и силу

9 Ленин В. И. Письмо Чарлзу П. Штейнмecu. Примечание // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы, 1982. С. 532–533.

10 Ленин В. И. Обществу друзей Советской России (в Америке). Примечание к письму // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 45. С. 564–565.

11 Шеридан К. Неприкрашенная правда // Иностранная литература. 1961. № 4. С. 182, 183.

12 Бурлюк Д. Д. Десятый Октябрь. Нью-Йорк: Изд-во М. Н. Бурлюк, 1928. С. 6, 24.

революции, торжество советского строя, они в 1940–1950-е гг. появились во всех странах народной демократии: в столице Албании Тиране, в болгарском городе Перник, в венгерских городах Будапешт, Веспрем, Дунакеси, Мишкольц-Диошдьёр, Цеглед, в монгольском Улан-Баторе, в немецких городах Айслебене и Лейпциге, в польском Поронине, в столице Словакии Братиславе, в чешских городах Подебраде и Пльзень и других местах. Даже в Антарктиде в 1958 г. был установлен ленинский бюст, куда его доставили участники второй Советской Антарктической экспедиции. Иногда ставились коллективные монументы: «Сталин, Черчилль и Рузвельт» на набережной Гааги в Нидерландах, «Ленин и Сталин» в Венгрии (Сегед) и Чехии (Оломоуц), «Ленин и Димитров» в Болгарии (Баня).

Наряду с монументами после войны в различных странах мира, в том числе капиталистических устанавливались мемориальные доски, например, в 1946 г. в Лонжюмо под Парижем, где в начале XX в. существовала ленинская партийная школа; белая табличка на фасаде дома по Гранд-рю, 91 сообщала: «Здесь жил и работал в 1911 году В. И. Ленин — теоретик и вождь мирового коммунистического движения, основатель Советского Союза». А в 1949 г. в Вене в честь 70-летия Сталина на доме № 30 Шёнбруннершлосштрассе (SchönbrunnerSchloßstraße) была закреплена мемориальная доска со словами: «В этом доме жил в январе 1913 года И. В. Сталин. Здесь он написал выдающееся произведение „Марксизм и национальный вопрос“».

Одновременно за рубежом стали создаваться музеи Ленина и русской революции. В 1945 г. в Праге, в здании Народного дома на Гибернской улице, где в 1912 г. проходила VI Пражская конференция РСДРП, был организован музей В. И. Ленина с памятной доской в честь его пребывания в Праге и барельефом, посвященным Пражской конференции. Тогда же в Париже на улице Мари-Роз, в доме № 4, где Ленин провёл три эмигрантских года, Французская коммунистическая партия создала музей «Кабинет-квартира В. И. Ленина» и установила мемориальную доску с барельефным изображением вождя и словами: «Ленин 21 апреля 1870–21 января 1924. Жил в этом доме в 1909–1912 годах». Подобная доска с силуэтом Ленина и словами о том, что он жил здесь в 1908–1909 гг., была размещена в 1945 г. и на парижском доме 24 по улице Бо-

нье. В 1946 г. в финском городе Тампере появился Музей В. И. Ленина, разместившийся в Доме рабочих. В середине 1950-х гг. в Кракове, в Варшаве и Поронине возникли музеи В. И. Ленина, хранившие память о его пребывании в Польше в 1912–1914 гг. Музеи Ленина были также в Германской Демократической Республике, Румынии, Словакии, Монголии.

Новая волна мемориализации русской революции за рубежом началась под влиянием двух крупных дат 1967 и 1970 гг.: 50-летия Октябрьской революции и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Так, в 1967 г. в Женеве на доме, в котором останавливался Ленин (ул. Плантапорэ, 3), была торжественно установлена мемориальная доска, гласившая по-французски: «Владимир Ильич Ульянов-Ленин, основатель Советского государства, жил в этом доме в 1904–1905 годах». Другая мемориальная доска была повешена в Цюрихе на доме 14 по улице Шпигельгассе, где в 1916–1917 гг. Ленин с Крупской снимали комнату; она сообщала по-немецки — «Здесь жил с 21 февр. 1916 по 2 апр. 1917 Ленин, вождь русской революции». В 1967 г. во Франции, в приморском городе Ментона была сооружена памятная стела с профилем большевистского наркома просвещения А. В. Луначарского, который в 1933 г. умер в местном отеле «Сесиль» (ныне «Эль Парадизо»).

В 1970 г. в честь столетнего юбилея Ленина в столице Финляндии Хельсинки его именем был назван парк, а в Италии появилось сразу два монумента Ленину: в маленьком городке Кавриаго, жители которого поклонялись русской революции, и на острове Капри, где в 1908 и 1910 гг. останавливался революционный вождь — его профиль был выбит на трех поставленных друг на друга блоках белого каррарского мрамора со словами «Ленину — Капри». Не забыли на Капри и пролетарского писателя Горького, в честь которого на фасадах вилл, где он жил, были размещены памятные доски: на виллах «Спинола» (ныне «Беринг»), «Блезеус» и «Серфина» (ныне «Пьерина»). Во славу русской революции и ее вождя в Германии открылись два новых музея: сначала в Лейпциге «Музей-типография газеты «Искра»», а затем в городе Засниц (Saßnitz) «Музей — вагон-мемориал В. И. Ленина» с «пломбированным вагоном», в котором Ленин с группой эмигрантов выехали из Германии в Россию.

В 1970–1980 гг. мемориальные доски, барельефы, бюсты и памятники Ленину имелись уже

во всех странах социалистического лагеря, а также в Австралии, Великобритании, Вьетнаме, Греции, Дании, Зимбабве, Йемене, Индии, Италии, Китае, Колумбии, на Кубе и Маврикии, в Мексике, Монголии, Нидерландах, Норвегии, США, Франции, Финляндии, Швеции. В 1986 г. были выпущены почтовые марки, посвященные музеям Ленина в Лейпциге, Поронине и Праге, а до этого почтовые марки с изображениями Ленина, Сталина, Горького и других деятелей русской революции выпускались в Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Колумбии, Китае, Никарагуа и других странах. Наконец, в 1987 г. снят документальный фильм «Forever in Hearts of People» («Навечно в сердцах людей»), который рассказывал о Ленине на основе посвященных ему зарубежных экспозиций музеев и выставок Берлина, Братиславы, Варшавы, Кракова, Лейпцига, Лондона, Парижа, Праги, Турку, Улан-Батора и других городов.

В общем, на исходе XX в. ленинский образ вождя мировой революции знали уже практически на всех континентах. Авторами зарубежной ленинианы и произведений искусства, посвященных русской революции, были как советские, так и иностранные мастера культуры. Работы по-

следних экспонировались не только на их родине, но и в СССР, прежде всего в Центральном музее В. И. Ленина, где в 1980-е гг. «постоянно действовала выставка художественных произведений из 42 стран мира», а всего фонды этого музея хранили «работы в камне, стекле, металле и живописные полотна» из восьмидесяти стран мира¹³. Однако крах СССР и распад социалистической системы привел и к свертыванию ленинианы, а также всей мемориализации революции 1917 г. Музеи Ленина и большевистской партии прекратили свое существование, уступив место новым музеям и выставкам — коммунизма и тоталитаризма (Прага), независимости (Варшава) и даже динозавров (Улан-Батор). Лишь Финляндия сохраняет Музей Ленина в Тампере, да Мексика в 1990 г. открыла в Мехико мемориальный Дом-музей Л. Д. Троцкого. Мир быстро избавляется от коммунистических иллюзий, а вместе с ними и от советских памятников, которые все чаще предстают в поверженном, а то и вовсе карикатурном виде.

13 Владимир Ильич Ленин. Живопись, скульптура, графика из собрания Центрального музея В. И. Ленина. М.: Изобразительное искусство, 1986. С. 5.

Список литературы

1. Бурлюк Д. Д. Десятый Октябрь. Нью-Йорк: Изд-во М. Н. Бурлюк, 1928. — 24 с.
2. Владимир Ильич Ленин. Живопись, скульптура, графика из собрания Центрального музея В. И. Ленина. Альбом. М.: Изобразительное искусство, 1986. — 197 с.
3. Дункан А. Моя исповедь. Рига: Книга для всех, 1928. — 269 с.
4. Истпарт // Российская музейная энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М.: Прогресс; «Рипол Классик, 2001. — С. 242.
5. Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1922. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2009. — 384 с.
6. Культура в нормативных актах Советской власти. 1923–1927. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2010. — 528 с.
7. Ленин В. И. Группе «Clarte». Примечание к письму // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы, 1982. — С. 580.
8. Ленин В. И. Обществу друзей Советской России (в Америке). Примечание к письму // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 45. С. 564–565.
9. Ленин В. И. Письмо Чарлзу П. Штейнмецу. Примечание // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы, 1982. С. 532–533.
10. Слуцкая Л. В. Театральное искусство Советской России в работах Анри Гильбо // Россия и франкоязычный мир в диалоге искусств: литература, живопись, театр, кинематограф. Королев: Моск. обл. гос. науч. б-ка им. Н. К. Крупской, 2013. С. 99–105.
11. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М.: AdMarginet, 1998. — 640 с.
12. Шеридан К. Неприкрашенная правда // Иностранная литература. 1961. № 4. — С. 179–183.

«WE WILL HARDEN THE LEGEND
INTO REALITY...»
1917 REVOLUTION IN THE WORLD OF ART
AND CULTURE

Parkhomenko Tatiana Aleksandrovna,

Doctor in Historical Sciences, The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage by
named D. S. Likhachev. Head of the centre.
Bersenevskaya naberezhnaya, 20, Moscow, Russia, 119072,
ParkhomenkoT@yandex.ru

Abstract

The article reveals the process of memorialisation of the revolution of 1917 in Russia and in the world, covering literature, painting, sculpture, cinema, decorative art; analyzes its results, determines the significance and place of revolutionary art in the cultural heritage of the country.

Keywords

History, culture, Russia, world, revolution, cultural heritage.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RAR
УДК 069.013
ББК 79.1

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ МУЗЕИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Еремеева Анна Натановна,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
ул. Красная, 28, Краснодар, Россия, 28, 350063,
erana@mail.ru

Коваленко Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
ул. Красная, 28, Краснодар, Россия, 28, 350063,
timofey.kovalenko@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается деятельность музейных учреждений в условиях Революции и Гражданской войны. Территориальные рамки исследования — регионы России, ставшие центрами политического и военного противостояния, большую часть времени находившиеся вне советской юрисдикции. Основное внимание уделяется мерам по сохранению культурного наследия в экстремальных условиях, формированию коллекций по истории Революции.

Ключевые слова

Музеи, Революция, Гражданская война, российская провинция, охрана культурного наследия, интеллигенция.

Столетний юбилей Революции 1917 г. отмечен, прежде всего, масштабными музейными проектами. Широкий общественный резонанс получили выставки «Революция в России. 1917–1922» в Государственном музее политической истории России, «1917. Код Революции» в Музее современной истории России, «Двенадцать. Русские писатели как зеркало Революции 1917 года» в Государственном литературном музее и др. Создатели выставок нацелены на представление ситуации в самых различных сферах революционной России, максимально объективную и корректную ее интерпретацию. Это соответствует позиции нынешнего руководства страны, суть которой состоит в том, что уроки Революции должны способствовать не разъединению общества по политическим предпочтениям, а его примирению.

Парадокс, но менее всего в выставках такого рода присутствуют «авторепрезентационные» сюжеты, касающиеся состояния музеев 100 лет назад, их особой миссии в условиях всеобщего хаоса. Причины этого — и в специфике артефактов, сложности их показа, и в недостаточной изученности темы.

В статье предпринята реконструкция основных тенденций деятельности провинциальных музеев в условиях Революции и Гражданской войны. В фокусе авторского внимания — регионы, значительную часть времени находившиеся вне советской юрисдикции, в обстановке частых смен власти.

Февральская Революция, несмотря на молниеносность и относительную бескровность, несла в себе мощную разрушительную силу. Деструктивная энергия масс нацеливалась прежде всего на то, что напоминало о самодержавном прошлом России: дворцы с их богатейшими интерьерами и произведениями искусства, памятники царям. По всей России имели место случаи вандализма. Сотрудники музеев, члены ученых архивных комиссий, статистических комитетов, научных обществ различными способами пытались противостоять деструктивным тенденциям. На это же ориентировали воззвания общероссийских научных объединений, циркуляры об охране художественных ценностей Министерства внутренних дел Временного правительства.

В связи с продолжавшейся войной и угрозой утраты культурных ценностей осуществлялась эвакуация музейных фондов. Например,

особо ценные коллекции Исторического музея и Азиатского музея, а так же его архива перевезли в Саратов. В связи с готовящейся эвакуацией Академии художеств «кубанский Третьяков» Ф. А. Коваленко предложил временно разместить их фонды в основанной и возглавляемой им Екатеринодарской картинной галерее. В письме от 27 сентября 1917 г. на имя Ф. А. Коваленко уполномоченный комиссара Временного правительства над бывшим Министерством Двора по делам Академии художеств А. Тамков сообщал: «Вследствие предложения от 19 сентября с. г. предоставить в Городской картинной галерее помещение для художественных произведений, эвакуируемых из Музеев Академии, принося Вам искреннюю благодарность за ваши заботы о художественных ценностях Академии, имею честь уведомить, что картины эвакуируются в г. Москву»¹.

Музеи и научные общества становились инициаторами сохранения памяти о текущих событиях: ведь все достаточно быстро осознали их «эпохальность». Через местные периодические издания население призывали активно участвовать в формировании новых фондов — приносить газеты, журналы, прокламации, фотографии революционной поры.

Активизация национальных движений после Февраля 1917 г. способствовала появлению новых музеев. Так, лидеры крымскотатарского движения рассматривали охрану памятников национальной культуры как важную составляющую развития этнического самосознания. Временный крымскотатарский исполнительный комитет взял под свое управление Бахчисарайский дворец. На его основе возник музей, который возглавил знаток крымско-татарского искусства, просветитель У. А. Боданинский.

Бурная деятельность в области охраны памятников и музейного строительства развернулась на Украине. По инициативе созданного по решению Центральной рады в апреле 1917 г. Центрального комитета охраны памятников старины и искусства были составлены воззвания к украинским гражданам об охране культурных ценностей. Губернским управлениям было поручено концентрировать в музеях предметы старины и искусства, связанные с историей укра-

1 Цит. по.: Пыхтина С. Ф. А. Коваленко — основатель музея // Памяти Ф. А. Коваленко: сб. сообщений. Краснодар, 1994. С. 17.

инского народа, беречь от повреждений, разграбления и разрушения исторические и архитектурные памятники. Комитет создал при Академии художеств Украинскую национальную картинную галерею. Основой ее стали картины, переданные из частных коллекций. По решению Центральной Рады члены комитета, изучив фонды петроградских музеев, составили перечень художественных и исторических памятников, ранее принадлежавших украинскому народу, в том числе связанных с историей казачества XVI–XVIII вв., для возвращения на Украину².

Октябрьские события в Петрограде и начало Гражданской войны стали препятствием нормального функционирования музеев. Археолог, член-корреспондент РАН Н. И. Веселовский, известный, в частности, своими исследованиями на территории Кубанской области и Черноморской губернии, сообщал 13 (26) февраля 1918 г. директору Кубанского войскового музея И. Е. Гладкому, что не может вовремя вернуть в музей монеты и камень, так как «в Петрограде неоднократно поступали запрещения по почте не принимать никаких посылок на юг»³. Срывались плановые археологические и иные экспедиции столичных научных организаций.

Частые смены власти в российских регионах, превращение их в фронтовые и прифронтовые территории заставляло руководство музеев оперативно выработать свой алгоритм выживания. Ставка делалась на сотрудничество с любым режимом, разъяснение его руководству непреходящей ценности и важности музейных учреждений. Это, как правило, «срабатывало». Так, в день взятия Екатеринодара Красной армией в марте 1918 г. солдаты учинили беспорядки в Городской картинной галерее им. Ф. А. Коваленко: были вынесены ценности (старинные монеты, серебряные изделия), выбиты стекла, повреждены кафельные печи, замки. Комиссариат народного просвещения попытался компенсировать нанесенный ущерб за счет конфискованных из частных собраний ценностей. Исполком Екатеринодарского совета рабочих, воинских и крестьянских депутатов подтвердил высокий статус

учреждения. В августе 1919 г., уже в период «деникии», над Галереей нависла опасность выселения из здания, которое она занимала с 1907 г. (и занимает по сей день), однако мировой судьей принял сторону музея, а не владельца здания⁴.

Российские регионы стали в годы Революции центрами массовой миграции столичной интеллигенции. Происходила мощная интеллектуализация провинциального культурного пространства⁵. Руководство музеев привлекало к организационной деятельности столичные силы: их избирали в советы, принимали в штат. Например, в Совет упомянутой выше Екатеринодарской картинной галереи вошли, наряду с местными художниками, столичные мастера — архитекторы А. Вайтенс и Н. Лансере, художник А. Мочалов⁶. Частыми посетителями галереи были поэт и переводчик С. Я. Маршак (будущий классик детской литературы), египтолог Б. А. Леман. Музеи, как никогда раньше, являлись центрами интеллектуального общения провинциальной и столичной интеллигенции.

В деятельность по защите музеев и сохранению их фондов активно включились выдающиеся ученые и общественные научные организации. Когда в 1920 г. под угрозой закрытия оказался ялтинский Естественноисторический музей, к Главнокомандующему П. Н. Врангелю обратились куратор музея В. А. Обручев и академик В. И. Вернадский. «В эпоху развала и разрушения России охрана всех уцелевших еще культурных очагов является особенно важной задачей власти; уничтожение Ялтинского музея нанесет большой ущерб росту русской культуры в Крыму и просветительской работе в Ялте» — писали они. В итоге музей был спасен.

Выполнение профессионального долга, охрана культурного наследия для сотрудников музеев представлялась⁷ первоочередными задачами вне

2 См.: Українські культурні цінності в Росії: Перша спроба повернення. 1917–1918/упряд. С. Кот, О. Нестуля. Київ: Соборна Україна, 1996.

3 Фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. КМ 9884/9.

4 Еремеева А. Н., Крюков А. В. Сохранение и трансляция культурного наследия в условиях Революции и Гражданской войны (по материалам Юга России) // Вопросы культурологии. 2015. № 7. С. 8.

5 См.: Еремеева А. Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И., 2017. Гл. 4.

6 Государственный архив Краснодарского края. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–42.

7 Шарыгин С. А. Академик В. И. Вернадский в Ялте // Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского: сб. трудов. Л.: Наука, 1989. С. 380.

зависимости, а порой вопреки тому, что происходило вокруг.

Сотрудники Керченского музея не только сохраняли уникальные памятники, но и проводили археологические раскопки, занимались составлением каталога музейных экспонатов. Директор В. В. Шкорпил (вплоть до смерти в декабре 1918 г.) за собственные деньги выкупал артефакты, препятствовал вывозу древних вещей за рубеж. В декабре 1919 г. был опубликован «Краткий археологический спутник по Керченскому музею древностей», подготовленный его новым директором К. Э. Гриневичем⁸. Председатель Ставропольской ученой архивной комиссии и создатель музея Северного Кавказа Г. Н. Прозрителев в 1919 г. составил историко-археологический путеводитель по Ставропольской губернии⁹.

Подготавливались планы усовершенствования старых и создания новых музеев, в основном естественнонаучного профиля, наглядных пособий. Так, Ростовская городская дума на заседании 7 декабря 1917 г., обсудив представление культурно-просветительной комиссии, постановила учредить в Ростове-на-Дону музей промышленности и сельского хозяйства. Для этого требовалось содействие научных и иных учреждений. Мотивы создания музея излагались следующим образом: «В богатом и оригинальном крае Юго-Востока России, промышленность и сельское хозяйство которого после войны должны занять в жизни края, но и всей страны выдающееся значение — создание музея промышленности и сельского хозяйства, как культурно-просветительного центра, безусловно, необходимо». Гласные думы, осознавая, что «своевременность организации музея с первого взгляда может вызвать сомнения и возражения в условиях переживаемого момента», считали, однако, «немедленную организацию музея целесообразной»¹⁰. Музей торжественно открылся в мае 1918 г.

Музейные проекты разрабатывались и на Кубани. Ведомство торговли и промышленности Кубанского краевого правительства планирова-

ло открыть музей экспонатов «всех производств краевой промышленности». В Совете обследования и изучения Кубанского края обсуждали возможность создания сельскохозяйственно-го музея. Всего различными ведомствами и учреждениями готовилось формирование более десяти музеев¹¹.

С 1917 г. началась работа с архивом Никитского ботанического сада; в 1918 г. был основан музей. Как писал заведующий ботаническим кабинетом Е. В. Вульф в отчете за 1914–1919 гг., «полученные материалы оказались чрезвычайно интересны не только для истории Сада, но и вообще сельского хозяйства Крыма, ввиду чего началось постепенное опубликование в печати обработанных материалов»¹².

Музей Северного Кавказа, созданный Ставропольской губернской ученой архивной комиссией совместно со Ставропольским губернским статистическим комитетом, в 1918 г. имел шанс получить в собственность участок земли для строительства помещения. Основатель музея Г. Н. Прозрителев был готов передать его в дар. Однако данный вопрос так и не был решен положительно¹³.

Большинство музейных учреждений, вопреки финансовым трудностям, не только продолжало работать (правда, с перерывами), но и пополнялось новыми экспонатами.

Выставочная работа музеев, с одной стороны, поддерживала дореволюционные традиции, с другой — становилась ответом на вызовы времени. Например, в Ставропольском земско-городском музее им. Праве в 1919 г. были устроены три выставки: «по сельскохозяйственным пособиям и литературе, по борьбе с тифом, холерой и чумой и большая выставка учебных пособий по всем отраслям знания»¹⁴.

Органам власти и научной интеллигенции представлялась важной работа по сбору истори-

8 Андросов С. А. Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.) // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3–4. С. 134.

9 Фонды Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве. Ф. 2. Ед. хр. 37.

10 Государственный архив Ростовской области. Ф. 521. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–10б.

11 Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 78. Л. 70б.

12 Вульф Е. В. Отчет о научной деятельности ботанического кабинета Никитского сада. Симферополь, 1919. С. 9.

13 Колесникова М. Е. Создание и деятельность Музея Северного Кавказа (1905–1927 годы) [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 3. С. 95–102. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/11/2015_3_Kolesnikova.pdf (дата обращения 12.05.17).

14 Государственный архив Ставропольского края. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 73. Л. 17.

ческих документов и материальных свидетельств текущего времени. Предполагалось, что после победы над большевиками в столице обновленной России будет учрежден Всероссийский военно-исторический музей (Музей возрождения России), и сбор экспонатов необходимо вести уже сейчас. Координационным центром на Юге являлась военно-историческая комиссия во главе с полковником М. В. Колобовым, имевшим богатый опыт работы в этой области (в годы Первой мировой войны). По Дону и Кубани в 1919 г. курсировала передвижная выставка памяти Л. Г. Корнилова.

Западно-Сибирский отдел Русского географического общества, назвавший себя в условиях Гражданской войны общероссийской организацией, «счел своей обязанностью возобновить деятельность комиссии «Архив войны», придав ей характер деятельности общероссийской, в местностях, освобожденных и освобождаемых от Советской власти, впредь до установления связи с Центральным Географическим обще-

ством в Петрограде»¹⁵. В Архив должны были поступать записи новейшего фольклора, письма, дневники, фотографии и т. д. Так формировалась основа будущих музейных коллекций по истории Революции и Гражданской войны.

Итак, всеобщая нестабильность и разруха, частая смена политических режимов сочетались с организаторской деятельностью музеев, направленной на охрану культурного наследия, сбором материалов по истории текущих грандиозных событий. Сотрудники не только сохраняли уникальные артефакты, но и проводили исследования, занимались составлением каталогов музейных экспонатов. Вырабатывались планы усовершенствования старых и создания новых музеев.

Важную роль в реализации социокультурных инициатив играло привлечение к деятельности в провинциальных музеях интеллигенции, бежавшей из революционных столиц.

15 Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 129а. Л. 52–53.

Список литературы

1. Андросов С. А. Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.) // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3–4. С. 126–138.
2. Вульф Е. В. Отчет о научной деятельности ботанического кабинета Никитского сада. Симферополь, 1919.
3. Еремеева А. Н., Крюков А. В. Сохранение и трансляция культурного наследия в условиях революции и Гражданской войны (по материалам Юга России) // Вопросы культурологии. 2015. № 7. С. 6–11.
4. Еремеева А. Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И., 2017.
5. Колесникова М. Е. Создание и деятельность Музея Северного Кавказа (1905–1927 годы) [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 3. С. 95–102. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/11/2015_3_Kolesnikova.pdf (дата обращения 12.05.17).
6. Пыхтина С. Ф. А. Коваленко — основатель музея // Памяти Ф. А. Коваленко: сб. сообщений. Краснодар, 1994. С. 5–20.
7. Шарыгин С. А. Академик В. И. Вернадский в Ялте // Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского: сб. тр. Л.: Наука, 1989. С. 378–382.
8. Українські культурні цінності в Росії: Перша спроба повернення. 1917–1918/упоряд. С. Кот, О. Нестуля. Київ: Соборна Україна, 1996.

PROVINCIAL MUSEUMS IN THE CONDITIONS OF THE REVOLUTION AND CIVIL WAR

Anna N. Eremeeva,

Dr. Sci. (National History), Prof.,

Chief Researcher, Department of Complex Problems for Cultural Research, Southern
Branch of Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnaya st., 28, Krasnodar, Russia, 350063,
erana@mail.ru

Timofey V. Kovalenko,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture),

Deputy Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and
Natural Heritage,
Krasnaya st., 28, Krasnodar, Russia, 350063,
timofey.kovalenko@gmail.com

Abstract

The article discusses the activities of museum institutions in the years of the Revolution and Civil war. There was a territorial framework of research in provincial regions of Russia that were under the power of the counterrevolutionary systems for a long time. The authors focused on the preservation of cultural heritage in extreme conditions and on the formation of collections on the history of the Revolution.

Keyword

Museums, revolution, Civil war, Russian province, protection of cultural heritage, intelligentsia.

RAR
УДК 069
ББК 79

МУЗЕЙ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Акоева Наталья Борисовна,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры,
ул. 40 лет Победы, 33, Краснодар, Россия, 350072,
akoeva_nata@mail.ru

Денисов Николай Григорьевич,
доктор философских наук,
профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры,
ул. 40 лет Победы, 33, Краснодар, Россия, 350072,
kafedraistoriimu2014@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы создания условий для социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья в условиях музейной среды, приводится опыт работы российских музеев. Авторы отмечают, что развитие социально-культурных и реабилитационных технологий в музее может выступать базисом взаимодействия системы «музей — общество».

Ключевые слова

Музей, экспозиция, социальная адаптация, интерактивные технологии, инновации, доступность, безбарьерная среда.

Мировая практика показывает, что развитие музеев идет по пути превращения их в комплексные культурно-исторические и досуговые центры. Это существенным образом изменяет подход к организации музейного пространства в широком смысле этого понятия: имеются в виду и экспозиции, и выставки, и рекреационные зоны, и современная музейная инфраструктура, диктует необходимость разработки новых форм работы с посетителем, организации процесса его пребывания в музее, презентации имеющихся в музее культурно-исторических ценно-

стей. Многие музеи отходят от опыта статичных экспозиций, не сменяемых десятки лет стендов и витрин. Вводятся элементы интерактивности в саму экспозицию, проводятся различные мероприятия в стенах музея.

Как отмечает М. Г. Аверкин, музей должен быть «подвижен» — постоянно разрабатывать новые выставки, новые способы подачи информации и др.¹

1 Аверкин М. Г. Модификация факторов коммуникативного взаимодействия // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 163.

Современные музейные работники должны учитывать не только профиль своего музея, но и интересы аудитории, чтобы обеспечить «обратную связь», сделать экспозицию более интересной и привлекательной для посетителя. Только тогда культурно-образовательная деятельность музея будет эффективной.

Современный музейный мир России насчитывает по данным 2014 г. 2600 музеев системы Министерства культуры РФ. В них работают 31400 научных сотрудников и экскурсоводов².

Однако, сколько в России на сегодняшний день ведомственных, общественных, муниципальных, частных музеев, к сожалению, сказать трудно. Исследователи отмечают рост числа музеев, рост количества посетителей; например, 81019,3 тыс. в 2010 году и уже 85857,8 тыс. человек пришли в музеи в 2011 г.

В тоже время, Центр прикладных экономических исследований и разработок НИУ ВШЭ приводит интересные данные опросов: на сегодняшний день интересуются музеями и посещают их 16% россиян, 70% не знают о музеях и не интересуются, а еще 14% знают о музеях, но не посещают их³.

К сожалению, у нас есть довольно большая группа потенциальных посетителей, к которой музеи не всегда обращаются. Это люди с ограниченными возможностями здоровья. На сегодняшний день важной проблемой для современного музея является необходимость сделать возможным доступ к предметам культуры и искусства посетителям такой категории.

Проблема социальной адаптации инвалидов музейными средствами неоднократно поднималась в работах С. В. Ашаевой⁴, В. В. Булгаковой⁵,

С. Н. Ваньшина и О. П. Ваньшиной⁶, И. Н. Дониной⁷, Т. Е. Максимовой⁸ и других исследователей.

Отмечалось, что именно музей способен внести вклад в процесс социализации и адаптации людей с психическими нарушениями, глухотой, слепотой и другими отклонениями. Музей выступает посредником, необходимым звеном между индивидом и культурной средой. Он транслирует своими средствами комплекс культурных образцов, норм и традиций, тем самым включая инвалидов в историко-культурный процесс. Это позволяет предположить, что практика, связанная с активным участием музеев в социокультурной интеграции инвалидов, является одним из механизмов, определяющих вектор их дальнейшего развития.

Понятие «инвалид» появилось в России в XVIII в. Первоначально так называли бывших военнотружеников, которые по своему состоянию здоровья не могли себя обслуживать. В XIX веке при описании инвалида акцент делался на профессионально-трудовой стороне жизнедеятельности. Позднее внимание стали уделять медицинским аспектам и проблемам материальной помощи таким людям. Сейчас понятием инвалид определяют лиц с нарушениями здоровья, приводящими к ограничению жизнедеятельности и требующими его социальной защиты⁹.

В нашей стране требования к работе с людьми с ограниченными возможностями были введены в 2011 г. в рамках государственной программы «Доступная среда», которая будет реализовываться до 2020 года.

В 2012 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов, в целый ряд законодательных актов были внесены соответствующие изменения.

Существующая нормативно-правовая база и инклюзивно направленная социальная политика нашего государства, вроде бы провозгла-

2 Интерактивные формы в построении музейных экспозиций: отчет о НИР/Краснодарский гос. ин-т к-ры; рук. Н. Б. Акоева; исп. В. П. Гриценко и др. Краснодар, 2016. 89 с. URL: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkd_ocs2017/20_03_2017_04.pdf. (дата обращения: 12.06.17).

3 Гринкевич В. В. Семидесяти процентам россиян музеи не интересны [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. URL: <https://iq.hse.ru/news/177666954.html>. (дата обращения: 12.06.17).

4 Ашаева С. В. Формы работы в музее с людьми с ограниченными возможностями // Омский научный вестник. 2010. № 4. С. 219–222.

5 Булгакова В. В. Взаимодействие с лицами с ограниченными возможностями здоровья в российских и зарубежных музеях в конце XIX– начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры. 2016. № 34. С. 158–169.

6 Ваньшин С. Н., Ваньшина О. П. Социокультурная реабилитация инвалидов музейными средствами. М.: ГДМ, 2013.

7 Дониная И. Н. Музей в социокультурной адаптации инвалидов: дис.... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2014.

8 Максимова Т. Е. Виртуальные музеи как средство социализации людей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 4. С. 123–128.

9 Егорова Т. В. Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями. Балашов: Николаев, 2002. С. 20.

шают равноправное участие инвалидов в социокультурной жизни. Но на деле все оказывается гораздо сложнее.

Многие музеи по-прежнему недоступны для большинства инвалидов. Этому есть несколько причин. Прежде всего, это обусловлено наличием барьеров средового, т. е. архитектурного характера. Часть музеев расположена в зданиях, являющихся памятниками архитектуры. Они имеют мраморные полы, не удобные для инвалидов-колясочников; высокие многоступенчатые лестницы, которые и здоровому человеку трудно преодолеть; не везде есть лифты, пандусы. А получить разрешение на перепланировку помещений не всегда удается.

Существуют проблемы отношенческого, то есть психологического характера. Некоторые посетители не доброжелательно относятся к инвалидам в музее; многие музейные работники не имеют опыта работы с такой сложной аудиторией.

Во многих музеях медленно внедряются в практику инновации, которые позволили бы людям с ограниченными возможностями комфортно чувствовать себя в музее.

Интересным и показательным примером музея, работающего с такими посетителями уже более 80 лет, является Государственный Дарвиновский музей.

Основатель и первый директор музея Александр Федорович Котс проводил экскурсии для слепых студентов с 1920-х гг. С 2002 г. работа с инвалидами перешла на профессиональную основу. В настоящее время выставки, проходящие в Государственном Дарвиновском музее, доступны людям с разными заболеваниями: с нарушением опорно-двигательного аппарата, слабослышащим, слабовидящим, с нарушениями умственного развития и аутизмом. На экспозиции используются различные приспособления: тактильные средства информации с буквами, цифрами по Брайлю.

Важно, что в музее проходят выставки работ самих инвалидов. Это рисунки, лоскутное шитье, предметы декоративно-прикладного творчества. Все, кто выставлял свои работы в музее хоть раз, становятся его постоянными посетителями, их приглашают на все вернисажи и они с радостью возвращаются в музей.

Работу с посетителями с ограниченными возможностями ведет музей «Старое английское

подворье». Во время занятия широко используются реплики русской и английской столовой и бытовой посуды XVI–XVII вв., образцы пряностей и муляжи. Обязательно во время экскурсии звучат фрагменты английских музыкальных произведений XVI–XVII вв., что придает особый колорит, помогает посетителям лучше почувствовать эпоху¹⁰.

Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева, используя опыт Дарвиновского музея, создал программу реабилитации «Шаг навстречу: вместе мы сможем больше». В нее вовлечены дети и подростки, имеющие нарушения опорно-двигательного аппарата, интеллектуального развития. Авторы программы поставили две задачи: знакомить ребят с искусством, расширив их представления о культурном разнообразии стран и народов, и создать удобную, комфортную среду для таких детей, чтобы они смогли реализовать свои творческие способности, восстановить свое психическое здоровье¹¹.

В целом следует отметить, что первыми на необходимость работы музеев с людьми с ограниченными возможностями обратили внимание в Северной Америке и Европе в начале 1990-х гг. Сейчас уже накоплен значительный опыт, который российские музеи активно изучают и внедряют в практику.

Овладение мировым опытом по обеспечению максимальной доступности музейных экспозиций, по практическому внедрению социально-культурных и реабилитационных технологий в музее являются базисом для дальнейшего развития системы взаимодействия музея и общества.

10 Тавлицева Е. Ю. Эпоха великих гастрономических открытий // Реабилитация инвалидов музейными средствами: мат-лы круглого стола. М., 2011. С. 57–63.

11 Царева Т. Б. Музей доступен всем // Музей и образование в новом социокультурном измерении: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 197–198.

Список литературы

1. Аверкин М. Г. Модификация факторов коммуникативного взаимодействия // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 157–164.
2. Ашаева С. В. Формы работы в музее с людьми с ограниченными возможностями // Омский научный вестник. 2010. № 4. С. 219–222.
3. Булгакова В. В. Взаимодействие с лицами с ограниченными возможностями здоровья в российских и зарубежных музеях в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры. 2016. № 34. С. 158–169.
4. Ваньшин С. Н, Ваньшина О. П. Социокультурная реабилитация инвалидов музейными средствами. М.: ГДМ, 2013.
5. Гринкевич В. В. Семидесяти процентам россиян музеи не интересны [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. URL: <https://iq.hse.ru/news/177666954.html> (дата обращения: 12.06.17).
6. Дониная И. Н. Музей в социокультурной адаптации инвалидов: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2014.
7. Егорова Т. В. Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями. Балашов: Николаев, 2002.
8. Интерактивные формы в построении музейных экспозиций: отчет о НИР/Краснодарский гос. ин-т к-ры; рук. Н. Б. Акоева; исп. В. П. Гриценко и др. Краснодар, 2016. 89 с. URL: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2017/20_03_2017_04.pdf. (дата обращения: 12.06.17).
9. Максимова Т. Е. Виртуальные музеи как средство социализации людей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 4. С. 123–128.
10. Тавлинцева Е. Ю. Эпоха великих гастрономических открытий // Реабилитация инвалидов музейными средствами: мат-лы круглого стола. М., 2011. С. 57–63.
11. Царева Т. Б. Музей доступен всем // Музей и образование в новом социокультурном измерении: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 197–198.

MUSEUM AS A SPACE OF SOCIAL ADAPTATION OF PEOPLE WITH DISABLED HEALTH OPPORTUNITIES

Natalya B. Akoyeva,

Dr. Sci. (National History), Assos. Prof.,
Prof., Department of History, Cultural Studies and Museology,
Krasnodar State Institute,
Sorokoletiya Pobedyst. 33, Krasnodar, Russia, 350027,
akoeva_nata@mail.ru

Nikolay G. Denisov,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture),
Prof., Department of History, Cultural Studies and Museology,
Krasnodar State Institute,
Sorokoletiya Pobedyst. 33, Krasnodar, Russia, 350027,
kafedraistoriiimu2014@yandex.ru

Abstract

The article deals with the creation of conditions for the social adaptation of people with disabilities in the conditions of the museum environment, the experience of Russian museums is given. The authors note that the development of socio-cultural and rehabilitation technologies in the museum can act as a basis for the interaction of the «museum-society» system.

Keywords

Museum, exposition, social adaptation, interactive technologies, innovations, accessibility, barrier-free environment.

RAR
УДК 069
ББК 79.1

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА КАК ОБЪЕКТ МУЗЕЙНОГО ХРАНЕНИЯ И ЭКСПОНИРОВАНИЯ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Сиюхова Аминет Магаметовна,
доктор культурологии,
доцент, профессор кафедры философии,
социологии и педагогики Майкопского государственного технологического универ-
ситета, Первомайская ул., 191, Майкоп, 385000,
amins@mail.ru

Аннотация

В статье раскрывается вопрос музейного хранения и экспонирования традиционной одежды. Обосновывается значимость одежды как культурной универсалии. Производство предметов одежды в первобытную эпоху представляется как важный фактор развития интеллекта и духовности. Рассматриваются нормативно-правовые аспекты музейной деятельности в отношении места предметов одежды в музейных фондах. Освещаются некоторые проблемы региональных музеев по работе с одеждой как единицей хранения.

Ключевые слова

Музейный фонд, традиционная одежда, культурные ценности, коллекционирование, сохранность, экспонирование.

Музейное дело имеет длительную историю, на протяжении которой происходит непрерывное развитие его структуры и функций. Основная задача музея — сбор, хранение, изучение и экспонирование природных, исторических, этнографических, художественных и иных ценностей. В сферу наших научных интересов входит проблема включения в музейные фонды и экспозиции предметов одежды.

Одежда как элемент человеческой среды обитания является привычным атрибутом жизни уже с эпохи первобытности. Существует множество теоретических исследований, прослеживающих путь накопления значимых социально-культурных функций одежды, от защитной, до расширенного комплекса функций современной одежды, когда она маркирует такие

характеристики владельца, как возраст, пол, этническую и религиозную принадлежность, материальное благосостояние, профессию, ситуацию традиционной и современной обрядности, является визуальной печатью психотипа личности и пр. Одним из ведущих исследователей в данной области по праву считается российский этнограф П. Г. Богатырев, давший образец подробного структурно-функционального анализа на примере народного костюма Моравской Словакии¹. По уровню и глубине охвата проблематики с уверенностью можно судить, что ученый внес громадный вклад не только в этнографическую науку, но и в такой же мере в культуроло-

1 Богатырев П. Г. Функции костюма в Моравской Словакии // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 299–366.

гию и социологию культуры. Он посредством расширенного эмпирического анализа наглядно проиллюстрировал мысль, что одежда есть выражение истории общества, природы его обитания, его культуры и социальных взаимодействий.

Социально-психологические основания функциональности одежды рассмотрены в фундаментальном труде американской исследовательницы Э. Холландер «Взгляд сквозь одежду». В частности, она замечает такую способность одежды, как персонификация, либо, напротив, нивелирование личности как отражение роли индивида в рамках той или иной культуры². Она также говорит о сексуальности как о значимом качестве одежды, усматривая в ней не только социально-исторические факторы формирования, но и архетипические, тесно связанные с архаическим переживанием телесности³.

Можно назвать еще достаточно продолжительный список ученых, раскрывающих проблематику костюма в этнографическом, историческом, культурологическом, искусствоведческом ракурсах. Среди них весомый вклад в системное исследование роли одежды в культуре внесли региональные ученые, например С. Э. Хокон, глубоко проанализировавшая социокультурное бытование этнокостюма в современной ситуации Республики Адыгея⁴. Безусловно, соглашаясь с упомянутыми и многими другими исследователями, отводящими одежде особое место в культуре общества, хотелось бы от себя добавить, что создание предметов одежды доисторическим человеком явилось мощнейшим стимулом развития его интеллекта. Защищая себя от холода и жары, дождя и ветра, человек осваивал методы кроя, сборки и крепления пространственнотрансформированных деталей из природного материала (кожи, меха, растений и пр.), тем самым вырабатывая рациональные и эмоциональные методы освоения большого пространства жизни. Одежда меняла человека не только внешне, но и императивно разнонаправленно изменяла его сознание.

Приведенные выше рассуждения доказывают значимость одежды как безусловной культур-

ной ценности, и обосновывают правомочность нахождения предметов и элементов костюма, и костюмных комплексов в фондах и экспозициях музеев. В качестве дополнительного основания можно опереться на мысли известного исследователя народного костюма Р. М. Кирсановой, о том что народный костюм вышел из повседневной практики села, и что именно городской музей аккумулировал остатки аутентичных костюмных комплексов и их элементов. Она пишет: «Художники по костюму обращаются к народному костюму, ориентируясь на лучшие музейные образцы, само существование которых стало возможным благодаря бережному отношению к костюму в деревнях и селах»⁵.

Универсальность и многофункциональность одежды обуславливает разные формы музейной работы с костюмом. На сегодняшний день наиболее разработанной является тема учета, хранения, реставрации и экспонирования одежды в музее. В самом общем виде данные вопросы отражены в разнообразных нормативных документах, регулирующих его работу. Так, например, в Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в СССР (действовал с 01.10.1985) в разделе II Состав музейных фондов в п. 76 предписывается нахождение в основном музейном фонде музейных предметов, «относящихся к феодальной и капиталистической общественно-экономической формациям и социалистической общественно-экономической формации, характеризующие экономику, общественные отношения, внутреннюю и внешнюю политику, историю революционного движения, борьбу за мир в СССР и защиту социалистического отечества, культуру (орудия труда, образцы продукции, оружие, знамена, обмундирование, предметы быта и одежды, в том числе произведения профессионального декоративно-прикладного искусства и народного творчества), мемориальные предметы, связанные с историческими событиями или выдающимися личностями руководителей партии и государства, участниками революционного движения, Гражданской и Великой Отечественной войн, народными героями,

2 Hollander A. Seeing Through Clothes. New York: Avon, 1980. 528 pp.

3 Hollander A. Указ.соч. С. 228.

4 Хокон С. Э. Этнокостюм в современной культуре адыгов: социокультурные аспекты. Диссертация... кандидата культурологии. Саратов, 2014. 178 с.

5 Кирсанова Р. М. Русский народный костюм: этапы развития. (К вопросу о взаимодействии сельского и городского типа культуры) // Духовная культура села. Традиции и современность. М., 1988, С. 82.

деятелями науки и культуры и т. д.»⁶. Действующий ныне Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации» не конкретизирует состав музейных фондов по типам документов и экспонатов, этим отдавая право решения о включении той или иной вещи в музейную коллекцию руководству самих музеев⁷. Таким образом, одежда как предмет музейного хранения, изучения и экспонирования сегодня не является обязательной единицей хранения. К чести музейных работников, можно утверждать, что они в полной мере осознают ценность одежды как отражения истории и культуры общества и должным образом работают с ее предметами.

Несомненно, первенство в музейных собраниях занимают образцы аутентичной традиционной одежды разных этнических сообществ. О том, что этнографическое коллекционирование народного костюма началось ранее сбора остальных типов одежды, может свидетельствовать исследование А. К. Салмина и А. И. Терюкова, в котором с исторических позиций рассматривается появление первой музейной коллекции костюмов народов Волго-Камья в Кунсткамере Санкт-Петербургской Академии наук⁸. Авторы на основе архивных данных доказывают, что исследователь Д. Г. Мессершмидт, приглашенный Петром I из Данцига, вел работу по сбору коллекции традиционного костюма народов России по его распоряжению и старался, в первую очередь, приобрести у крестьян Удмуртии костюмы, используемые в обрядовой практике. В своих путевых дневниках Д. Г. Мессершмидт не поясняет основание такого выбора, но можно предположить, что главной причиной была не столько научная, сколько эстетическая: ритуально-обря-

довые одежды имели более богатый декор и технику исполнения. Косвенно об этом может говорить тот исторический факт, что еще до Петра I при Дворе русских монархов собирали аутентичные костюмы народов России для использования их в разнообразных досуговых мероприятиях: маскарадах, балах и пр.⁹. Впоследствии с развитием научной этнографии были всесторонне проанализированы символика орнамента, роль того или иного вида одежды в обрядовой практике.

Сегодня в крупнейших музеях России собраны богатейшие коллекции традиционного костюма этносов, проживающих на территории Российской Федерации. Они являются основой многочисленных научных исследований, воплощенных в красочных каталогах с интерпретирующим текстом о назначении костюма, особенностях декора и технологий его выполнения, использования тех или иных материалов. Ярким примером может служить изданная в 1989 г. книга Л. В. Ефимовой «Русский народный костюм», представляющая коллекцию Государственного исторического музея¹⁰. Однако, не только в центральных музеях страны есть коллекции этнографического костюма, — в каждом региональном краеведческом музее подобная коллекция представляется наиболее ценной частью фонда. Например, в Саратовском этнографическом и Петровском краеведческом музеях собраны богатые коллекции мордовского народного костюма¹¹. В Чувашском национальном музее (г. Чебоксары) находится собрание чувашского национального костюма с декором вышивкой в самобытной технике¹². Ульяновский историко-художественный музей имеет обширную коллекцию русского традиционного костюма, включающего предметы, датируемые XV–XIX веками¹³.

В виду хрупкости экспонатов и с целью изучения, а также приобщения региональной му-

6 Об утверждении «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР». Приказ министерства культуры СССР № 290 от 17 июля 1985 г. URL: http://businesspravo.ru/docum/documshow_documid_33809.html

7 Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 N 54-ФЗ (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/

8 Салмин А. К., Терюков А. И. Первая музейная коллекция одежды народов Волго-Камья в кунсткамере Санкт-Петербургской Академии наук // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2010. № 5–3. С. 42–51.

9 Салмин А. К., Терюков А. И. Указ. соч. С. 42.

10 Ефимова Л. В. Русский народный костюм. Государственный исторический музей. Альбом. Люблины, 1989. 314 с.

11 Новая выставка откроется в этнографическом музее. URL: http://gtrk-saratov.ru/news/novaya_vystavka_otkroetsya_v_etnograficheskom_muze/

12 Марицкая И. Чувашская вышивка: одежда и предметы обихода. Музейные экспонаты. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/1223453-chuvashskaya-vyshivka-odezhda-i-predmety-obihoda-muzejnye-eksponaty>

13 Дети узнали, что костюм говорит о человеке. URL: <http://www.znamyuzl.ru/2015/03/page/123/>

зейной публики к ценностям народной культуры создаются красочные альбомы, наподобие каталога Л. В. Ефимовой. Такой альбом, например, был выпущен в нынешнем году в Национальном музее Республики Адыгея (г. Майкоп)¹⁴, в котором отражена коллекция традиционной одежды и золотого шитья адыгов. В альбоме представлены фото экспонатов, исторические снимки XIX — первой половины XX века, на которых народный костюм показан в аутентичной среде. Сопровождающий текст поясняет особенности бытования и использования, а также технологии изготовления одежды. Специфике кроя, материалов, а также ситуаций применения традиционной мужской, женской и детской одежды посвящены статьи сотрудника музея Н. З. Кидакоевой¹⁵, а золотошвейное искусство адыгов освещается в статье ее коллеги Н. З. Шовгеновой¹⁶.

Международное музейное сообщество озабочено трудностями работы с предметами одежды в силу их особой хрупкости. В материалах Комитета музеев костюма ИКОМ отмечается, что в начале 1980-х годов стало очевидно, что изменения в музейной политике и в управлении музеями угрожают сохранности коллекций костюмов¹⁷. Неумелое хранение, экспонирование и реставрация музейных предметов одежды,

по мнению авторитетного историка костюма Дж. Арнольд, может исключить их из разряда исторических документов¹⁸. Комитет музеев и коллекций костюма ИКОМ выработал подробные рекомендации для работы по хранению костюма, касающиеся комплектования, инвентаризации, мер предосторожности, климатических условий хранения, консервации и реставрации, правил экспонирования. В документе указывается, что «по причинам как профессиональной этики, так и научного свойства, должен быть выдвигнут следующий лозунг: никакое вмешательство в музейный предмет недопустимо. Любое вмешательство снижает ценность музейных предметов как исторических документов»¹⁹.

Особое место в работе с музейными экспонатами из числа предметов костюма отводится фотографированию, в современной интерпретации — оцифровыванию. В рекомендациях ИКОМ указывается, что для того чтобы меньше наносить ущерб музейной одежде во время исследования и при экспонировании, нужно чаще использовать ее качественные фотоизображения. Следует признать, что сегодня финансовое положение музеев в регионах таково, что они не могут себе позволить закупку дорогостоящей фотоаппаратуры, либо заключать договора с профессиональными фотоагентствами. Так, один из составителей альбома традиционной одежды и золотого шитья адыгов и авторов сопровождающего научного текста Н. З. Кидакоева сетовала на то, что при подготовке выпуска фоллианта были большие трудности из-за весьма среднего качества фотографий. На них невозможно было четко увидеть детали техники золотого шитья, элементы жаккардового переплетения тканей на исторических костюмах и пр. В этом плане региональным Министерством и Отделам культуры, на наш взгляд, стоит изменить политику сиюминутной экономии на политику долгосрочной экономии, способной предотвратить утрату исторических музейных экспонатов, уникальность и ценность которых со временем лишь возрастают.

Музейные работники, в большинстве своем энтузиасты и альтруисты, собственными силами стараются найти способы совмещения сохранности предметов музейной одежды и возможно-

14 Традиционная одежда и золотое шитье адыгов. Из фондов Национального музея Республики Адыгея. Министерство культуры Республики Адыгея, Национальный музей Республики Адыгея. Краснодар, 2015. 148 с.

15 Кидакоева Н. З. Традиционный адыгский женский костюм конца XIX — начала XX вв. В собрании Национального музея Республики Адыгея. В сборнике: Традиционная одежда и золотое шитье адыгов. Из фондов Национального музея Республики Адыгея. Министерство культуры Республики Адыгея, Национальный музей Республики Адыгея. Краснодар, 2015. С. 34–42; Кидакоева Н. З. Традиционный адыгский мужской костюм конца XIX — начала XX вв. В собрании национального музея республики Адыгея. В указ. сборнике. С. 6–9; Кидакоева Н. З. Детская национальная одежда в собрании национального музея республики Адыгея. В указ. сборнике. С. 98.

16 Шовгенова Н. З. Золотошвейное искусство адыгов. В сборнике: Традиционная одежда и золотое шитье адыгов. Из фондов Национального музея Республики Адыгея. Министерство культуры Республики Адыгея, Национальный музей Республики Адыгея. Краснодар, 2015. С. 108–111.

17 Рекомендации Комитета музеев и коллекций костюма ИКОМ по хранению костюма. URL: http://network.icom.museum/fileadmin/user_upload/minisites/costume/pdf/guidelines_russian

18 Там же.

19 Там же.

стью близкого знакомства аудитории с лучшими образцами. В частности, в Национальном музее Республики Адыгея работники отдела хранения применяют метод репликации. Его сущность заключается в том, что на основе научного описания (промеров, выполнения разверсток лекал, зарисовки декора и описания технологии) самими служащими музея делаются точные копии исторического предмета из новых, приближенных к аутентичным по физическим свойствам, современных материалов. Эти экспонаты, будучи новоделами, не имеют исторической ценности, однако становятся весомым фактором для более глубокого научного анализа проблем истории и технологии производства одежды, а также близкого и наглядного знакомства публики с традиционной культурой адыгов.

По справедливому замечанию специалиста в сфере изучения и сохранения традиционного и исторического костюма Р. М. Кирсановой, «костюм фокусирует в себе возможности прак-

тически всех традиционных ремесел, и именно костюм оказывается самым недолговечным, неспособным по самому материалу противостоять времени»²⁰. В этой связи невозможно переоценить деятельность музеев по сбору и обеспечению сохранности народного костюма, представляющего объект не только интеллектуального осмысления, но и эмоционального восприятия, делающего возможным на уровне подсознания почувствовать суть жизни, отношений и переживаний людей давно ушедшего поколения. Сохранение в музейных коллекциях традиционной, а также исторической одежды, способствует воссозданию целостности культурной картины мира общества, где прошлое, настоящее и будущее находятся в гармоничной и естественной взаимосвязи.

20 Кирсанова Р. М. Русский народный костюм: этапы развития. (К вопросу о взаимодействии сельского и городского типа культуры) // Духовная культура села. Традиции и современность. М., 1988, С. 70.

Список литературы

1. Богатырев П. Г. Функции костюма в Моравской Словакии // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 299–366.
2. Дети узнали, что костюм говорит о человеке. URL: <http://www.znamyuzl.ru/2015/03/page/123/>
3. Ефимова Л. В. Русский народный костюм. Государственный исторический музей. Альбом. Любляны, 1989. 314 с.
4. Кирсанова Р. М. Русский народный костюм: этапы развития (к вопросу о взаимодействии сельского и городского типов культуры) // Духовная культура села: традиции и современность. М., 1988. ВНИИ искусствознания/М. 1988. С.70–82.
5. Кидакоева Н. З. Традиционный адыгский женский костюм конца XIX — начала XX вв. В собрании Национального музея Республики Адыгея. В сборнике: Традиционная одежда и золотое шитье адыгов. Из фондов Национального музея Республики Адыгея. Министерство культуры Республики Адыгея, Национальный музей Республики Адыгея. Краснодар, 2015. С. 6–9, 34–42.
6. Кидакоева Н. З. Детская национальная одежда в собрании национального музея республики Адыгея. В сборнике: Традиционная одежда и золотое шитье адыгов. Из фондов Национального музея Республики Адыгея. Министерство культуры Республики Адыгея, Национальный музей Республики Адыгея. Краснодар, 2015. С. 98.
7. Марицкая И. Чувашская вышивка: одежда и предметы обихода. Музейные экспонаты. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/1223453-chuvashskaya-vyshivka-odezhda-i-predmety-obihoda-muzejnye-eksponaty>
8. Новая выставка откроется в этнографическом музее. URL: http://gtrk-saratov.ru/news/novaya_vystavka_otkroetsya_v_etnograficheskom_muzee/
9. Об утверждении «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР». Приказ министерство культуры СССР № 290 от 17 июля 1985 г. URL: http://businesspravo.ru/docum/documshow_documid_33809.html
10. Рекомендации Комитета музеев и коллекций костюма ИКОМ по хранению костюма. URL: http://network.icom.museum/fileadmin/user_upload/minisites/costume/pdf/guidelines_russian

11. Салмин А. К., Терюков А. И. Первая музейная коллекция одежды народов Волго-Камья в кунсткамере Санкт-Петербургской Академии наук // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2010. № 5–3. С. 42–51.
12. Традиционная одежда и золотое шитье адыгов. Из фондов Национального музея Республики Адыгея. Министерство культуры Республики Адыгея, Национальный музей Республики Адыгея. Краснодар, 2015. 148 с.
13. Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 № 54-ФЗ (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/
14. Хокон С. Э. Этно костюм в современной культуре адыгов: социокультурные аспекты. Диссертация... кандидата культурологии. Саратов, 2014. 178 с.
15. Шовгенова Н. З. Золотошвейное искусство адыгов. В сборнике: Традиционная одежда и золотое шитье адыгов. Из фондов Национального музея Республики Адыгея. Министерство культуры Республики Адыгея, Национальный музей Республики Адыгея. Краснодар, 2015. С. 108–111.
16. Hollander A. SeeingThroughClothes. NewYork: Avon, 1980. 528 pp.

TRADITIONAL CLOTHING AS AN OBJECT OF MUSEUM STORAGE AND DISPLAY (CULTUROLOGICAL ASPECT)

Siyuhova Aminet Magometovna,

doctor of Culturology,

associate Professor, Professor, Department of philosophy,

sociology and pedagogy, Maikop state technological University, Pervomayskaya str., 191,

Maikop, 385000,

amins@mail.ru

Abstract

The article reveals the question of the Museum's storage and exhibition of traditional clothing. Explains the importance of clothing as a cultural universal. The production of garments in the prehistoric era appears as an important factor in the development of intellect and spirituality. Discusses the legal aspects of Museum activities in relation to the location of garments in Museum collections. Highlights some of the problems of regional museums to work with clothes as a storage unit.

Keywords

The Museum Fund, traditional clothing, cultural values, collecting, preserving, exhibiting.

RAR
УДК 271.22–5:673.5 (571.14)
ББК 86.372.24–65

ЧИНГИССКИЕ КОЛОКОЛА: ПОИСКИ И НАХОДКИ

Талашкин Алексей Владимирович,
аспирант Алтайского государственного университета,
заместитель руководителя Сибирского центра колокольного искусства,
ул. Большевикская, 229, к.1, Новосибирск, Российская Федерация, 630083,
talashkin@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена поиску колоколов в селе Чингис Новосибирской области. Собраны легенды об исчезнувших колоколах, обследованы береговая линия и фарватер реки Обь, территория села и острова. Найдены артефакты. Проведён химический анализ осколков. По произведённым расчётам смоделирован примерный вес большого колокола. Определены дальнейшие направления поисков.

Ключевые слова

Колокол, Чингис, колокола в Сибири, осколки колоколов, Гилёв.

Работа по поиску колоколов в селе Чингис Ордынского района Новосибирской области ведётся специалистами Сибирского центра колокольного искусства с января 2011 года. Поводом к началу поисков стала обнаруженная информация о затонувшей в районе села в 1930-х гг. барже¹, перевозившей снятые с колокольной чингисские колокола. За это время было проведено 15 экспедиций, опрошено 14 информаторов (1912–1952 г. р.), обследована береговая линия в районе пристаней паромной переправы и вблизи храма, на основе опросов местных жителей восстановлен ход событий, связанных с закрытием церкви и сбросом колоколов, проведены поиски на территории села и острова, обследована акватория Оби, найдены артефакты, определены перспективы поисковой работы.

В Новосибирске в 1930-х годах действовала Западно-Сибирская контора Государственного треста по переработке и снабжению ме-

таллическим ломом «Металлом» Наркомата тяжелой промышленности СССР, в обязанности которой входила заготовка цветных металлов, в том числе и церковных колоколов. Только за один 1936 год контора переработала 241,8 тонн колокольной бронзы². В условиях общей нехватки колоколов в регионе до революции, это были огромные невосполнимые потери. Поэтому большое значение имеет работа по поиску сибирских колоколов дореволюционного литья. Колокола, как памятники материальной культуры, могут предоставить большое количество информации как о производственном процессе (определить время и место отливки, имена мастеров и жертвователей, вычислить массу колокола и колокольного подбора, проанализировать химический состав сплава), так и об общественной жизни. Интерес представляет и жанровое бытование колокольных зво-

1 Журавлев В. Чингис-городок. Сокровища обычной деревни // 2001. 31 августа. № 36 (547).

2 Отчет о хозяйственной деятельности Сибирской Межкраевой конторы треста «Цветметлом» за 1936 год. ГАНО. Ф Р-1108. Оп.1. Д. 31. Л.7а.

нов. Помимо известных церковных (благовест, перезвон, трезвон) и нецерковных (набатный, метельный), в Чингисах существовал и ещё один звон «на закос». Ударом в колокол сигнализировали начало косьбы индивидуальных участков на общественных землях³. Первое деревянное здание храма в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла в с. Чингис⁴ Ордынского района было освящено в 1756 году. Каменный храм построен в 1807 г. и до полного разрушения в 1980-х годах являлся одним из самых старинных на территории Новосибирской области. К моменту закрытия церкви в колокольный подбор могли входить колокола XVIII, XIX и XX веков.

Работа по поиску колоколов включала в себя следующие методы: опросы местных жителей, полевые исследования, архивную работу, лабораторные исследования, компьютерное моделирование.

Поиски колоколов начались с опроса местных жителей, среди которых оказались и прямые свидетели случившихся событий. Из этих рассказов выявились отдельные общие фрагменты происходящего, но цельная картина складывается с трудом. Школьная учительница Елизавета Вячеславовна Яковлева (1926–2015) обобщила легенды, бытующие среди местного населения:

1. На колокольне было три колокола: большой, средний и маленький (варианты: шесть колоколов, тринадцать колоколов). Мы понимаем, что для колокольного звона три колокола — возможное, но не достаточное количество. Учитывая географическое положение (в Чингисах останавливался архиерей, когда ехал в Барнаул), а также благосостояние храма (каменный храм был богатым, приход имел дорогие церковные книги и облачения, церковно-приходскую школу, библиотеку, походную церковь и т. д.), версия о тринадцати колоколах кажется нам более правдоподобной.

2. Колокола были слышны в радиусе около двадцати километров (их и Кирзе, и в Шайдурово слышали).

3 Лыков О. М. Ордынская хроника. Книга первая. От Ордынской волости к Ордынскому району. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2007. С. 171.

4 ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. № 3059, Л.1

3. После того, как сбросили колокола, они наполовину вросли в землю.

4. Колокола повезли на барже, которая затонула между островами Ермачина и Кораблик. Эта легенда подается местными жителями как наиболее эпическая (есть варианты — колокола увезли на лодке и сбросили в воду; колокол повезли на барже и на середине реки во время погрузки на другую баржу колокол упал в воду; колокол сказал: «Я не достанусь никому», покатился с баржи и утонул. И по сей день покоится на дне, и лишь тому откроется он, кто будет достоин).

Из всех сообщений особого внимания заслуживает рассказ Михаила Филипповича Иконникова (1926–2016), фронтовика, специалиста по взрывным работам. Из всех опрошенных это единственный мужчина, ребёнком он интересовался колоколами, помнит звоны, не раз бывал на колокольне, наиболее подробно описал внешний вид колоколов и количественный состав колокольного подбора. Дом Иконниковых находился в пятидесяти метрах от храма, и десятилетним мальчиком Михаил Филиппович стал свидетелем разрушения церкви, видел, как сжигали иконы, церковные книги и восковое распятие, как ломали и сбрасывали с храма кресты, как выворачивали решетки кованой ограды, как сбрасывали и разбивали церковные колокола. Для него закрытие храма и разрушение колоколов стало значимым событием, врезавшимся в память.

По рассказу Михаила Филипповича, колокола храма были сброшены через северный проём колокольни. Разбивали их на месте падения кувалдами рабочие из карьера соседнего села Спирино. Возможно, это событие и породило легенду о вросших в землю колоколах. Разбитый колокол, лежащий на боку, для человека, который не присутствовал при раскалывании, может показаться «вросшим» в землю, да и действительно мог частично войти в почву с учетом значительного удельного веса металла. Всего, по свидетельству Иконникова, колоколов было около тринадцати, причём самым заметным в подборе был благовестник, украшенный иконными изображениями, орнаментом и надписями. Большой колокол не проходил в проём окна, и для того, чтобы сбросить его, необходимо было разломать каменную опору колокольни. Рабочие, сбрасывавшие колокола, приняли

решение разломать простенок⁵, чтобы освободить место для сброса благовестника. И когда подрубленный простенок сталкивали наружу, по словам Иконникова, он «сыграл внутрь, и упал, разломав крышу и перекрытия». Возможно, этому способствовал колокол, снятый с балки и стоящий на полу колокольни. Во время работ, связанных со сбросом колоколов, погиб один рабочий, по другим версиям — два или даже три человека.

Рабочего, получившего смертельные травмы на колокольне, транспортировали в Спирино на лодке, — как утверждает М. Ф. Иконников, подтверждают Е. В. Яковлева, М. И. Феоктистова и другие жители села. Это свидетельствует о том, что на момент разрушения колокольни и сброса колоколов река уже вскрылась ото льда. Предположительно, храм закрывали в мае, когда занятия в школе подходили к концу, возможно, накануне празднования Пасхи (в 1937 г. Пасха была поздней и праздновалась 2 мая). По словам Иконникова, осколки смела шуга в половодье, следовательно, они пролежали на берегу Оби не менее года. Яковлева рассказала о сильном наводнении 1937 года, когда в домах люди ходили по пояс в воде, передвигались по улицам села на лодках, а заходили в дом через окно. Не исключено, что именно это наводнение и скрыло осколки колоколов. Новосибирский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, отвечая на запрос о наводнениях в 1930-х годах, отвечает, что в 1937 году отмечен максимальный расход воды за всю историю наблюдений в Оби: 13100 м³/сек, а уровень воды 19–20 мая в г. Камень-на-Оби составил 787 см⁶. Таким образом, сложилась следующая картина: 13 августа 1936 года были арестованы священ-

ники прихода, и храм остался без богослужений. В апреле-мае 1937 г. имущество чингисской церкви было уничтожено, колокола сброшены, разбиты на месте падения и подводами свезены на берег. После того, как Обь вскрылась ото льда в мае 1937 года, большое наводнение скрыло эти осколки. Установить, были они сметены и растащены льдинами или остались лежать на месте складирования и после того, как уровень воды упал, установить пока не удалось.

Несмотря на то, что Совнаркомом был составлен циркуляр «Об изъятии излишних колоколов» (№ 122.977/с от 14. XI.1930), переданный председателям всех краевых (областных) исполкомов СССР, работы по заготовке колокольной бронзы шли не во всех регионах активно. Главная цель снятия колоколов была, конечно, не в заготовке бронзы, а в пропаганде и утверждении новой власти. Поэтому вполне возможно, что колокола пролежали год-два бесхозной грудой металла. Эта практика в России была повсеместной⁷.

Легенда о затонувшей барже является в селе самой популярной и передаваемой из уст в уста. Эта легенда имеет несколько вариантов, в которых на барже перевозили колокол, колокола или их осколки. Местные жители обычно употребляют слово «баржа». В версии информатора С. Морозовой (по рассказу матери) колокол был погружен на шестивёсельную лодку для перевозки в Спирино. Лодка опрокинулась почти сразу же, как только отплыла от берега. Был ли большой колокол разбит на куски? Местные жители, включая очевидца событий Иконникова, не могут дать чёткого ответа на этот вопрос. Возможно, версия о затонувшей барже с колоколами есть всего лишь отражение ещё одного события,

5 Нынешнее здание чингисской Петропавловской церкви восстановлено на месте оставшегося от прежнего храма фундамента и фактически является новым, имеющим лишь отдаленное сходство с прежним зданием. Что касается колокольни, то нынешняя квадратная в сечении, скорее всего не соответствует форме прежней колокольни, которая, по-видимому, была восьмигранной. Об этом косвенно свидетельствует М. Ф. Иконников, показывая визуально четыре простенка, которые он наблюдал с земли с одной точки (а это возможно лишь при восьмигранном сечении здания).

6 Факс Новосибирского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды с функциями регионального специализированного метеорологического центра всемирной службы погоды (ФГБУ «Новосибирский ЦГМС — РСМЦ») № 20–54 от 16.03.2012 г.

7 В. Солоухин вспоминает: «Я сам потом видел на железнодорожной станции Ундо́л (лет десять спустя) целый холм из колокольных обломков (их ведь сразу тут же разбивали на куски и увозили уже кусками). Значит, не такая уж нужда была на цветной металл, если за десять лет не удосужились увезти на переплавку, а оставили валяться на станции. Важно было сбросить и разбить на куски. Важно было унижить народ, важно было сломать его еще раз и на этом, на колоколах... Для того, чтобы закрепить первый слом (с коллективизацией), и решено было еще раз унижить народ и сломать еще раз по всей России — сбросить колокола. Обеззвучить страну и народ, обязать их, ввергнуть в глухую немоту. Если он, народ, и на это никак не ответит, ну тогда, действительно, делай потом с ним что хочешь, вей из него любые веревки («Смех за левым плечом»).

рассказанного М. Ф. Иконниковым: бригадир, имени которого не сохранилось, забрал один из малых колоколов и отвёз на другой берег Оби на карьер, где добывался камень. В этот колокол звонили во время окончания работы, для обозначения перерыва на обед. Председатель колхоза Данильченко услышал колокольный звон, приехал на карьер и с криками: «В селе церковь закрыли, а вы мне тут на производстве храм ещё откройте, звоны тут устраиваете!», — снял этот колокол, положил его в лодку, вывез на середину реки и утопил. Логично предположить, что Данильченко переправлялся через Обь на пароме, а не на деревянной лодке. Не исключено, что председатель опасался репрессий, поэтому на карьере был разговор на повышенных тонах, бригадиру был сделан выговор, а на пароме, возможно, было проведено разъяснение политического момента, и колокол был сброшен прилюдно. Присутствующие при этом впоследствии передавали эту историю, из чего и могло потом остаться самое знаковое: «колокол на барже», «покатился и утонул». Карьер находится в непосредственной близости от предполагаемого места затопления колокола (если таковой факт все же был) и на значительном удалении от села (около двух километров), что и могло породить определённые толкования и слухи. И если все колокола храма были разбиты кувалдами на месте, то можно предположить, что колокол, утопленный председателем Данильченко в 1937 году, — единственный из всех уцелевших чингисских колоколов, но достать его с фарватера Оби практически невозможно.

Задача полевых исследований заключалась в том, чтобы обнаружить артефакты, связанные с колоколами чингисского храма (колокола или их осколки). Исследования проводились как на территории села и острова, так и в акватории Оби. Для поиска осколков колоколов в верхнем слое грунта применялись металлодетектор «Minelab X-Terra 74» и подобные ему. Поиск на затопленных территориях в зимнее время производился с помощью аппарата электромагнитного сканирования (ЭМС) «Немфис», разработанного в лаборатории электромагнитных полей Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, а в летнее время использовались эхолот Garmin STRIKER 4DV и подобные ему.

23 июля 2011 года группа сотрудников Сибирского центра колокольного искусства Но-

Рис. 1. Осколки колоколов № 1 и № 2.

восибирской митрополии выехала в Чингис с целью обследования места сброса колоколов около храма. С помощью металлодетекторов были обследованы площадки, прилегающие к храму и вероятное место падения колоколов. Грунт в этом районе имеет большой слой мусора, кирпичных обломков, металлических бытовых предметов советского и постсоветского периода. С северной стороны колокольной на вероятном месте падения колоколов был сделан один шурф глубиной около двадцати сантиметров и размером примерно 50×100 сантиметров. Фрагменты колоколов найти не удалось.

1 октября 2011 года житель села Чингис Семён Непрынцев (1986 г. р.) на берегу реки Обь нашёл осколок колокола (№ 1). Осколок имеет неправильную ромбовидную форму, неодинаков по толщине, изогнут и является фрагментом плеча колокола. Длина по диагонали — 132 мм, максимальная толщина — 37 мм, минимальная — 25 мм. На внешней стороне осколка отчётливо виден фрагмент пояса и орнамента. В орнамент входит так называемая косичка, сплетённая в один ряд (длина — 74 мм, ширина — 10 мм, 8,5 плетений) и фрагмент цветочно-геометрического орнамента. Вес — 1100 гр. Цвет осколка — серый. На внутренней стороне просматриваются три риска как бы от ударов. С внешней стороны осколок покрыт небольшим слоем зелёного налёта, сквозь который проглядывает блестящий гладкий металл. Объект лежал на каменистом берегу реки Обь на поверхности под поваленным тополем, был покрыт слоем грязи и по внешнему виду не отличался от окружающих камней. Артефакт был обнару-

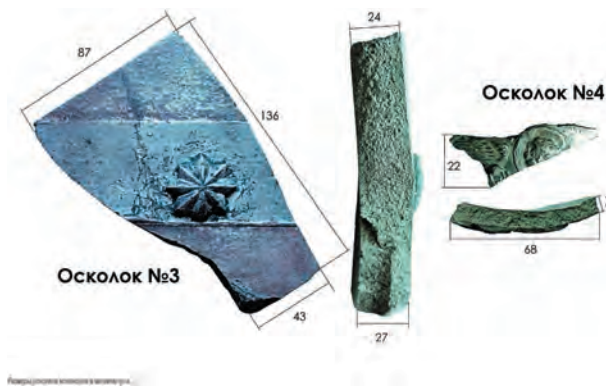

Рис. 1. Осколки колоколов № 1 и № 2.

жен с помощью металлодетектора. Осколок передан в краеведческий музей села Чингис.

8 октября 2012 года группа сотрудников СЦКИ продолжила полевые исследования в селе Чингис. Семён Непрынцеv показал место, где был найден осколок и рассказал обстоятельства находки. М. Ф. Иконников узнал в этом осколке один из тех, которые он видел в детстве. В результате осмотра места находки при помощи металлодетектора на небольшом участке (около 10 квадратных метров) было найдено более тридцати металлических предметов быта: кованые гвозди, дверные ручки, литой немецкий гаечный ключ, нож и т. д. На расстоянии около метра от места находки осколка № 1 на глубине 10–15 см сотрудник СЦКИ В. А. Васильев обнаружил осколок колокола (№ 2). Осколок имеет неправильную прямоугольную форму (82x66x41 мм). Вес — 1515 грамм. Осколок № 2 совпадает с фрагментом № 1 по нескольким параметрам: цвету металла, налёту, плотности металла на торцевом сколе.

Зима 2012 года была малоснежной, что позволило после таяния снегов исследовать часть береговой линии, обычно находящуюся под водой. В начале апреля 2012 года сотрудником СЦКИ Константином Кочетковым примерно в 700 метрах к юго-востоку от храма был обнаружен осколок № 3.

Место обнаружения — территория огородов вблизи старой улицы, ныне не существующей и обычно находящейся под водой. Фрагмент был найден на расстоянии около 300 метров от фундамента старой школы. Осколок является самым крупным из найденных. Вес — 1790 грамм. Оче-

видно, это часть тулова колокола. Осколок разделен на три части двумя декоративными бороздками. В центральной части имеется элемент декора в виде восьмиконечной звезды, смещённой к нижней разделительной бороздке. Крайние части осколка имеют рыжеватый оттенок, так как располагались в тех частях колокола, которые были декоративно обработаны (проточены).

В мае 2012 года было найдено ещё два осколка: № 4 и № 5. Осколок № 4 обнаружен на берегу Оби на расстоянии около пяти километров к юго-западу от храма, в районе бывшего села Старо-Милованово. Судя по толщине, это осколок верхней или средней части малого зазвонного колокола. На осколке имеется часть декора — изображение херувима (фрагмент лика и крыла). Вес — 55 грамм. Осколок № 5 найден на расстоянии около 200 метров к северу от храма. Вес — 490 грамм.

В июне 2014 года в районе старой пристани на пересечении улицы Кирова и «Крысинского»⁸ переулка Константин Кочетков с помощью металлодетектора обнаружил осколок № 6. Он находился в земле на расстоянии около 1000 метров к юго-западу от храма. Вес — 1550 грамм. По-видимому, это фрагмент уха большого колокола. В месте характерного изгиба имеется украшение в виде двух параллельных рельефных поясков.

Иеродиакон Евфимий (Суханов), несущий послушание в чингисском Петропавловском храме, утверждает, что в 2000-х годах, когда уровень воды в Оби существенно упал, на открывшейся от воды территории у храма он нашёл небольшой осколок колокола (около 40x40x40 мм), но впоследствии потерял его.

Все осколки колоколов были найдены на территории села, причём большая часть — выше по течению от места их предполагаемого складирования на пристани. Можно сделать вывод о том, что льдины во время половодья их переместить туда не могли. Осколки какое-то время лежали в куче на пристани, и, вероятнее всего, растаскивались местными жителями по домам — как память, как предметы бытового назначения (бронза не ржавеет и могла использоваться в хозяйстве), осколками также могли играть дети.

8 Переулок, в котором жили местные жители Крысины.

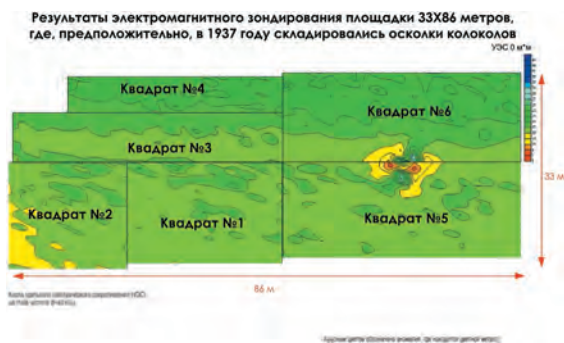

Рис. 3. Карта зондирования.

М. Ф. Иконников, являясь прямым свидетелем происшедших событий, указал примерное место складирования осколков на берегу Оби, и эта информация требовала дальнейших полевых исследований. Указанное место после перекрытия Оби плотиной в 1956 году оказалось под водой, поэтому для обследования участка было выбрано наиболее удобное для этого время года — конец зимы. 10 февраля 2012 года группа сотрудников колокольного центра выехала в Чингис, чтобы выйти по льду на вероятное место складирования осколков. Оно находится примерно в семидесяти метрах в северо-восточном направлении от створного знака в районе пристани. Участок обследуемой территории 33X86 метров был разбит на шесть квадратов.

С помощью электромагнитного сканера было проведено обследование площадки методом частотного электромагнитного зондирования. Замеры проводились каждые два метра. В результате была получена сводная карта удельного электрического сопротивления. Она позволяет получить представление о структуре грунта на обследованной территории. На участках 1, 2, 3 и 4 сопротивление варьируется от 15 до 21 Ом*м, изменяется без резких скачков, что свидетельствует об отсутствии аномалий. Совершенно иная картина наблюдается на участках 5 и 6. На их границе отмечено резкое скачкообразное изменение сопротивления. Характер данной аномалии говорит о металлических свойствах предметов, обнаруженных на территории участков. Аномалия проявляется, начиная с 5-ой частоты (~6 кГц), что означает, что глубина залегания объектов составляет около 2,5 метров.

В марте 2012 года состоялись пятая и шестая экспедиции, в результате которых были проведе-

ны раскопки в месте выявленной аномалии. Извлечено около девяти кубометров грунта. На глубине около 90 сантиметров был обнаружен моток многожильного алюминиевого кабеля. Фрагменты колоколов найти не удалось.

В октябре и ноябре 2016 года были предприняты две попытки исследования донной поверхности в вероятных местах затопления баржи. Исследование дна проводилось по всей акватории Оби от пристани до указанного Е. В. Яковлевой места вероятного затопления баржи между островами Ермачина и Кораблик. Приоритетным направлением поиска было избрано старое русло реки. Для этой работы были привлечены местные рыбаки, а искомые донные аномалии с помощью эхолотов. Благодаря фиксации перепадов глубин, на дне выявлено две аномалии, характер которых определить пока не удалось. Попытка опустить видеокамеру в местах аномалий не привела к результату — на глубинах 8–10 метров была практически нулевая видимость. Обнаруженные аномалии необходимо исследовать в дальнейшем, в том числе с помощью геомагнитных сканеров.

Стратегическим направлением полевых исследований в 2013–2015 годах стал поиск осколков колоколов у храма, на территории села и острова, но обнаружить ничего не удалось.

Поиск исторических документов проводился в Государственном архиве Томской области, Государственном архиве Новосибирской области, в Отделе архивной службы Ордынского района Новосибирской области, в дореволюционной периодической печати.

В Государственном архиве Томской области имеется две описи чингисского петропавловского храма (1860 и 1868 гг.), однако колокола не вошли в число описываемой церковной утвари. Государственный архив Новосибирской области не располагает историческими документами 1937 года. В архиве Ордынского района Новосибирской области сохранились протоколы отчетных собраний чингисского сельсовета 1936 года за подписью председателя Данильченко, где имеются многочисленные свидетельства о состоянии дел по закрытию церкви: «Церковь пока находится в руках верующих, а церковный совет сам себя распустил» (16 января)⁹, «О за-

9 Отдел архивной службы администрации Ордынского района Новосибирской области. Ф. 30. Оп. 1. Д. 63. Л. 8.

Состав сплава	Осколок №1 (плечо)	Осколок №2 (тулово)	Осколок №3 (звезда)	Осколок №4 (херувим)	Осколок №5 (не колокол)	Осколок №6 (ухо)
Медь Cu	63,37	72,11	72,14	72,15	2,33	76,71
Олово Sn	24,75	23,86	23,43	16,8	19,5	19,1
Цинк Zn	2,08	2,08	2,13	5,51	-	2,22
Свинец Pb	1,02	0,34	0,58	2,34	58,28	0,25
Сурьма Sb	0,35	0,27	0,36	-	16,52	0,26
Железо Fe	8,31	0,36	1,36	0,66	0,25	0,73
Никель Ni	0,04	0,05	-	0,15	0,13	0,042
Марганец Mn	0,07	-	-	0,08	0,11	-
Титан Ti	-	-	-	0,18	-	-
Алюминий Al	-	-	-	0,54	0,68	-
Кремний Si	-	0,94	-	1,87	1,75	-
Фосфор P	-	-	-	-	0,443	-

Табл. 1. Химический состав осколков колоколов.

крытии церкви сельсоветом ничего не сделано, так как приехал поп и начал крестить ребятишек на дому. Сельсовет с этим ничего не принял» (21 января)¹⁰, «По вопросу закрытия церкви и передачи под культурный очаг есть решение вышестоящих организаций церковь закрыть и передать в ведение сельсовета» (6 сентября)¹¹, «Открыть клуб к октябрьским праздникам» (6 октября)¹².

Протоколов 1937 года не сохранилось, а в 1938 году председателем сельсовета значится некий Валукин — на документах стоят его подписи. Таким образом, можно сделать предположение, что храм был закрыт весной 1937 года при председателе Данильченко.

Запрос в Главное управление ФСБ по Новосибирской области на предоставление документов по закрытию чингисского храма или перемещению колоколов, снятых с церкви Новосибирской области, удовлетворён не был.

По свидетельству сторожа чингисского храма В. В. Заикина в конце 1990-х годов в приходской библиотеке имелась папка, в которой хранились ксерокопии документов 1930-х годов. На нескольких листах были зафиксированы обстоятельства закрытия храма, имелись фотографии разбитых колоколов. Отыскать документы

в приходской библиотеке не удалось, а в январе 2013 года приходской дом полностью сгорел вместе с библиотекой.

Найденные артефакты (шесть металлических фрагментов) были лабораторно исследованы. С помощью портативного энерго-дисперсионного рентгено-флуоресцентного спектрометра X DeltaDynamic XRF был проведён химический анализ находок, показавший различия химического состава осколков. По мнению кандидата технических наук металлурга В. А. Кузнецова, теоретически осколки № 1, № 2, № 3 и № 6 могут принадлежать одному колоколу. Различия химического состава допустимо и возникает при формировании кристаллической решётки крупных колоколов. Особого внимания заслуживает осколок № 5, химический анализ которого показывает, что сплав является не колокольной бронзой, а баббитом, применяющимся при производстве деталей машин.

Компьютерное моделирование позволило рассчитать примерную массу колокола и сравнить эти данные с имеющимися сведениями. Осколок № 1 — ценнейшая находка, поскольку является частью плеча колокола, что позволяет произвести математический расчёт модели профиля колокола. Итоги расчетов, и по формуле Кнаббе¹³, и по формуле, предложенной дирек-

10 Там же. Л.25.

11 Там же. Л.102.

12 Там же. Л.110 (об.).

13 Кнаббе В. Литейное дело // Библиотека промышленных знаний. СПб., 1901. Вып. 7, Т. VI, ч. 6. — С. 219–226.

Рис. 4. Карта находок.

тором колоколотейного завода ЗАО «Пятков и К°» Н. Г. Пятковым, приблизительно совпали.

Предполагаемый вес чингисского благовестника колеблется в пределах от 1700 до 2000 килограмм. Масса этого колокола также подтверждается заметкой из дореволюционной периодической печати, где сообщается, что «прихожане Петропавловской церкви села Чингисского Барнаульского круга Томской епархии постановили на собственные средства разбитый колокол названной церкви в 32 пуда заменить новым в 100 пуд»¹⁴.

Примерное расположение найденных фрагментов в теле колокола представлено на рисунке.

Декоративное оформление осколков № 1 и № 3 не встречалось нам в campanологической литературе, поэтому можно предположить, что колокол был изготовлен каким-то не очень крупным колоколотейным предприятием или частным мастером. Не исключается вариант отливки колокола и на территории села, чтобы уменьшить расходы на доставку. Осколок № 4 имеет узнаваемый характерный декор (часть фрагмента дика и крыла херувима). Идентичный элемент декора имеется на колоколе¹⁵, хранящемся в Иркутском краеведческом музее. К сожалению, иркутский колокол не подписан мастерами-литейщиками, но имеет узнаваемый пояс орнамента, характерный для колокольного литья завода Петра Ивано-

вича Гилёва сыновей в Тюмени¹⁶. Поэтому, с высокой долей вероятности можно предположить, что один или несколько колоколов в Чингисах были тюменского литья.

Подводя итог данному этапу исследований, выделим следующее:

1. Найдено четыре осколка от достаточно крупного колокола (возможно, от нескольких колоколов) и один осколок от малого звонного колокола (напомним, что шестой осколок не является фрагментом колокола). Фрагменты найдены не на месте предполагаемого хранения основной массы осколков, а в радиусе от 1 до 5 километров от указанной точки. Все они находились вблизи домов, существовавших на момент закрытия храма.

2. Локализовать основное место складирования осколков у пристани не удалось.

Поисковая деятельность на ближайшее время должна строиться в следующих направлениях:

1. Архивная работа и поиск документальной информации о внешнем виде храма, количестве колоколов и их размерах.

2. Поиск осколков колоколов в районе пристани и локализация вероятного места складирования осколков.

3. Поиск затонувшей баржи.

Кроме того, нельзя исключать и варианта, при котором колокола или их осколки были вывезены с территории села Чингис, причём это событие осталось незамеченным для местных жителей.

Информация, полученная в ходе поисковых изысканий, позволяет сделать следующие выводы: колокола чингисской Петропавловской церкви были сняты с колокольни весной 1937 года и разбиты на куски, осколки были свезены на берег для временного хранения перед транспортировкой по Оби к месту переплавки. Основная масса осколков пока не обнаружена, причём существует две версии относительно их местонахождения: либо они находятся вблизи пристани или села (предположительно в старом русле реки), либо они были вывезены и переплавлены. Анализ найденных осколков позволяет предположить, что фрагменты принадлежат, по крайней мере, двум колоколам (большому и малому). Оценивая физические параметры осколков, структуру металла, фрагменты декора и химиче-

14 Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. № 10, 8 марта 1897 г., С. 82.

15 Инвентарный номер ОС 14936–1.

16 Завод действовал в Тюмени с 1894 по 1913 гг.

ский состав (в частности, высокое процентное содержание олова), качество обработки металла и качество литья, можно предположить, что благовестник весил около ста пудов и мог быть отлит в московском, волжском, вятском регионе или в Сибири в конце XIX века, что подтверждается документальными свидетельствами. Ма-

лый колокол, возможно, был отлит в Тюмени на заводе Гилёвых. Поиск затопленной баржи требует локализации места (что осложняется отсутствием свидетелей) и дальнейших полевых исследований на фарватере Оби. Для более полной информации необходимы дополнительные находки, поиски будут продолжены.

CHINGHIS BELLS: SEARCHES AND FINDINGS

Talashkin Alexey Vladimirovich,

Graduate student of Altay State University,

Deputy administrator of Siberian centre of bell art,

Bolshevistskaya Street, 229, office1, Novosibirsk, Russian Federation, 630083,

talashkin@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the searching of bells in the village of Chinghis of Novosibirsk region. Legends about the missing bells have been collected, the coastline and the waterway of the river Ob as well as the territory of the village and the island have been investigated. Artefacts have been found. Chemical analysis of the fragments has been conducted. Based on the calculations the approximate weight of the big bell has been modelled. The further direction of searches have been determined.

Key words

Bell, Chinghis, bells in Siberia, fragments of bells, Gilev.

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

RAR

УДК 7.074+ 008 (091) + 069; 069.01

ББК 85.101+ 79.18

РУССКАЯ ИКОНА В МУЗЕЯХ США

Юренева Тамара Юрьевна,

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник

Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
Берсенеvская набережная, 20, Москва, Россия, 119072,

iureneva@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются коллекции русской иконописи в музеях США, анализируются исторические и социокультурные факторы, обусловившие их формирование и состав. Несмотря на то, что в США не сложилось коллекций, равнозначных первоклассным собраниям Москвы и Санкт-Петербурга, некоторые американские музеи собрали весьма интересные коллекции русских икон, имеющие большую художественную, познавательную и просветительную ценность.

Ключевые слова

Музей, русская икона, древнерусская живопись, коллекции русских икон в зарубежных музеях, русское искусство в зарубежных музеях, выставки русских икон за рубежом, культурное наследие России за рубежом

В последние десятилетия возросший интерес исследователей к российскому культурному наследию за рубежом вылился в создание научных и справочно-информационных трудов, посвященных творцам художественной культуры, частным коллекциям и отдельным музеям, хранящим произведения русского авангарда, декоративно-прикладного искусства, иконописи. Однако в этом массиве публикаций явно ощущается нехватка исследований обобщающего характера о музейных коллекциях русского

искусства в зарубежных странах, об исторических и социокультурных факторах, обусловивших их формирование и состав. Данная работа призвана восполнить этот пробел в отношении коллекций русской иконописи в музеях США, не претендуя, конечно, на исчерпывающую полноту, поскольку формат статьи позволяет сосредоточить внимание лишь на самых значимых и представительных собраниях.

Первая среди известных из ныне существующих коллекций русских икон появилась в США

в конце XIX в. в русле интереса американцев к «экзотическому Востоку», с которым у них ассоциировалась культура России. В поздневикторианских интерьерах той поры наряду с точными гравюрами и персидскими коврами желанными гостями были художественные эмали и литые русских мастеров, а состоятельных американцев манили русские меха, драгоценные камни и инкрустированные ими изделия из металла. Стремясь удовлетворить этот спрос, на ежегодную ярмарку в Нижнем Новгороде регулярно приезжал эксперт и минералог Джордж Кунц, представитель нью-йоркской ювелирной компании Tiffany&Co. Одним из результатов его поездки в 1891 г. стала коллекция медных литых икон и крестов. Надо сказать, что вопреки указу Петра I от 1723 г., запрещавшему изготавливать и использовать в домах и церквях резные и литые иконы, производство меднолитых культовых предметов не угасло: благодаря монополизировавшим его старообрядцам оно превратилось в самостоятельное направление в искусстве. В XIX в. меднолитые иконы, складни и кресты, несмотря на правительственные запреты, бытовали не только в старообрядческих общинах, но и, привлекая своей долговечностью, получили широкое распространение среди простого люда в легитимной русской православной церкви. Коллекция Дж. Кунца заинтересовала Смитсоновский институт как источник для проведения этнографических и сравнительно-религиоведческих исследований, и в 1892 г. институт приобрел у владельца значительную ее часть. Она включает более 300 медных икон и крестов; 50 изделий представлены в экспозиции Национального музея американской истории в Вашингтоне. В 1980-е гг. изучением коллекции занимался представительный международный коллектив, в работе которого приняли участие и советские специалисты¹.

В XIX в. русская икона интересовала западных коллекционеров главным образом в качестве редкости, диковины или предмета церковного обихода, а не как произведение искусства. Ведь тысячи икон были записаны, поновлены или скрыты под металлическими окладами, под вековыми слоями потемневшей олифы, копти и пыли. На рубеже веков стараниями коллек-

ционеров и усилиями реставраторов поновленным древним иконам стали возвращать первоначальный вид, и это повлекло за собой принципиальные изменения в принципах формирования коллекций. Главенствующую позицию постепенно завоевывал эстетический подход, ведь икона, воспринимаемая уже не как редкость или древность, а как произведение искусства, превращалась в предмет любования и восхищения ценителей прекрасного. Среди российских коллекционеров началась настоящая иконная лихорадка, цены на хорошие древние произведения взлетели на небывалую высоту, а торговцы были завалены пожеланиями приобрести экземпляры хорошей сохранности.

Важным событием в художественной переоценке иконы стала выставка, проходившая зимой 1913 г. в Москве и приуроченная к торжествам по случаю празднования 300-летнего юбилея дома Романовых. Избавленная от вековых наслоений великолепная самобытная живопись предстала на выставке перед пораженными зрителями. «Публика, для которой до тех пор слово «икона» означало темный и даже не совсем ясный в своих очертаниях образ, находящийся непременно в храме или домашней молельной, изумленно взирала на подлинные произведения искусства, — пишет Г. И. Вздорнов. — Они сияли всеми цветами радуги, их рисунок поражал своей точностью и выразительностью, в композициях ощущалась как вековая традиция, так и индивидуальное мастерство. Это была настоящая сенсация. Стало ясно, что русский народ — создатель яркого, волнующего искусства, которое способно удовлетворить самого взыскательного художественного критика»².

Под впечатлением от выставки известный искусствовед и писатель П. П. Муратов в апреле 1913 г. поделился своими размышлениями о дальнейшей судьбе русской иконы: «Странно подумать, что еще никто на Западе не видел этих сильных и нежных красок, этих искусных линий и одухотворенных ликов, Россия вдруг оказалась единственной обладательницей какого-то чудесного художественного клада. <...> Конечно, не успеет пройти три-четыре года, как о подобной выставке будет мечтать Европа и как русская иконопись войдет почетной гостьей в западные

1 Russian copper icons and crosses from the Kunz collection: Castings of faith/Eds R. E. Ahlborn, V. Beaver-BrickenEspinola. Washington:Smithsonianinstitutionpress, 1991. P. 1–2

2 Вздорнов Г. И. Реставрация и наука: очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М.: Индрик, 2006. С. 22–23

музеи, и может быть теперь уже не лишнее подумать о тех мерах, которые могут оградить русскую старину от настоячивости и зоркости западных собирателей»³.

Однако триумфального шествия русской иконы по музейным собраниям Запада не случилось. Первая мировая война и последующие революционные потрясения помешали международному признанию русской иконописи выдающимся явлением мирового искусства. Но ее изучение продолжилось. Всероссийская комиссия по сохранению и раскрытию древнерусской живописи (с 1924 г. — Центральные государственные реставрационные мастерские) провела под руководством И. Э. Грабаря колоссальную работу, снарядив десятки экспедиций, расчистив перво-степенные по значимости памятники, открыв десятки икон XII–XIII вв. и сделав выдающиеся открытия, которые позволили заново написать историю древнерусской художественной культуры.

На основе ряда декретов и постановлений в ведение советского государства перешли колоссальные историко-культурные ценности, в том числе иконы, принадлежавшие церкви, членам императорского дома и частным коллекционерам. В конце 1920-х гг., сочтя не только возможным, но даже необходимым распродать немалую часть художественного наследия страны, чтобы пополнить валютные запасы для проведения социалистической индустриализации, советская власть озаботилась продвижением русской иконы на международном антикварном рынке. «Во всех делах, касающихся продажи наших художественных ценностей за границу, необходимо соблюдать строжайшую осторожность, — писал руководителю Главнауки М. Н. Лядову 13 ноября 1928 г. нарком просвещения А. В. Луначарский. — Конечно, иконами торговать мы можем. Иконы сейчас излюбленная вещь и для некоторых музеев и для частных коллекций. Между тем, икон у нас много и мы можем продавать не только заурядные иконы в довольно большом количестве, но и хорошие, относительно ценные и относительно древние, конечно, не лишая себя того, что действительно имеет глубокую музейную ценность и для нас. <...>. Теперь Антиквариат уточняет свой план выставок, предваряющих продажу. Я прошу Вас, прежде чем Вы дадите соответствующий отзыв или разрешение, обя-

зательно вызвать к себе Грабаря и очень серьезно и подробно с ним переговорить»⁴.

Несколькими месяцами ранее И. Э. Грабарь в служебной записке директору-распорядителю советской торговой фирмы «Антиквариат» А. М. Гинзбургу изложил своё видение «правильной постановки коммерческой стороны предприятия», т. е. реализации на Западе государственных иконных фондов. Апеллируя к тому, что в «настоящее время ни в Европе, ни в Америке нет не только благоприятной рыночной конъюнктуры, способной обеспечить хороший сбыт русских икон за границу, но и просто нет никакого рынка, а есть только случайные сделки», он предложил «прекратить на время всякую продажу за границу икон» и приступить к «созданию моды» на них путем выпуска соответствующих книг и организации выставок, которые включали бы не только подлежащие возврату в СССР высокохудожественные произведения, но и образцы иконописи музейного значения для последующей реализации в зарубежных странах⁵.

Летом 1929 г. в Берлине стартовал масштабный выставочный проект, который затем проходил в других городах Германии, в Австрии и Великобритании, а в 1930–1932 гг. — в США. 14 октября 1930 г. эта первая в американской истории выставка русской иконописи открылась в Музее изящных искусств в Бостоне, а затем в течение 19 месяцев побывала в 9 музеях страны: Метрополитен-музее в Нью-Йорке, Вустерском музее изящных искусств, Мемориальной художественной галерее университета Рочестера, в Институте искусств в Чикаго, Художественном музее Кливленда и других. На ней экспонировалось более 130 икон из Центральных государственных реставрационных мастерских, Третьяковской галереи, Государственного исторического музея, Русского музея и ряда советских провинциальных музеев. Экспозиция давала широкую панораму эволюции русской иконописи в XII–XIX вв.; те знаковые произведения, которые по причине своей неподходящей для переездов сохранности остались в России, были представлены копиями, в частности, «Владимирская икона Божьей Матери» и «Троица» Андрея Рублева.

3 Муратов П. П. Выставка древнерусского искусства в Москве // Русская старина. 1913. Апрель. С. 31–32

4 Цит. по: Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. М.: Русское слово — РС, 2003. С. 432

5 Грабарь И. Э. Письма. Т. 2. 1917–1941/Ред.-сост. Л. В. Андреева, Т. П. Каждан. М.: Наука, 1977. С. 179–180.

Поскольку выставка проходила под флагом достижений советской реставрации, ее показ сопровождался лекциями и мастер-классами, призванными сформировать понимание того, что без применения новой методики расчистки старых икон, древнерусская живопись не имела шансов вписать новую страницу в историю мирового искусства.

Согласно замыслу организаторов, выставка должна была способствовать продвижению русской иконы на мировом антикварном рынке. По сведениям музейных специалистов и реставраторов, часть экспонатов предназначалась для реализации, но официального подтверждения эта информация не получила, и продажа икон по не вполне понятным причинам не состоялась ни в Европе, ни в США⁶. Несомненно, в немалой степени это было связано с глобальным экономическим кризисом, в который погрузился мир. Несмотря на то, что выставка имела большой успех, а ее экспонаты получили высокую оценку в качестве произведений средневековой живописи, представление о русской иконописи как о выдающемся явлении мирового искусства еще не устоялось. И в ситуации ограниченности финансовых ресурсов крупные игроки на антикварном рынке предпочитали вкладывать средства в бесспорные шедевры старых европейских мастеров. По данным американской исследовательницы Уэнди Сэлмонд, ни один из принимающих выставку музеев не воспользовался возможностью пополнить свое собрание ранними, а значит, наиболее важными русскими иконами⁷.

Для музеев, частных коллекционеров и широкой публики выставка была большим культурным событием и неким откровением, ведь с русской иконой американцы были знакомы главным образом по изделиям массового производства предреволюционной поры. Специальная литература о русской иконописи на английском языке была весьма немногочисленна, а иконные коллекции, способные формировать

вкус собирателей, в музеях отсутствовали. Поэтому не только экспонаты, но и концепция выставки в сочетании с общественно-политической атмосферой того времени в немалой степени определили отношение американских музеев к перспективе формирования коллекций русской иконописи. Параллельно с выставкой в американской прессе постоянно шла информация о закрытии в СССР церкви, разрушении храмов, преследовании духовенства и верующих, демонстративном уничтожении предметов культа. Фотографии костров с пылающими иконами, конечно, впечатляли. Но в то же время выставка непроизвольно подводила эстетическое обоснование под этот вандализм, навеивая мысль о том, что погибшие в огне иконы не обладали художественной ценностью, поскольку выдающиеся образцы религиозной живописи иконоборческая власть помещает в музей⁸.

Свою лепту в формирование представлений об иконах музейной значимости вносил и каталог, в котором произведения, созданные после 1800 г., характеризовались как малоценные, и эта распространенная в советском искусствознании точка зрения иллюстрировалась двумя работами. Как отмечает Уэнди Сэлмонд, «выставка решительно убеждала в том, что к 1700 г. иконопись пришла в упадок», и тем самым выставка демонстрировала «бескомпромиссное и неравноправное сосуществование двух видов икон, один — редкий и желанный, другой — многочисленный и презираемый». Это умозаключение в сочетании со сложностями атрибуции и датировки служило для музеев сдерживающим фактором в отношении коллекционирования и экспонирования икон⁹.

Обесцениванию произведений поздней иконописи в качестве объекта музейного коллекционирования отчасти способствовал и тот рынок икон, который удалось создать советским властям. В циркуляре, разосланном 29 декабря 1929 г. заместителем наркома торговли Л. М. Хинчуком ряду торгпредств СССР, в частности, говорилось: «Метод посылки покупателей в Союз является сейчас важным для оживления реализации антикварных вещей, и я прошу Вас принять все меры, чтобы активизировать это дело». 2 января 1930 г. СНК СССР принял закон

6 См.: Кызласова И. Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы: По материалам архивов. М.: Изд-во Акад. горных наук, 2000. С. 286–287, 351; Жуков Ю. Н. Операция Эрмитаж. М.: Москвитянин. 1993. С. 61–62.

7 Salmond, Wendy. How America Discovered Russian Icons: The Soviet Loan Exhibition of 1930–32 // *Alter Icons: The Russian Icon and Modernity*/D. Greenfield, J. Gatrall. Univ. of Pennsylvania Press, 2010. P. 137.

8 Ibid. P. 135

9 Ibid. P. 139

«О порядке вывоза иностранцами за границу предметов искусства и старины», снявший ряд прежних ограничений в этой сфере и позволяющий вывозить предметы старины и искусства, в том числе иконы, без особых разрешений народных комиссариатов просвещения и без лицензии, лишь по предъявлению счетов магазинов¹⁰. Иконы, которые западные туристы могли свободно приобрести в Торгсине («Торговля с иностранцами») и комиссионных магазинах, как правило, были поздними произведениями и обычно воспринимались лишь в качестве сувениров или редкостей.

Торговые операции в США возглавил Арманд Хаммер, организовавший продажу русского антиквариата в крупных супермаркетах страны¹¹. По «доступным», т. е. низким ценам покупателям предлагались «сокровища Романовых» — ювелирные изделия, личные вещи царской семьи, а также иконы, ко многим из которых прилагались «свидетельства», что они будто бы происходят из загородных императорских резиденций. По данным У. Сэлмонд, именно таким образом были приобретены некоторые иконы, ныне находящиеся в Детройтском институте искусств, Метрополитен-музее, Мемориальной галерее Рочестера и многих частных коллекциях¹². Романтически настроенные богатые американки, мечтавшие стать обладательницами предметов, некогда принадлежавших русской царской фамилии, с удовольствием украшали иконами интерьеры своих домов. Художественные достоинства этих икон были далеки от того «потрясающего модернизма», который восхищал в древних иконах. «Интенсивный блеск небольших серебряных и эмалевых окладов, часто располагавшихся симметричными группами на стене, создавал ту эстетику, которая до сих пор ассоциируется с русскими иконами в Соединенных Штатах»¹³.

В то время как музеи с предубеждением относились к поздним иконам, частные собиратели,

Рис.1. Музей Хиллвуд. Иконный зал. Фрагмент экспозиции.

в большинстве своем делали выбор в пользу произведений XVII–XIX вв. Среди них были супруги Дэвисы, коллекции которых ныне представлены в двух американских музеях. Юрист Джозеф Дэвис (1876–1958) в 1936 г. женился на богатейшей женщине Америки, владелице корпорации «Дженерал Фудс» Марджори Пост, пожертвовавшей немалые средства для президентской кампании Франклина Рузвельта. В январе 1937 г. Д. Дэвис с супругой прибыл в Москву в качестве посла США в СССР, и в течение последующих полутора лет они собрали внушительные коллекции русского декоративно-прикладного искусства, советской живописи и иконописи. Коллекционированием Марджори активно занималась и прежде, ее особенно интересовали французская мебель эпохи неоклассицизма, северский фарфор и золотые шкатулки. В Москве же она увлеклась русским фарфором, изделиями Фаберже, церковной утварью и иконами. Собирая иконы, она руководствовалась исключительно собственным вкусом; как и большинству коллекционеров, ей нравились произведения XVIII–XIX вв., исполненные под влиянием западной реалистической

10 ЖуковЮ. Н. ОперацияЭрмитаж. М.: Москвитянин. 1993. С.87–88.

11 См.: Проданные сокровища России./Н. Ильин, Н. Семенова. М.: Трилистник: Рус.авангард, 2000. С. 224–225; Williams, R. C. Russian art and American money, 1900–1940. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1980. P.216–228.

12 Salmond, Wendy. How America Discovered Russian Icons... P. 138.

13 Idid. P.139.

Рис.2. Музей Хиллвуд. Иконный зал.
Фрагмент экспозиции

живописи, а также работы, демонстрирующие виртуозное мастерство в изготовлении металлических окладов.

Теплые отношения, сложившиеся у Дж. Дэвиса с советскими властями, позволяли ему и Марджори приобретать произведения не только в комиссионных магазинах, но и в государственных хранилищах; сопровождавшие их сотрудники НКВД иногда даже следили за тем, чтобы недобросовестные продавцы не обманули доверчивых коллекционеров. Во время шестидневной ознакомительной поездки на юге страны по местам достижений советской индустриализации, отец и дочь Дэвисы старались осматривать и церкви. В одной из них, в Днепропетровске, превращенной в антирелигиозный музей, Эмлин Дэвис восхитилась иконами, которые дочери посла сразу же подарили к ее немалому удивлению.

Сам же Дж. Дэвис, озаботившись тем, чтобы спасти для будущего хотя бы небольшую часть «гибнущих священных реликвий», обратился к властям с просьбой об их приобретении. Просьбу удовлетворили: музейные эксперты составили для него коллекцию из 23 икон преимущественно XVI–XVII вв., отобранных из Третьяковской галереи, разрушенного московского Чудова монастыря и Киево-Печерской лавры¹⁴. В 1937 г. Дж. Дэвис подарил эту коллекцию родному Висконсинскому университету, который

14 Williams, R. C. Russian art and American money, 1900–1940. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1980. P. 241–248.

Рис.3. Музей Хиллвуд. Потир. 1791 г.

поместил ее в Элвейемский художественный музей (ныне — Художественный музей Чазен)¹⁵.

В 1955 г. супруги Дэвисы развелись и разделили коллекции. Лишившись половины иконописи, Марджори Пост на протяжении многих лет восполняла лакуны, покупая произведения на аукционах, у частных лиц и дилеров. От своей подруги Фрэнсис, супруги итальянского посла в СССР Аугусто Россо, она получила в подарок 31 икону, которые та приобрела в конце 1930-х гг. в московских комиссионных магазинах и государственных хранилищах. На момент смерти М. Пост в 1973 г. ее собрание включало 84 русские иконы XVI — начала XX вв.¹⁶

Они размещались вместе с остальными художественными коллекциями в Хиллвуде, вашингтонском имении Марджори, которое в 1977 г., согласно воле владелицы, стало публичным музеем.

Музей знаменит не только своим иконным залом, но и одним из лучших собраний русского декоративно-прикладного искусства за пределами России.

15 См.: The Joseph E. Davies collection of Russian paintings and icons presented to the Univ. of Wisconsin. Catalogue. New York: The Alumni assoc. of the University of Wisconsin, 1938.

16 Salmond W. R., Russian icons at Hillwood. Washington: Hillwoodmuseuma. gardens, 1998. P.16.

Не столь известна, но от этого не теряет свою значимость коллекция русских икон в Художественном музее Тимкен в Сан-Диего, на юге Калифорнии. Ее начала собирать в 1930-е гг. представительница одной из богатых семей города Эми Патнэм (1874–1958), а после ее смерти коллекцию пополнял Фонд Патнэм. Она включает более 300 икон; среди них много работ XVIII–XIX вв., дающих представление об эволюции иконописи, о продукции отдельных художественных центров. Но наиболее важную часть коллекции составляют произведения XV–XVI вв., исполненные мастерами московской и новгородской школы¹⁷.

Ценная коллекция русских икон принадлежит Художественному музею Уолтерс в Балтиморе. Созданный в 1934 г. на основе богатейшего собрания Уильяма и Генри Уолтерсов, музей является обладателем одной из лучших в США коллекций искусства Византии, которую удачно дополняют 18 русских икон, исполненных в XV–XVII вв.¹⁸

17 Шидловская Е. В. Русские иконы из Художественного музея Тимкен в Сан — Диего // Русское искусство. 2010. N. 4 (28). С. 148–153.

18 Art museums of the world. Vol. 2. New York: Greenwood press, 1987. P. 1097.

В 2006 г. в небольшом городке Клинтоне недалеко от Бостона (штат Массачусетс) открылся Музей русских икон, созданный предпринимателем Гордоном Ланктоном. Свою первую икону он приобрел на блошином рынке в Москве в 1989 г., а в настоящее время собранная им коллекция насчитывает более 400 икон; большинство из них исполнены в XVII–XIX вв., но есть и произведения XV–XVI вв., а также работы, созданные в конце XX в.

Таким образом, в США не сложилось коллекций русских икон, сопоставимых с первоклассными собраниями Москвы и Санкт-Петербурга. Тем не менее, в американских музеях есть коллекции, позволяющие составить представление о многовековом пути развития русской иконописи, о многообразии иконописных школ и иконографических сюжетов. В некоторых музеях этот путь отражен хотя и фрагментарно, но весьма достойными, а порой и выдающимися образцами древнерусской живописи. Каждая из этих коллекций по-своему интересна и представляет несомненную ценность — художественную, познавательную, просветительную.

Список литературы

1. Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи, XIX век. М.: Искусство, 1986. 384 с.
2. Вздорнов Г. И. Реставрация и наука: очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М.: Индрик, 2006. 411 с.
3. Грабарь И. Э. Письма. Т. 2. 1917–1941/Ред.-сост. Л. В. Андреева, Т. П. Каждан. М.: Наука, 1977. 442 с.
4. Жуков Ю. Н. Операция Эрмитаж. М.: Москвитянин. 1993. 128 с.
5. Кызласова И. Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы: По материалам архивов. М.: Изд-во Акад. горных наук, 2000. 437 с.
6. Муратов П. П. Выставка древнерусского искусства в Москве // Русская старина. 1913. Апрель. С. 31–38.
7. Одом, Энн. Марджори Мерривезер Пост и ее музей // Наше наследие. 2001. № 57. С. 131–135.
8. Проданные сокровища России/Н. Ильин, Н. Семенова. М.: Трилистник: Рус.авангард, 2000. 296 с.
9. Шидловская Е. В. Русские иконы из Художественного музея Тимкен в Сан — Диего // Русское искусство. 2010. N. 4 (28). С. 146–155.
10. Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. М.: Русское слово — РС, 2003. 535 с.
11. Art museums of the world. Vol. 1–2. New York: Greenwood press, 1987. 1682 p.
12. Museum of Russian icons: [site]. URL: <http://www.museumofrussianicons.org> (дата обращения: 15.06.2017).
13. Russian copper icons and crosses from the Kunz collection: Castings of faith/R. E. Ahlborn, V. Beaver-BrickenEspinola. Washington: Smithsonian institution press, 1991. 85 p.

14. Salmond, Wendy. How America Discovered Russian Icons: The Soviet Loan Exhibition of 1930–32 // *Alter Icons: The Russian Icon and Modernity*/D. Greenfield, J. Gatrall. Univ. of Pennsylvania Press, 2010. P. 128–143.
15. Salmond W.R. *Russian icons at Hillwood*. Washington: Hillwood museum a. gardens, 1998. 91 p.
16. The Joseph E. Davies collection of Russian paintings and icons presented to the Univ. of Wisconsin. Catalogue. New York: The Alumni assoc. of the University of Wisconsin, 1938. 78 p.
17. Williams, R. C. *Russian art and American money, 1900–1940*. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1980. 309 с.

THE RUSSIAN ICON IN MUSEUMS IN THE USA

Yureneva Tamara Yurievna,

DSc in History, Leading Researcher,

Russian Institute of Cultural and Natural Heritage by named D. S. Likhachev,

Ersenevskaya nab. 20, Moscow, Russia, 119072,

iureneva@mail.ru

Abstract

In this article the author considers collections of Russian icons in American museums, analyses historical and socio-cultural factors that have conditioned their formation and composition. Despite the fact that there are no collections in the United States that are equivalent to first-class collections in Moscow and St. Petersburg, some American museums have very good and interesting collections of Russian icons that have great artistic, educational and educational value.

Keywords

Museum, Russian icon, Russian medieval painting, icon collecting, collections of Russian icons in foreign museums, Russian art in foreign museums, Russian cultural heritage abroad.

RAR
УДК 008
ББК 63.3

ЖЕНСКАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Баниже Олег Николаевич,
независимый исследователь,
Москва, Россия
olegbanige@gmail.com

Аннотация

Женская телесность как ценность являются универсалией культуры. Социальный процесс воспроизводства включает в себя в качестве базовых отношений телесные взаимодействия гендерного характера. Фундаментальность женской телесности обусловлена также тем, что она является базовым источником нравственных, эстетических, гуманитарных и гуманистических чувств, переживаний, оценок и ценностей в обществе.

Ключевые слова

Тело, телесный код, женская телесность, телесная фигуративность, идентичность.

Актуальность исследования женской телесности и фигуративности обусловлена рядом обстоятельств. С одной стороны, это проблемы гуманизма — женственности, красоты, добра, материнства, с другой — эксплуатация женского «вопроса» и телесности в обществе потребительской культуры. Проблемы развития гуманизма в обществе ставит вопрос о преодолении отчуждения и гуманизма в области рассматриваемой проблематики. Высокая значимость рассматриваемой темы также обусловлена тем, что в ней анализируются центральные вопросы гуманизма вообще и те ценности, которые относятся к критериям социального прогресса.

Сложность проблемы обусловлена тем, что телесность имеет историческую фигуративность, тесно связанную со знанием, ценностями, властью, религией. Цивилизация, с одной стороны, расширяет возможности и рамки телесности, а, с другой стороны, характеризуется возрастающей эксплуатацией этой темы и этих ценностей в коммерческих, военных и пр. целях. Компьютеризация, развитие информационных

технологий, генной инженерии и генных технологий приводят к переоценке традиционных форм постановки вопроса, вплоть до субстанциализации образа постчеловека.

Современная цивилизация также усложнила проблемы идентичности, в связи с тенденциями гендерного многообразия, мультикультурализма, глобализации, детерриториализации и др. Проблематика женской телесности крайне сложна для исследования, так как в истории ее оценки очень противоречивы, неоднозначны и крайне субъективны. Происходящие биотехнологическая, информационная революции, визуальный поворот в культуре крайне усложнили обсуждаемую проблематику, поскольку изменили отношения между полами, сместили возрастные акценты, трансформировали идентичность. Между тем, чувственно-телесный мир женщины играет фундаментальную роль для ребенка и социума в целом. В обществе прогрессирующего и тотального техницизма это значимо вдвойне. Творческие способности, коммуникабельность, чувственно-эмоциональный

мир красоты и добра начинаются из коммуникации с матерью.

Уже в древней философии проблематика женской телесности и ее энергичности и духовности активно обсуждалась. В древнеиндийской философии выделяли грубое и тонкое тело. Гармонию духа и телесности искали Платон, Аристотель, арабские мыслители — Ибн Сина, Аль Фараби. Идеалы женской телесности и красоты стали играть особую роль в эпоху Возрождения. В эпоху капитализма телесность проявляет себя и используется в самых различных ипостасях и качествах. Возникает социальная проблема эксплуатации телесности, ее отчуждения.

Социально-философские и культур-антропологические аспекты телесности обсуждаются в работах И. М. Быховской¹, Д. В. Михель², В. А. Подороги³, В. М. Розина⁴, Т. Э. Цветус-Сальховой⁵ и др. Проблема женской телесной фигуративности в социологическом аспекте рассмотрена в диссертации Е. А. Гольман⁶.

Актуальным аспектом исследования телесной фигуративности женщин кроме гендерного подхода является также аспект анализа телесных практик и не только в историко-культурном подходе, но и как современной формы социализации и существования, ибо в современности телесность рассматривается как производная от культурных практик и культурных норм, ценностей и санкций. Женщины очень активно вовлечены в телесные практики и составляют основную часть аудитории в пластической хирургии и косметологии.

В современных социумах стал само собой разумеющимся проектный подход к телесной фигуративности, поскольку женщина проектирует на будущее свой социально-телесный имидж и управляет стратегией своей телесной фигуративности в социуме. Обратим внимание на два основных направления в исследовании телесности женщин: первое — это с точки зрения эталонов красоты, привлекательности и второе — с точки зрения самореализации и обретения ею своей статусности и идентичности.

Проблематика, с которой началось исследование и утверждение темы в отечественном и зарубежном гуманитарном дискурсе — это, прежде всего, понимание телесности как социального и культурного феномена в различных аспектах — М. Шелер, М. Мосс, Дж. Г. Мид, М. Мерло-Понти, П. Бурдьё, М. Фуко, в последнее время — Б. Тернер, К. Шиллинг, Д. Идлис и др. С нашей точки зрения, проблематика женской телесности стала обсуждаться позже, вначале в рамках классической постановки, вполне вероятно, в современной и радикальной постановке эта проблема вызрела под влиянием феминистской экспозиции вопроса. На русском языке, в отечественной гуманитарной науке кардинальную роль для ввода в оборот этой тематики сыграли работы И. М. Быховской, И. С. Кона, Д. В. Михель и др.

Необходимо подчеркнуть, что хотя марксизм сейчас не является доминирующей социальной теорией, но генезис телесно ориентированных научных теорий связан именно с социальной остротой рассматриваемых проблем: сексуализация женской проблематики, феминистский протест, маргинализация женского опыта и женской телесности вообще. Структуралистский подход объективизировал, обезличивал женскую субъектность. Возникла потребность очеловечить научный образ женщины в его гендерном измерении, показать ее не как результат норм и структур, а как креатора и субъекта выбора. Пионерской стала работа Б. Тернера, в которой произошла институционализация поля телесности в среде социальной научной проблематики. Работы Б. Тернера, М. Фезерстоуна, М. Хепворта, К. Шиллинга, а также периодический журнал «Body and Society» положили начало формированию самостоятельной области междисциплинарных социальных исследований человеческой телесности (body studies).

- 1 Быховская И. М. Человеческая телесность в социокультурном измерении. — М., 1993.
- 2 Михель Д. В. Тело в западной культуре. — Саратов, Научная книга, 2000. — 171 с.
- 3 Подорога В. А. Феноменология тела: введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992–1994 гг. — М.: ad Marginem, 1995. — 339 с.
- 4 Розин В. М. Как можно помыслить тело человека, или на пороге Антропологической революции // URL: <http://antropolog.ru/doc.php?id=225> (19.05.2017; 14.50)
- 5 Цветус-Сальхова Т. Э. Дистинкция понятий «тело» и «телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2010. — № 13. — С. 10–16.
- 6 См.: Гольман Е. А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования. Канд. дисс. 22.00.01 — Теория, методология и история социологии. — М., 2015.

Постепенно оформился разносторонний репертуар знания и курсов социально-гуманитарных наук в области телесности — телесных практик и телесной фигуративности как за рубежом, так и в нашей стране. С нашей точки зрения, основными темами анализа в этой области являются: а) соотношение и взаимосвязь биологического и социального, биологической и культурной наследственности. Произошла переоценка этих компонентов в связи с биотехнологической революцией, с развитием нетрадиционных форм знания и методологии — междисциплинарность, эволюционизм, синергетизация; б) обсуждение исходных концептов этой области: тело, телесность, телесная фигуративность, телесные практики, и др.; в) реализация культурно-исторической методологии, рассмотрение телесности и телесных практик в различных культурно-исторических формах; г) активное развитие гендерного подхода, его сочетание с феминистскими, политическими, этическими и пр. аспектами; д) обсуждение фигуративности и форматирования тела как с помощью специальных техник, так и посредством развивающихся практик — управление телесностью, трансформация телесности и ее проектирование и конструирование; е) наконец, это исследование, особенно в постмодерне, практик телесного наказания и поощрения.

Естественно, что женская телесность имеет как традиционное ядро исследуемой проблематики, так и новые пласты и аспекты исследования. Многообразие подходов и аспектов обусловлено, с одной стороны, множеством функций, в которых занята телесность: гендер-спорт, здоровье (болезнь), красота (эстетика), мораль, и пр. В то же время, в современном обществе и в условиях массовой культуры женская телесность играет важную роль в определении идентичности. Массовая культура и современные технологии способствовали широкой социальной репрезентации женской телесности. Современная естественная наука также стала говорить об эволюции и незаконченности природы человека. Это способствовало активному стимулированию со стороны социума процессов усовершенствования телесности, стало результатом экстраполяции индустриального подхода на территорию телесности, а, с другой стороны, на базе постиндустриальных технологий стал формироваться образ постчеловека. Женщины

на этом пути проявили, пожалуй, больше активности в переустройстве как своего тела, так и телесной фигуративности в целом. Это, видимо, объясняется тем, что телесность во всех ее проявлениях приоритетна в коммуникационных стратегиях женщин, женщины особое значение придают своим коммуникационным интеракциям и их выстраиванию. Они хорошо осознают, что от этих интеракций зависит их статус-кво, успешность продвижения. Поэтому манеры для женщин, как правило, на первом месте, поскольку через стиль в целом и отдельные его проявления они создают свой образ. Собственная идентичность современной женщиной создается по правилам семиозиса и семиосферы⁷ информационного социума, которые включают в себя плюрализм, нелинейную логику, многозначность, мозаичность, равенство стилей, детерриторизацию, эпатаж и др. В обществе «пост» управление своей телесностью достигается не просто системой мимики, жестов и пр. невербальных приемов, но путем глубинной трансформации и переформатирования своего тела, путем диет, пластических операций, применения препаратов, смены пола и пр. приемами. Поскольку современное общество — это общество разнообразия и сосуществования различных стилей, то можно смело утверждать, что проблема идентичности еще более усложняется. Фундаментальная значимость телесной репрезентации индивида в массовом и информационном обществе обусловлена тем, что она из сферы микротношений за счет инфотехнологий и масс медиа поднимается до глобального уровня, а, с другой стороны, в медиатексте социума оно становится «элементом построения биографии и самоопределения перед лицом различных сценариев жизненного пути»⁸. Ведь в секуляризованном обществе индивид не получает идентичность априори, а вынужден находиться в ее поиске и созидании. Истина идентификации обретается как стиль жизни в бесконечной коммуникации. Тело оказывается тем центропунктом, где перекрещиваются усилия персональной рефлексивности и индикатора

7 См.: Гриценко В. П. Социальная семиотика. — Екатеринбург, 2006.

8 Гольман Е. А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования. Канд. дисс. 22.00.01 — Теория, методология и история социологии. — М., 2015. — С. 37

торы здоровья. В современной антропологической парадигме дуализм души и тела перестал быть главной проблемой. Основной антропологической проблемой стало конструирование Я-идентичности путем самопостроения своего

образа в пространстве массовой коммуникации. Тело как душа в этом случае предстаёт как текст культуры, обладающий в потребительском обществе высшими потребительскими качествами — здоровьем и привлекательностью (сексуальность).

Список литературы

1. Быховская И. М. Homo somaticus: аксиология человеческого тела. — М.: Едиториал УРСС, 2000. — С.107.
2. Быховская И. М. Человеческая телесность в социокультурном измерении. — М., 1993.
3. Вигарелло Ж. Искусство привлекательности. История телесной красоты от ренессанса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 432 с.
4. Гольман Е. А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования. Канд дисс. 22.00.01 — Теория, методология и история социологии. — М., 2015.
5. Гриценко В. П. Социальная семиотика. — Екатеринбург, 2006.
6. Михель Д. В. Тело в западной культуре. — Саратов, Научная книга, 2000. — 171 с.
7. Подорога В. А. Феноменология тела: введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992–1994 гг. — М.: ad Marginem, 1995. — 339 с.
8. Розин В. М. Как можно помыслить тело человека, или на пороге Антропологической революции // URL: <http://antropolog.ru/doc.php?id=225> (19.05.2017; 14.50)
9. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы./Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. — С. 89–139.
10. Цветус-Сальхова Т. Э. Дистинкция понятий «тело» и «телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2010. — № 13. — С. 10–16.
11. «Body and Society» // URL: <https://us.sagepub.com/en-us/nam/journal/body-society>.
12. ASPS 2012 Quick Facts. Cosmetic Plastic Surgery Demographic Trends // 2012 Plastic Surgery Statistics Report. URL: <http://www.plasticsurgery.org/Documents/newsresources/statistics/2012-Plastic-Surgery-Statistics/demographic-trends-quick-facts.pdf>
13. Shilling C. The Body and Social Theory// *Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects*/ed. by C. Shilling. — Oxford: Blackwell, 2007. — P. 9.
14. Turner B. S. *The Body and Society: Explorations in Social Theory*. Third Edition. — London: SAGE Publications Ltd, 2008. — P. VIII.
15. Witz A. Whose Body Matters? Feminist Sociology and the Corporeal Turn in Sociology and Feminism // *Body and Society*. 2000. No 6 (2). — P.1.

FEMALE CORPORALITY AS CULTUROLOGICAL PROBLEM

Oleg N. Banizhe
Independent Researcher
Moscow, Russia
banigeon@mail.ru

Abstract

Female corporality as value are universal culture. Social process of reproduction includes corporal interactions of gender character as the basic relations. Fundamental nature of a female corporality is caused also by the fact that it is a basic source of moral, esthetic, humanitarian and humanistic senses, experiences, estimates and values in society.

Keywords

Body, corporal code, female corporality, corporal figurativity, identity.

ЭТНОКУЛЬТУРЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

RAR
УДК 392.6
ББК 71.4 (2)

ПОНЯТИЕ ЛЮБВИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ МОРДОВСКОГО ЭТНОСА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ломшина Елена Николаевна,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий Научно-исследовательской лабораторией
финно-угорской культуры
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева»,
ул. Большевистская, 68, г. Саранск, Республика Мордовия, 430005,
enlomshina@mai.ru

Аннотация

Автор рассматривает понятие любви в традиционной культуре мордовского этноса на основе анализа устнопоэтического творчества, архивного материала, ономастики, топонимики географических названий, мифологии. В статье анализируются такие виды любви, как материнская, любовь между родителями и детьми, индивидуальная половая любовь.

Ключевые слова

Аксиология, традиционная культура, мордовский этнос, ономастика, топонимика, устно-поэтическое творчество, мифология, любовь.

Понятие любви — вечкема (э), кельгома (м.), любовных отношений встречается уже в текстах легенд и эпических песен, отразивших древние этапы жизни народа, в ономастике мордовских языческих имен, топонимике географических названий, в мифологии мордовского этноса, отразившей мировоззренческие установки, идеалы, ценности. Анализ географических названий позволил зафиксировать географические назва-

ния сел Республики Мордовия, в которых имеется корень «любить». Например, Кельгинино (Кельге) мокшанское село в Зубово-Полянском районе. Название села сохраняет дохристианское имя Кельгай. Само имя образовано от глагола кельгомс «любить, уважать»¹. Вичкидеево — рус-

1 Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР/Под ред. В. А. Никонова и Д. В. Цыганкина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С.92.

ское село в Теньгушевском районе. В названии села спрятано имя Вечкидей, возникшее благодаря глаголу вечкемс «любить», и имяобразующего суффикса –дей², Вечкусы — русское село в Ичалковском районе. Название происходит от старинного эрзянского личного имени Вечкесь или Вечкись³. В ономастике мордовских языческих имен, как отмечает Н. Ф. Мокшин в книге «Тайны мордовских имен», встречаются такие дохристианские имена, как Вечкас, Вечкуш, Вечкуша, Вечкус, Вечкан, Вечкеват, Вечкенза, Вечкидей, Келгу, образованные от слова вечкема (э), кельгома (м.) — любовь⁴.

Концепт любви, по мнению С. Воркачева, принадлежит к числу «мировоззренческих универсалий, образующих основания культуры и экзистенциальных благ, где выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели, и связан с формированием у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственного индивидуального бытия»⁵.

Высшим видом любви и наиболее священной из всех эмоциональных связей является материнская любовь, из-за своего альтруистского, бескорыстного характера. Об этом говорят многочисленные свидетельства устнопоэтического творчества. «Любовь матери, как ясное солнышко, греет», — говорили в мордовском народе⁶. Это созвучно эпическим рунам Калевалы. Особенно примечателен в этом отношении образ матери Лемминкайнена. Она олицетворение безграничной материнской любви. Ее духовная сила, страстная любовь к сыну помогает вернуть его к жизни⁷. Сила материнской любви настолько велика, что в состоянии даже победить смерть. Природа языческой религии формировала представление о сущности всеобъемлющей материнской любви.

Чувство уважения к матери, ее почтение — древняя традиция мордвы, оно ценилось очень высоко и передавалось из поколения в поколение на генетическом уровне как архетип культуры. Можно согласиться с точкой зрения американского культуролога П. Сэнди, которая связывает влиятельную роль женщин, во-первых, с внутренней ориентацией культуры, которая обеспечивает большой стабильностью жизнедеятельности, во-вторых, указывает на важное значение анализа символики мифологии и религии для определения их роли в семье и культуре⁸.

Анализ мифологии мордовского этноса позволяет сказать, что женские божества преобладали в языческом пантеоне, где существовал культ «Богини-матери». В разных обрядах, молениях главную роль играли женщины, и это наблюдается во всём финно-угорском мире. А. В. Кыласов приводит пример обрядовых состязаний в традиционной борьбе нюл-тахли у хантов и манси исключительно среди женщин, которые проводились непосредственно возле идолов и священного лабаза, куда мужчины не допускались. Интересно отметить, что в отсутствие мужчин мироздание всё равно не мыслилось в гомосексуальных категориях, и потому допускался трансгендер, когда женщины, оставаясь собой, были аватарами мужчин⁹.

В идеальном аспекте нравственного сознания, отношения между родителями и детьми должны были основываться на взаимной любви и почитании (мель ваномы) (э). В реальности положение детей было несколько противоречивым¹⁰. С одной стороны, они должны были повиноваться полностью воле родителей. Воля отцовская стала выше царской, «и царь хотел, но отец не велел», воля матери сопоставлялась с божеской: «мать сказала — бог сказал»¹¹. Такие ценности, как «мель ваномы» (э) (почитание), «кунсоллома» (э) (послушание) считались определяющими. Непочтительного сына отец мог выгнать, лишить надела.

2 Цыганкин Д. В. Память земли. Саранск: Мордов. кн. изд-во. 1993. С.64.

3 Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР/Под ред. В. А. Никонова и Д. В. Цыганкина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С.49..

4 Мокшин Н. Ф. Тайны мордовских имен. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. С.58.

5 Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт/С. Г. Воркачев. М.: Гнозис, 2007. С.7.

6 Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. С.43.

7 Калевала. Карело-финский эпос./Под. ред. Д. В. Бурбиха. М.-Л.: Академия. 1933. С.77–85.

8 Sanday P. Female power and a male domin on the origin of sexual inequality. — Cambridg ets., 1981/-XXIII. С.69.

9 Кыласов А. В., Тедорадзе А. С. Проблемы сохранения и развития традиционной борьбы нюл-тахли/А. В. Кыласов, А. С. Тедорадзе // Вестник угроведения. — 2014. — №4 (19). С.159.

10 Ломшина Е. Н. Этноэтика мордвы/Е. Н. Ломшина // Регионоведение. — 2007. — № 1. — С.290.

11 Майнов В. Н. Очерки юридического быта мордвы. Спб.: тип. Мин-ва внутр. дел., 1885. С. 74.

Анализ устнопоэтического творчества, документов позволяет сделать характерное замечание, что власть родителей имела пределы. Например, считалось недопустимым бить детей. «Иттнень мархта тюремс — зверькс улемс» (м) («Детей бить — надо зверем быть»)¹². Исследователь И. Селиванов пишет, что во время пребывания среди мордвы, ни разу не видел, чтобы отец или мать, или в особенности кто-нибудь из родственников бил детей¹³. Если же приходилось прибегать к такому виду наказания, это ставили в укор родителям, как отмечает В. Майнов: «Спина ребенка краснеет от удара, лицо родителей — от стыда»¹⁴. С другой, они пользовались определенными правами. В сознании мордвы «подвластность» детей воспринималась как источник будущего права сына, как залог превращения в главу дома, при естественной смене поколений. Девушку готовили к роли «хозяйки дома» «матери». Это отразилось в воспитательных программах народной педагогики, где зафиксирован факт полового воспитания.

В свою очередь, дети также должны были заботиться о родителях, это считалось моральным долгом. Архивные материалы свидетельствуют, что почти в каждом доме находятся престарелые родители. «Например, во дворе Трофим Афанасьев — 47 лет... у него мать вдова — 80 лет». «Во дворе Купряшка Наткин — 32, у него мать вдова, Сурма, Кудашева дочь, слепа — 60»¹⁵. Отказ в содержании родителей осуждался общественным мнением.

Отношения внутри мордовской семьи были гармонизированы как экономически, так и юридически. Во многом это определялось структурой семьи. Структура, устройство семьи по типу братства или задруги представляло собой наилучший образец семейной общины. Эта гармонизация определялась в духовной сфере религиозными связями: каждая семья поклонялась своим святыням, имела домашних духов — покровителей.

«Одним из главных духовных ценностей культуры этноса «мель ваном» (э), «мяль ваном» (м.) (почитание), «кунсоллома» (э.), «кулх-цондома» (м.) (послушание) были выражением сакральной связи между родителями и детьми. Почитание родителей и исполнение долга по отношению к ребенку «трямо-кастома» (э.), «тряма-касфтома» (м.) взаимно обуславливали друг друга»¹⁶. Сын лишь постольку был сыном, поскольку он почитал родителей, и, наоборот, лишь при условии выполнения своего родительского долга, родители считались уважаемыми людьми.

Следующий вид любви, который мы выделяем, и на котором акцентируем внимание — индивидуальная любовь.

Так, у эрзян было особое божество и покровительница любви Анге-патяй, «вечно юная дева, полная сил, красоты и жизни и во всем мире подерживающая жизнь»¹⁷, она считалась «покровительницей девушек и женщин, их брака и любви, матерью богов, помощницей при родах», — писал П. И. Мельников-Печерский.

Роль бога огня и бога любви выполнял Нишке-паз (бог неба, один из верховных богов), создатель и покровитель вселенной, владыка семейной жизни, символ пчел и улья (как олицетворение семьи, рода). По традициям, девушки перед летним праздником, устраиваемом в честь Анге-патяй, вешали венки из березовых веток около домов и над своим изголовьем, призывая в молитвах свою покровительницу явиться к ним: «Анге-патяй матушка, помоги девке твоей чисто жить и давай поскорее жениха хорошего»¹⁸.

Образ Ведь-авы (м. э.) (покровительница воды), обладал многофункциональностью и амбивалентностью. Она являлась и покровительницей судеб и брака. Одна из легенд, представленная В. Н. Майновым, исследователем XIX века, рассказывает о сильном, безответном чувстве любви одной девушки, которая обращается к ней за помощью. Но Ведь-ава случайно соединяет судьбу юноши с другой девушкой. От отчаяния, невыносимых мук и страданий она бросается

12 Устно-поэтическое творчество мордовского народа в 12 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. —Т.4. — кн.1. С.50

13 Документы и материалы по истории Мордовии/Труды МНИИЯЛИЭ в 3 т. Саранск: Мордгиз, 1939. — Т.3. — Ч.1. С.226

14 Майнов В. Н. Очерки юридического быта мордвы. Спб.: тип. Мин-ва внутр. дел., 1885 С.129

15 ЦГАДА. — Ф.350. — Оп.1. — Д.416. — Лл.260 об./Ландратская книга по Темниковскому уезду. Л.161

16 Ломшина Е. Н. Этноэтика мордвы: традиции и современность/Е. Н. Ломшина// Научное мнение — 2012. —№ 10. — С.42

17 Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы. Саранск: Мордов.кн. изд-во, 1981. С.80

18 Там же. С.54

в реку и тонет¹⁹. С одной стороны, любовь здесь определяется как целостное, всепоглощающее, космическое чувство. Ее ценность выше жизни. С другой стороны, она трагична. Такое определение мы находим у Гомера, Гесиода. Отречение от всякой жизненной перспективы, жертва жизнью определяет величайшее в любви, то, что сохраняет ее таинственную святость. Это созвучно идеям В. Соловьева, у которого «сильная любовь остается или неразделенной, или приводит к трагическому концу»²⁰.

В силу обладания космической природой неизбежен вывод, что любви односторонней не может и не должно быть, ибо любовь выше людей. Неразделенная любовь — вина, грех против космоса, против мировой гармонии, против начертанного в божественном порядке андрогинического образа. Того, кто не принимал стрелу любви, поражала у древних стрела смерти. Так, погиб эрзянский парень Дувар, отвергший любовь Даны, которая отдала свою ослепительную красоту, чтобы завоевать его²¹. Погиб Нарцисс, который отверг любовь нимфы Эхо и влюбился в свое отражение, так погибла Анаксарета, которая не захотела любить Ифиса, так погиб Адонис, который отказался от любви Венеры. В традиционной культуре мордовского этноса чувство любви свойственно было изображать в зашифрованной форме, в отличие, скажем, от античной мифологии, где все говорило об открытости: сложение гимнов красоте человеческого тела, обнаженность античных скульптур. «В культуре мордвы таинственность изображаемых чувств отразилась в лирике, в произведениях искусства»²². Во-первых, скрытность чувств от посторонних глаз, по понятиям этноса, создала особый эмоционально-духовный настрой, радость, интимность. Во-вторых, она порождалась, по-видимому, из-за страха перед завистью людей и богов, из-за боязни лишиться счастья. В-третьих, она объясняется присущей скромностью.

О наличии индивидуальной любви говорит выбор, мотив неповторимости, незаменимости

конкретного человека. Инициатива выбора чаще принадлежала парню, но окончательное решение принимала девушка. Знакомства происходили на вечеринках, помочах, супрядках, посиделках, играх, праздниках, где можно было лучше узнать друг друга.

В фольклоре создан своеобразный эталон внешности и поведения — этико-эстетический идеал народа, наиболее ярко и ёмко выраженный в традиционных играх, неотделимых от празднично-обрядовой культуры и обладающих неповторимым колоритом этнодвигательности, по определению А. В. Кыласова²³. Игровая среда служила одновременно выявлению и индивидуальной фиксации качеств идеальных жениха и невесты: «крепкое телосложение», «красота», «веселый нрав», «доброта», «скромность», «уважение старших», «ловкость», «трудолюбие», «усердие», «безупречное поведение родителей и родственников». По мнению Н. Н. Глуховой и В. А. Глухова, главными ценностями, объединяющие финно-угорские народы, являются этические, а именно преобладающая роль этики служит наиболее точным выражением суперэтнической финно-угорской идеи²⁴. В традиционной культуре мордвы оценивались поступки, человеческие качества, требования, которые предъявлялись со стороны общины, социальной группы к личности. Смысл любви состоял в признании за другим человеком безусловной значимости и ценности.

Образ любимой воспевался в песнях-величаниях, т. к. он выделялся среди прочих, имел неповторимые черты: «Девушка Татьяна хорошая, красивая и умная, чем она умна? Отчего она красива и хороша? Оттого, что она не ленива: Рубашка на ней крепкая, рукавички долгонькие, глазки у ней черненькие, словно черемуха, точно красный маковый цветочек, лицо ее»²⁵. Формировалось ценностное предпочтение одних человеческих качеств, норм перед другими, неповторимость любимого перед остальными. Складывалась определенная иерархия ценностей.

19 Майнов В. Н. Очерки юридического быта мордвы. Спб.: тип. Мин-ва внутр. дел., 1885 С.123

20 Соловьев В. С. Смысл любви/Соловьев: соч. в 2 Т. М.: Мысль, 1991. — Т.2. — С.79

21 Устно-поэтическое творчество мордовского народа в 12 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. — Т.10. С.40

22 Логинова М. В. К вопросу взаимосвязи искусства и этноса // Финно-угорский мир. — 2013. — №2 (15). С.36

23 Кыласов А. В. Традиционные игры и этносport: общая классификация // Теория и практика физической культуры. — 2014. — №8 (25). С. 43

24 Глухова Н. Н., Глухов В. А. Системы ценностей финно-угорского суперэтноса/Н. Н. Глухова, В. А. Глухов. Йошкар- Ола: ООО «Спринт», 2009.С.261

25 Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы. Саранск: Мордов.кн. изд-во, 1981. С.87

Следует отметить, что дело тут не в особенной нравственной оценке, а в особом эмоционально-образном волевом восприятии.

Следует отметить амбивалентность восприятия чувства любви. С одной стороны, как уже отмечалось выше, любовь определялась как всепоглощающее чувство, с другой, она не ставилась в центр мироздания

Любовь очень часто не вмещалась в рамки семьи и общества. Об этом свидетельствует фольклор. Мечта соединиться с любимым — извечное стремление человека во все времена. Однако в традиционной культуре мордвы происходило столкновение индивидуальной любви с семейно-родовыми интересами. «Так, мифологические героини Литова, Сыржа, чтобы избежать замужества без любви, обращаются к божествам и умирают, чтобы затем улететь в небеса и возродиться»²⁶. Некоторые родители стремились женить сына, выдать замуж дочь по экономической целесообразности, по собственному усмотрению. По свидетельству исследователей А. Палласа, И. Селиванова, «иногда сочетали браком малолетних сыновей со взрослыми девушками»²⁷. Материалы архива по Темниковскому уезду также указывают на наличие неравновозрастных, неравноправных браков среди мордвы.

Например, в деревне Канкушах «Во дворе Фетка Петаев — 49 у него сын Живай — 12, у Живая жена Рузу, Нороватова дочь — 30, у него дети сын Анашко — 3, женился он в 1713 г.»²⁸, в деревне Чотово «во дворе Казей Маскаев — 37 У него сын Ерока — 11, У Ерока жена Келгу, Сайкина дочь — 20 лет, женился он в 1712 г.»²⁹, в деревне Барашевы «во дворе Умряк Ефаев — 54 у него сын Масейка — 16 у Масейки жена Видя, Ночкина дочь — 40 лет, у него сын Иню — 4»³⁰. Во многих мордовских песнях, преданиях неравноправный, неравновозрастный

брак осуждается, выражая недовольство девушек своими родителями, которые устраивают семейную жизнь детей по собственному желанию:

Моя родимая матушка,
Мой кормилец батюшка,
За малолетнего мужа меня выдали,
За недоросля меня сосватали,
Вечером ложусь спать,
Вечером постель стелю —
Я сильно, сильно теряюсь,
Я сильно, сильно забываюсь,
Уложила бы его у ног своих —
Боюсь, ногами столкну его.
Уложила бы его рядом с собою —
Боюсь, задавлю его³¹.

Однако любовь очень часто не вмещалась в рамки семьи и общества. Об этом свидетельствует фольклор. Существует цикл песен о нелюбимом муже: «Жена проклинает своего мужа», «Акулина Дмитриевна семь лет не хочет знать своего мужа», «Пусть колдун испортит маленького мужа»³². Чтобы не жить с нелюбимым мужем, но не выйти при этом из рамок общественной морали, девушка желает умереть, чтобы снова воскреснуть и навеки соединиться с любимым. Песни «Кулан тетякай» («Умру, тятенька»), «Кенжень Салунысь» (Кежина Салуныя) звучат, как гимны, посвященные любви.

Жертвенная гибель в жизни кладет на любовь печать вечности. Любовь теснее, интимнее, глубже связана со смертью, чем с рождением, и связь эта — залог ее вечности. В сознании приобщается к бессмертию.

Разлучив с любимой (-ым), своевольные родители обрекали своих детей на несчастную супружескую жизнь. Тема трагической судьбы влюбленных, разлученных по воле родителей, или в силу других обстоятельств, находит отражение в легендах и песнях: «Дружканзо калмо лангсо» (На могиле любимой), «Толонь седейть» («Пламенные сердца»)³³. В легенде «Раужо лисьма»

26 Ломшина Е. Н. Некоторые аспекты исследования нравственной культуры мордовского этноса/Е. Н. Ломшина // Вестник Мордовского университета. — 2014. — № 4. (24) — С. 235

27 Документы и материалы по истории Мордовии/Труды МНИИЯЛИЭ в 3 т. Саранск: Мордгиз, 1939. — Т.3. — Ч.1. — С.149

28 ЦГАДА. — Ф.350. — Оп.1. — Д.416. — Лл.260 об./Ландратская книга по Темниковскому уезду. Л.197

29 Там же.

30 Там же.

31 Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. Спб.: ипогр. Импер. АН, 1910. С.414

32 Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. Спб.: ипогр. Импер. АН, 1910. С.467,477.

33 Устно-поэтическое творчество мордовского народа в 12 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. — Т10. С.33–37.

(«Черный колодец»)³⁴ повествуется о том, как родители не хотели выдавать свою красавицу-дочь Улюту за ее возлюбленного Юртая и тем самым обрекли ее на несчастную жизнь, закончившуюся трагически. Эта легенда — назидание своенравным родителям. В народной морали зафиксировано отрицательное отношение к родителям, решавшим своевольно судьбу своих детей.

В идеальном плане нравственного сознания ценилось чувство верности, (кемема) (э), преданности любимому человеку. Так, в песне «Учок монь» («Жди меня») жена спрашивает мужа, когда ждать его возвращения, мечтает о встрече с ним до того, как наступила разлука. В ней отразилась душа женщины, умеющей тонко чувствовать и способной на верность в любых жиз-

ненных обстоятельствах. Ради любимого человека она готова перенести все, а ее преданная любовь граничит с самопожертвованием.

Мотив верности — это следствие проявления индивидуальной любви, где она важна не как проявление чувств, а как перенесение жизненного интереса из себя в другое, как перестановка всего центра жизни. Вечная сила любви часто изображается в песнях символически, когда на могилах влюбленных сплетаются друг с другом деревья.

Таким образом, любовь в традиционной культуре мордвы определялась как смысло-жизненная ценность. Высшим видом любви и наиболее священной из всех эмоциональных связей являлась материнская любовь. Индивидуальная любовь проявлялась через выбор, мотив верности. В культуре мордвы воплотился этико-эстетический идеал народа.

34 Устно-поэтическое творчество мордовского народа в 12 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. — Т.10. С.191

Список сокращений

м. — мокшанский

э. — эрзянский

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт/С. Г. Воркачев. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
2. Глухова Н. Н., Глухов В. А. Системы ценностей финно-угорского суперэтноса/Н. Н. Глухова, В. А. Глухов. Йошкар-Ола: ООО «Спринт», 2009. 276 с.
3. Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР/Под ред. В. А. Никонова и Д. В. Цыганкина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 264 с.
4. Кыласов А. В. Традиционные игры и этносport: общая классификация // Теория и практика физической культуры. — 2014. — № 8 (25). — С. 41–45.
5. Ломшина Е. Н. Этноэтика мордвы: традиции и современность/Е. Н. Ломшина// Научное мнение — 2012. — № 10. — С. 38–46.
6. Мокшин Н. Ф. Тайны мордовских имен. Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1991. 112 с.
7. Соловьев В. С. Смысл любви/Соловьев: соч. в 2 т. М.: Мысль, 1991. — Т.2. — С.61–82.
8. Цыганкин Д. В. Память земли. Саранск: Мордов. кн. изд-во. 1993. 160 с.
9. Шуляев А. Д. Жизнь и песня. Саранск: Мордов. Кн. изд-во, 1986. 172 с.

THE CONCEPT OF LOVE IN THE TRADITIONAL CULTURE OF MORDOVIAN ETHNOS: AXIOLOGICAL APPROACH

Lomshina Elena Nikolaevna,

Head of the research finno-ugric culture
laboratory of N. P. Ogarev Mordovia State University,
candidate sciences of philosophy, dosent,
Bolshevistskaya st., 68, Saransk, Republic Of Mordovia, 430005,
enlomshina@mai.ru

Abstract

The author examines the concept of love in the traditional culture of the Mordovian ethnos basing on the analysis of oral poetry, archival material, onomastics, the toponymy of geographical names and mythology. The article analyzes such kinds of love as the mother»s one, the love between parents and children and individual sexual love. The novelty of the study lies in the fact that the concept of love in the traditional culture of the Mordovians is investigated in multidimensional terms through the prism of moral consciousness, moral behavior and relationships.

Keywords

axiology, traditional culture, mordvinian ethnos, love, onomastics, toponymy, oral poetic creativity, mythology.

ПУБЛИКАЦИЯ В НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

Основные рубрики: «Методология и методы и методология исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира» и др.

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объемом до 10–12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: **knaros@yandex.ru**.
- Формат текстовых файлов — **DOC, DOCX**.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 12 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. Тип статьи (выбрать из списка на следующей странице).
2. УДК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
3. ББК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
7. Аннотация на русском языке (5–8 строк).
8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пт., междустрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. **Сноски — постраничные (внизу страницы).**
10. Список использованной литературы.
11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
14. Аннотация на английском языке (5–8 строк).
15. Ключевые слова на английском языке (8–10).

Иллюстрации представляются отдельными файлами. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

RAR
УДК 008.001.14
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....
Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

- 1 Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
- 2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
.....
8. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
.....

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;	SCO — краткое сообщение;	COR- переписка;
EDI — редакционная заметка;	REV- обзорная статья;	PER — персоналии;
BRV- рецензия;	ABS- аннотация;	MIS — разное;
CNF — материалы конференции;	REP- научный отчет;	UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77–69550 от 02.05.2017 г.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России»: Э93581.

Издатель: МОО «Русский культурный центр».

Подписано в печать: 19.06.2017. Формат 60x901/8. Тираж 500 экз.

Адрес редакции: 117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 136, корп. 1, кв. 309.

Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>

<http://ркцентр.рф/культурное-наследие-россии/>

E-mail: knaros@yandex.ru